

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ N **3**(87)

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

<i>Ю.М. Осипов</i> Россия на подъеме!	7
Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i> Философско-хозяйственный ключ к постижению исторической реальности ..	23
<i>Н.Б. Шулевский</i> Развитие или преобразование России?	30
<i>И.Г. Шевченко</i> Главное бухгалтерское уравнение России	45
<i>С.З. Семерник</i> Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического»	51
<i>М.Р. Эляян</i> История философии хозяйства: производительное земледелие Китая	61
<i>Р.Е. Соколов</i> Современная каноническая философия хозяйства в изложении Совета глав протестантских церквей России	72
<i>Ф.Д. Кожурин</i> К мировоззренческой подоплеке теории хозяйства и христианской демократии	78
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>П.С. Лемещенко</i> Базовые регуляторы неоиндустриальной экономики	93
<i>В.М. Кульков</i> Постреформизм и трансформация в экономике России	127
<i>М.Ю. Павлов</i> Контурь посткризисного мира: на пути к преодолению экономизма.....	133
<i>О.Г. Домбровский</i> Экономические системы в условиях коэволюции и энтропии.....	141
<i>Т.С. Черников</i> Кризис как форма теоретического развития экономической науки	148
<i>Е.А. Демакова, Л.А. Слонова, И.В. Шишкина</i> Задачи квалиметрии в сфере закупок продукции для государственных и муниципальных нужд	155
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ю.М. Осипов</i> Сеть как феномен человека и человечества.....	165
<i>Ф.И. Гиренок</i> Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский	171
<i>Н.Н. Ростова</i> Сакральное и аффект	182
<i>Э.А. Камалов</i> Экономическая и техническая рациональность: источники легитимности	192

Раздел IV	
Современная Европа	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мир, Европа и Россия.....	201
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Интеграционные процессы в посткризисной экономике: возможности и ограничения.....	208
<i>В.В. Кашицын</i>	
Европейский союз, Польша и Россия в контексте взаимосвязей мирового и внутреннего рынков.....	228
<i>Я. Пасечны</i>	
Польша в процессе европейской интеграции — опыт и перспективы.....	236
<i>З.Э. Скрынник, Е.С. Зотова</i>	
Европейские ценности и рыночные механизмы на политическом поле постсоветских стран	247
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Реплика по поводу Макиавелли.....	259
<i>А.С. Нилюгов</i>	
Бремя человека, или Кутырёв труд/п	263
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Философия от своего имени.....	268
<i>Е.С. Кешишева</i>	
Письмо к Василию Васильевичу Розанову.....	271
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Эстетика фильма «Ты и я»	272
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Мы, стоящие вверх ногами. Заметки о фильме Александра Столярова	275
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальный Бердяев.....	281
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации	283
<i>В.Н. Рогожникова, Т.А. Савинова</i>	
Выставка, посвященная 100-летию со дня выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова	289
Наши авторы	299

Contents

<i>Yu.M. Osipov</i> Russia Rises!.....	7
Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Philosophy of Economy Key to Comprehension of Historical Reality	23
<i>N.B. Shulevsky</i> Russia's Development vs Russia's Transfiguration	30
<i>I.G. Shevchenko</i> Main Accounting Russia' Equation	45
<i>S.Z. Semernik</i> Anthropological Measurement of Sociocultural Dynamics: Expansion «Homo Economicus».....	51
<i>M.R. Eloyan</i> The History of Philosophy of Economy: Chinese Productive Agriculture.....	61
<i>R.Ye. Sokolov</i> Modern Canonical Philosophy of Economy in the View of the Council of Russian Protestant Churches Heads.....	72
<i>F.D. Kojurin</i> To World Outlook Underlying Basis of the Theory of Economy and Christian Democracy	78
Part II	
Economic Theory	
<i>P.S. Lemeschenko</i> Basic Regulators of Neoindustrial Economy	93
<i>V.M. Kulkov</i> Transition and Post-reformism in the Russian Economy	127
<i>M.U. Pavlov</i> Outlines of the Post-Crisis World: on a Way to Economism Overcoming	133
<i>O.G. Dombrovski</i> Economic Systems in the Conditions of a Evolution and Entropy	141
<i>T.S. Chernikov</i> Crisis as a Form of Theoretical Development of Economic Science	148
<i>E.A. Demakova, L.A. Slonova, I.V. Shiskina</i> Quality Measurement Tasks in the Sphere of Production Purchases for the State and Municipal Needs	155
Part III	
Actual Philosophy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Network as Phenomenon of the Person and Mankind.....	165
<i>F.I. Girenok</i> Dispute on Sofia: S. Bulgakov and P. Florensky	171
<i>N.N. Rostova</i> Sacral and Affect	182
<i>E.A. Kamalov</i> The Economic and Technical Rationality: the Sources of Legitimacy.....	192

Part IV	
Modern Europe	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
World, Europe, Russia	201
<i>V.T. Ryazanov</i>	
Integration Process in the Post-Crisis Economy: Possibility and the Limitation ...	208
<i>V.V. Kashitsyn</i>	
The European Union, Poland and Russia in a Context of Interrelations of World and Domestic Market	228
<i>J. Pasechny</i>	
Poland in the Course of the European Integration, Experience and Prospects	236
<i>Z.E. Skrynnik, E.S. Zotova</i>	
The European Values and Market Mechanisms on a Political Field of the Post-Soviet Countries	247
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Remark Concerning Machiavelli	259
<i>A.S. Nilogov</i>	
Person's Burden, or Kutyriv's Work	263
<i>N.N. Rostova</i>	
Philosophy on its Own Behalf.....	268
<i>E.S. Keshisheva</i>	
A Letter to Vasily Rozanov	271
<i>F.I. Girenok</i>	
Film Esthetics «You and I».....	272
<i>N.N. Rostova</i>	
We Who are Standing Head over Heels. Notes about Alexander Stolyarov's Movie	275
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Actual Berdyaev	281
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Neoindustrialization: Essence, Value and Realization Mechanisms	283
<i>V.N. Rogozhnikova, T.A. Savinova</i>	
The Exhibition Dedicated to the 100th Anniversary of the Publication of the «Philosophy of the Economy» by S.N. Bulgakov	289
Our Authors	299

Ю.М. ОСИПОВ

Россия на подъеме!

Аннотация. Показывается, что Россия проходит свой апокалиптический кризис и выходит на путь общенационального подъема, разумеется, не слишком еще явно, но на метафизическом уровне уже заметно.

Ключевые слова: Россия, россиеведение, кризис, подъем, философия, социология, политология, история, метафизика.

Abstract. The text shows Russia passes the apocalyptic crisis and comes to a way of national lifting, certainly not too still obviously but at metaphysical level is already noticeable.

Keywords: Russia, crisis, lifting, philosophy, sociology, political science, history, metaphysics.

Странно все это выглядит: «Россия на подъеме!», еще в устах непрерывного и последовательного критика произведенной сверху, насильно, обманно и преступно разорительно-грабительно-присвоительной реформы-революции, от которой выиграло «подавляющее» (подавляющее страну) успешное-де меньшинство и натерпелось унижений, лишений и смертей подавленное этим примечательным меньшинством большинство.

Гнусный переворот свершился и страна ныне бытует в перевернутом образе, вполне безобразном и на удивление безобразном. Никакие привычные характеристики не подходят для представления этого замечательно перевернутого образа, кроме таких, как «антимир», «инферно», «ад», «бесоград», а переживаемое страной состояние трудно определить иначе, чем апокалиптическое. Текст Иоаннова «Апокалипсиса» вполне корреспондирует с воцарившимися в России бесформенностью, хаотичностью и какой-то угарной антисобытийностью, включая и объяввшее страну тотальное и прямо-таки уже субстанциальное, безумие.

Если кто-то думает, что безумие — удел сумасшедших, тот очень сильно ошибается: сегодня безумие — достояние прежде всего людей разумных, рациональных, деловых, предприимчивых, даже и конструктивных, не говоря уже о веселых и находчивых.

Всеобщее «деловое» помрачение: бизнесовое, монетарное, банковое, присвоительное, предпринимательское, потребительское, чиновничье, научническое, философническое, академическое, вузовническое, школьническое, театральническое, масс-медническое,

шоу-развлекательническое, шансоническое... в общем — любое, ибо оно тотально, оно глобально, оно всеохватывающе!

На арену жизни вышел не кто-нибудь, а... античеловек, обычно упрямый в глубинах души, ума, организма, как и сидящий по обыкновению в укромных уголках бытия, в его маргинальном подполье. А в 1990-е античеловек, он же и зверочеловек, весь вышел вперед, на авансцену, в дело, занял места, помещения, структуры, основал под себя институты, выправил право, подбил хоть и шаткие, но фундаменты и... зажил... нежизнью, распространяя вокруг себя самый что ни на есть паразитизмальный тлен, называемый нежизнью. И стал он вдруг куда-то бежать — и от себя тоже, замыкаясь в заборных особнячках резервациях, не выходя из шикарных авто и золотоносных офисов, перебегая ненавидимые государственные границы, чая осесть там, за пределами ненавидимой, хоть и его восточно обогащающей, России, там, где будто бы хорошо, уютно, сладко, где не что-нибудь, а самый настоящий земной рай, где поселилось-де повальное «человеческое счастье».

А что Россия, эта многовековая страдалница от угнетения, обирательства, нечеловеческого экспериментаторства? А ничего, пережила и *это*, даже еще и продолжает переживать, но... не без кое-каких в умах и душах россиян смещений, встречных желаний и инновационных устремлений, совсем и не реформных, даже и не пореформенных, а как раз постреформенных, поскольку созданный реформой пореформенный *урод*, который не страна, не социум, не хозяйство, не экономика, не государство, не цивилизация, не культура, а один лишь тотальный неизбывный *урод*, никого в России сегодня не устраивает и решительно душой и умом отвергается, а ежели еще не на набитой многомиллионной толпой улице, так на это есть свое оправдание — аванс... э-э... нет, не правителю, а пока всего лишь... топ-менеджеру, данный на выборах без выбора, но все-таки так или иначе данный, и последняя — слышите, последняя! — во власть... нет, конечно, не вера... а, скорее, кое-какая доверенность, но вовсе не перемешанная с наивной доверчивостью.

«Коли понимаешь, то действуй! Но ежели обманешь, то!..». Нынешний избиратель — не избиратель вовсе, а... требователь: «Долой урода!».

И коли именно власть сделала урода уродом, то как раз власти и дается от народа шанс сделать из урода... а кого?.. неурода, конечно, но тогда какого же неурода?

И вот тут надо бы учесть кое-какие воззренческо-понятийные моменты.

Мир на рубеже XX—XXI вв. очень и очень изменился, разумеется, под моторным и руководящим воздействием западной (евроамериканской) цивилизации — деловой, динамичной, инновационной, агрессивной, экспансионистской, империльной, глобальной. Мир Модерна стал миром Постмодерна! Причем постмодерн — это не ультрамодерн вовсе и не как таковой антимодерн, хотя оба эти момента в постмодерне присутствуют; это некий сыновний продукт модерна, одновременно полагающий и отрицающий своего модернистского папашу, но лишь для того, чтобы вместе с этим и отрицать собственно человека, всю его историю, вообще все человеческое, а полагать более всего античеловечность, расчеловечивание человека, переход от человека к постчеловеку (чиповею, киборгу), внешне, возможно, и человекообразному, но внутренне уже совершенно другому — *за-человеческому!*

Все умное из мировоззренческого прошлого, понятийного, словесного, не говоря уже об определительном, сегодня никуда не годится. Слова есть, понятия есть, теории есть, концепты есть, но все они устарели и всего ныне происходящего вокруг не отражают, в нем не участвуют, от него отскакивают. Это всего труднее понять, но это, к сожалению или же к счастью, именно так! Это только кажется, что Платон с Аристотелем, Гегель с Кантом или Маркс с Лениным все еще живее всех живых, хотя многое из сказанного ими вроде бы и представляется и сегодня актуальным и даже злободневным, но, увы, по преимуществу только кажется. Это не значит, что все наследие интеллектуальное надо отбросить и забыть (и как страшный сон тоже!), это лишь значит, что сидеть на этом наследии и думать, что титаны нам что-то вдруг сами подскажут, наивно и зряшно.

Их история и впрямь закончилась, сейчас эра истории без истории, когда для истории уже нет времени и пространства, нет поучительного прошлого и лучезарного будущего. Резервы истории исчерпаны, как, по-видимому, и резервы самого человека со всей его человечностью. Это уже не только не Новое время, но и не Новейшее, ибо мир безостановочно катится куда-то уже вне времени и расползается во все стороны вне пространства. Фундаментальное безумие! Здесь уже не шизофреническая диалектика, а именно безумие, когда самый изощренный ум упорно служит безумию, а не наоборот. И все это идет от Западной цивилизации с ее убийственным Голливудом, разбудившей и возбудившей за чем-то и Восток, впавший теперь как раз более всего в диалектическую шизофрению (Восток ныне — некий кентавр из Азии и Европы — тело еще вроде бы азийское, а голова с рогами уже европейская, точнее, квазиевропейская — вот и весь там дивный прогресс!).

Пора забыть о мировоззренческих возможностях науки и научной философии, явно уже обанкротившихся и оскандалившихся: ничего они не могут — ни понять, ни смоделировать, ни предусмотреть — как в движении истории, так и в судьбе человека и человечества, наполняя сознание человеческое лишь пустыми придумками и стимулируя его зрящими проектами. Гуманизм, капитализм, социализм, демократия, свобода, справедливость, братство, не говоря о равенстве (все еще патрициев и все еще рабов!) — все это сегодня не более чем ничего не значащие слова, понятия, пустологемы.

Ничего на значат ныне и такие вещи (от «вещать» или же «не вещать»), как философия, ушедшая в историю философии и прекратившая свое творческое бытие с погружением в эсхатологический постмодернизм; политическая экономия, так и не обнаружившая своего предмета, не знающая что же ныне оправдывать, а что осуждать, чему учить, а от чего отвращать; социология, не понимающая, с каким объектом имеет дело и что от такого объекта можно ожидать; политология, насовсем покончившая с такими «штучками», как добро и зло, плохо и хорошо, достойно и недостойно, пристойно и непристойно; культурология, всю оправдывающая антикультуру, субкультуру и *бес*-культуру; история, так и не смогшая понять, где правда, а где ложь, где реальность, а где миф, сама ставшая отрицательным мифом, не различая ни пользы от себя, ни вреда; литература, со своими товарными поделками — от бесчисленных детективов до столь же бесконечных женских романов, впавшая в младенческий маразм и безжалостно утопившая в себе все то, что совсем недавно называлось литературой; театр вкупе с ТВ, кино, журналами и газетами... о-о!.. никак не могущие оторваться от чернухи, порнухи, торжества фемины и упадка маскулины, мерзости, подлости, низости... правда, о-очень все-таки не далеких от нынешней антижизненной правды-кривды; искусство со своими бессмысленными инсталляциями и перформансами, уродствами, эпатажами, некрофилией; музыка вместе с заунывным или истерическим пением, нащупавшая адские мотивы (безмотивы, антимотивы) и вытащившая из небытия inferнальные голоса и ритмы; наука, ведущая свои тайные исследования в недрах микромира и в пустынях мегамира, дошедшая до оснований мироздания и готовящая ему большой неподсудный сюрприз, о-очень превышающий по неожиданности и силе любые ядерные эксперименты.

Разумеется, что-то остается от классического нововременского наследия, воспроизводится, но не доминирует, не определяет, не возвышается. Так себе — в обороне, в оазисах, в резервациях! С

классикой покончено, как покончено не только с религиозным преמודерном, но и с еще вроде бы гуманистическим модерном!

Ни классики, ни гуманизма, ни человека!

Бесы и толпа, толпа и бесы!

Ад, он и есть ад!

Тогда откуда же вдруг это неожиданное «Россия на подъеме!»?

Оттуда же — прямо из земного ада, от него милого, благодаря ему, но, разумеется, и вопреки ему, против него, в сторону от него. Россия не первая оказалась в постмодерновом аду — там давно уже бытует тот же Запад, — но Россия очутилась в нем внезапно, скоротечно, целиком и по самые уши, если не с головой — причем очутилась не в привычном ей российском, а именно в новеньком для нее аду — западном, развернувшемся к России, надо особо заметить, самой гнусной и темной своей стороной, если не попросту дряблой рожей.

Не прошло и двух десятилетий, как Россия уже вполне насладились горьким вкусом западнизма, совершенно, знаете ли, канализационным, да и от своей собственной помойки ее уже капитально тошнит. И сегодня в России все более сильно осознание тошнотворного постмодернизма, причем не только вкусовое и эмоциональное, а и вполне умственное, а наряду с этим и осознание острой необходимости из всего этого какого-то немедленного вырыва.

История вершится не в соответствии с пресловутыми объективными законами, а помимо субъектно-субъективных деяний людей (масс, народов, классов, элит, властей, вождей, легальных и тайных организаций) и так называемым «ходом вещей», идущим независимо от воли и намерений людей, как некая составляющая всех наличных энергий, сил и инициаций, как объективный, реагирующий при этом на обстоятельства, нередко и неосознаваемые, *само-* и *мета*процесс, но также история вершится еще и «ходом неизвестности», способными внезапно выдать что-нибудь совершенно неожиданное, никем вообще не предусмотренное, причем делая это с завидным постоянством и не очень-то завидной иррегулярностью. История — сумма деяний, процессов и происшествий — и роль трансценденции, вовлеченной в историю и ее тоже ведущей, чрезвычайно тут велика!

Есть события и смыслы, а есть *метасобытия* и *метасмыслы*. Так, Россия пережила в XX в. поздний расцвет и внезапный упадок Российской империи; первую мировую войну (вовсе и не первую и, скорее, европейскую, чем мировую); две вроде бы революции; гражданскую-де и антиимпериалистическую войну; нашествие Интернационала (мирореволюционного и вполне империалистического); ленинскую смуту; затем сталинскую

индустриальную реконструкцию с будто бы социализмом в основе, хотя попросту с тотальным всем и вся огосударствлением, вполне и ордынским; вторую европо-мировую войну, самую в истории большую и разрушительную; расцвет научно-технического индустриализма с вырывом в космос; попытку собственной мировой — социалистической-де — экспансии; «холодную войну» с Западом; неререформируемый социалистический-де, а на самом-то деле тотально-этатический, строй, впавший вдруг в маразматический застой; то ли перестройку, то ли предслом этатического (партократического) строя, а затем и полный слом сталинского способа бытия; реформную смуту с лихорадочным строительством паразитарно-присвоительного капитализма и поспешным освоением российского пространства западным глобализмом; поражение-де в «холодной войне» и сдачу страны не милость Западу; тяжелейший апокалиптический кризис; стабилизацию зависимого от глобального мирового центра строя и воспроизводственное упорядочение расстроенного реформой, присвоением и нашествием глобализма странового бытия.

При всем при этом: потери — жертвы, жертвы — потери, нескончаемый жертвенно-растратно-утратный поток: людей, богатств, ресурсов, духа, ума, стремлений, надежд, иллюзий, фантазий!

Спрашивается: что же в самом деле произошло с точки зрения метаистории и в плане метасмыслов?

Разгром исторической империи — попытка колонизации (захвата) странового пространства — попытка использования мощи обреченной страны для империяльного в мире соперничества — использование страны для жуткого в общем-то социального эксперимента — включение возродившейся под экспериментом страны для битвы за мировые империяльные интересы — победа в союзе с западным либерал-империализмом над европейским империал-фашизмом — создание в соперничестве с Западом атомной бомбы и вырыв в соревновании с США в космос — практика мирового социал-империализма — выведение страны из текущего научно-технического прогресса — прекращение надуманного социального эксперимента, внезапный крах СССР и новое колониальное освоение страны.

Получается, что было все, что угодно, кроме *собственной истории России!* Все метасмыслы как бы из-за пределов или же за пределами страны. А что сама страна, каким же был ее собственный метасмысл, кроме прохождения всех кругов земного ада и нарочито-вынужденного выживания... э-э... населения? Как-никак, а сто лет непрерывного ада, только лишь волнообразного — то помягче!

Кто возьмется ответить на этот вопрос, ежели вопрос этот из числа «неответственных» — для людей вообще, для русских людей, для всех россиян?

Почему история со всеми своими людскими деяниями, ходом вещей и ходом неизвестности распорядилась в отношении России именно так? Разве Россия лишь место для адских пришествий, происшествий и свершений? А что случилось в 1990-е, да и продолжается в 2000-е — последний акт российской адской драмы или всего лишь новый виток затянувшегося адовского спектакля?

Предположим, что всего лишь какое-то суровое трансцендентное испытание, зачем-то потребовавшаяся истории дыба, что-то вроде назидательного распятия на услужливом кресте истории, может, и самой судьбы человеческой, во всяком случае, что-то явно не рядовое, не обыденное, возможно, и героическое, но почему-то при этом явно расправное. Расправа и ей сопротивление... ценою расправы и сопротивления... и бедствий, и лишений, и крови! Почему история выбрала для этой практически бесконечной экзекуции именно Россию? или же сама Россия избрала для себя сей странноприимный вариант бытия-небытия? Одно тут ясно: история не пропустила Россию, а Россия не избежала истории! Кто тут кого не устроил, не уважил, не простил, или иже совсем наоборот — устроил, уважил, простил? И ежели все-таки испытание, распятие, казнь, то не так уж и за что (русичи-русские-россияне не хуже других, а может, еще и получше), как ради чего? И в конце концов что же случилось: поучительно-исправительное наказание, до конца не удавшаяся приговорная расправа или сурово-трагическое вываривание чего-то небывалого, но... будущего?

Что ж, Россия проходит через горнило ада, в меру закаляясь и удивительнейшим образом сохраняясь, даже и как-то и куда-то изменяясь, сменяя образ, облик, шкуру, но при этом и сберегая внутри себя что-то свое, коренное, изначальное, как раз, видимо, то самое, что из нее стараются выбить всякие критики, судьи, инквизиторы, преобразователи, реформаторы, революционеры. И как только Россия поднимается, приближаясь к самой себе, так немедленно следует разрушительно-проективные преобразования с натягиванием на Россию какого-нибудь внешнего безобразья, с которым потом России приходится тягаться, от него и тяжело освобождаясь. Вот и XX в. стал веком сокрушительной атаки на Россию, предполагавшей ее полное умерщвление — как именно России, как страны русских, как родины своего народа, что частично и удалось, но в целом все-таки не получилось, как и не получается до сих пор, уже в XXI в. — во времена апокалиптического кризиса уже самого мирового глобализма.

У России в XX в. был шанс вырваться к России, отказавшись после Победы в 1945 г. от СССР, КПСС, социализма, коминтерна, соцсистемы, нарочитой попытки доминирования в мире, от участия в мировой социалистической-де революции, как и от участия в «холодной войне», от лобового соперничества с США — то бишь отказавшись от засевшей в России не-России, оставаясь при этом с атомной бомбой, ракетами и космосом. Но такого отказа не произошло, ибо антироссийское заражение оказалось сильнее пророссийской организменности (тот же Сталин не был ни сторонником, ни любителем, ни почитателем России, хотя и обращался к ней, и использовал, и даже чуть-чуть признавал за ней...э-э... лишь возможность полупечального бытования). СССР-система, или система, называвшаяся СССР, боялась коренной России, а потому и не очень-то шла навстречу России, лишь ее нещадно эксплуатируя, отягчая и удерживая в загоне.

СССР пытался заменить собою Россию, как и старался в связи с этим дать образ нового обустройства бытия — как бы построссийского, нероссийского, даже чем-то и антироссийского, отгородившись от империльного и тлетворного влияния Запада и замкнув население страны в советско-социалистической, а на самом-то деле в тоталитарно-этактической резервации, обеспечив при этом и кое-какую сносность людского существования, возможность труда и творчества, даже и немалую справедливость, но... в обмен на свободу, личностность (в широком смысле) и любую частную инициативность.

У СССР случилась своя кратковременная удача — четверть века процветания после Победы, когда подневольный труд и подвластное творчество не казались таковыми гражданам СССР, производительность росла, имело место быстрое и целостное развитие, жизненный уровень возрастал, гуманистическое искусство и пропедевтическая литература процветали, бытовая нравственность была крепка, а между властью и народом установилось что-то вроде мирного консенсусного согласия. Воцарилась уверенность в текущем бытии, в безопасности и в завтрашнем дне. Золотая четверть века в истории подневольной, подопытной, эксплуатируемой, отрицаемой и всюю используемой страны!

К России СССР все-таки не пошел, внутренней органики и духовной полноценности не достиг (атеизм, материализм, сциентизм), жизненной потенцией не овладел — и через четверть века после Победы впал в неизлечимый кризис — вполне уже и апокалитический! Вялые и непоследовательные реформы не помогли, как не помогли и ни вполне материальные нефтедоллары, ни идейные-де заклинания, даже мировой кризис, охвативший Запад в 1970-е гг., не помог, как и

не помогли ни «братья» по системе, ни многочисленные по свету разбросанные союзники (в основном, конечно, халявные попутчики). Система-СССР, или СССР-система, захватившая Россию и ее под себя подмявшая, даже и по сути предавшая, не устояла, но не так даже под ударами извне, хотя они и были, как изъеденная изнутри, причем не Россией вовсе, а новой, уже не государственно-советско-социалистической, с прямо-таки наоборотной *не-Россией* — буржуазно-компрадорско-мошеннической.

И откуда же она вдруг взялась, эта новая — гнусная и подлая — система, она же антисистема, она же антимир? Прямо из советско-социалистического подполья, из укромных уголков российского ада, из обычно подавленных и выдвинутых в подсознание зверочеловеческих инстинктов. Когда-то — в 1917 г. — выскочивший наружу революционный зверочеловек, затем разгромленный и загнанный не менее зверочеловеческим сталинизмом в темное подполье, вновь выскочил на свет в революционные 1990-е, но уже с прямо противоположной задачей — присвоить богатство СССР для поддержания мирового глобализма и с неперемным для себя честно-частным гешефтом.

В 1990-е гг. в стране, формально называвшейся Россией, вновь воцарилась *не-Россия* вкупе с анти-Россией, что не значит, что эти последние не явились непосредственно и из самой России. Вместо мировой победы СССР с его мировым социализмом-коммунизмом вышла победа мирового глобализма над СССР вместе с его социализмом-коммунизмом. А анти-СССР, который в общем-то более анти-Россия, чем анти-СССР, блестяще воспользовался для себя и в своих присвоительных целях созданным в СССР материально-техническим базисом, что означало две вещи: 1) осуществление Сталиным и сталинизмом что-то вроде первоначального накопления капитала (созидание индустриального богатства) и 2) революционное овладение созданным богатством пробуржуазной антисистемой, запретившей стать новой реальной системой на месте все той же России, разумеется, вполне подчиненной галактического кроя глобальной суперсистеме.

2000-е гг. — годы закрепления и даже облагораживания новой системы, оказавшейся совершенно далекой в основе своей от любых гуманно-цивилизационных принципов, параметров и ограничений, не говоря уже об общепринятых гражданских и социальных понятиях. Современная Россия — образец зверочеловеческого земного ада! Причем ада прямо и в среде культуры, цивилизации, законов, науки, интеллектуализма, непрерывного образования. Все самое невообразимое с морально-умственной позиции новременского

человека — все нынче в России! Россиянин (не весь, конечно, не каждый, но вовсе и не отдельный) наделал столько всего недостойного, беспардонного, безумного, что впору говорить о совершении в России прямо-таки *античеловеческого переворота*. Тьма взяла верх над светом, затмила собою свет, кинула страну в беспросветность, маргинализовала даже сам свет!

Любопытно, что сталинский подъем страны со всеми ее победами обеспечило поколение, родившееся и получившее воспитание с образованием еще в Российской империи, а разграбление, унижение и полную дегуманизацию страны проделало поколение, родившееся и выросшее как раз в эпоху расцвета СССР со всем го советизмом-социализмом, но при этом и во время безысходного кризиса СССР со всей его атрибутикой — отупением, омертвлением, диссипацией!

И все это не только любопытно, но и очень знаменательно: измена по отношению к России не только не привела к торжеству придуманного в европейских кабинетах всеобщего счастья, но и не позволила на месте России сколотить что-то жизнеспособное из нероссийского материала. Вот он, — горький, наверное, и самый главный, урок, от многоэтапной антироссийской революции!

А сегодня-то, уже в 2013 г., не то ли же самое чувствуется и видится в России, а-а? Кому-то, наверное, кажется, что лучше всего стране отсиживаться в роли глобалической провинции — и если не быть совсем уж бессловесным слугой перед глобальным штабом, то хотя бы старательно изображать из себя глобалического партнера, а то и союзника, настойчиво и неуклонно вестернизируясь и все более увязывая свою судьбу с процветающим-де западным миром. И хотя в стране немало такого рода западничества (вовсе не только идейного), но металогика российского бытия все отчетливее подтверждает и кое-что другое: в России вновь поднимается... Россия — и неважно в каком конкретно обличье — очень российском или не очень — ибо главное тут в поиске и в обретении страной самой себя, разумеется, пока еще в не слишком самой себе адекватности, но все-таки в направленности к самой себе. Вершится то, что должно было свершиться сразу же после Великой Победы, но... тогда этого не состоялось, страна была насильственно «обворожена» советизмом-социализмом, как и сознательно отвернута от России. Теперь ситуация иная: страна в 1990-е оказалась на краю античеловеческой бездны, куда не захотела, а может, и не смогла, впрыгнуть, от которой в ужасе отпрянула и шаг за шагом от нее более или менее «общаком» отодвигается. Как-никак, а начало десятых годов XXI в. — не только не начало 1990-х, но даже и не начало нулевых 2000-х: многое в

стране изменилось, пусть пока и без достаточного для полноценного бытия позитива, но все-таки... в сторону позитива тоже!

Интересно, что несмотря на разгул в 1990-е инферно, бесовства и безумства, как и самых примитивно-низких страстей, на водворение массивной смуты, на поднявший голову криминал, на общее беззаконие, основное население ужаленной беспределом страны вовсе не кинулось, задрал штаны, за сатанинскими соблазнами, а стоически осталось на месте, с собой, своими установками и ориентирами, заявив о себе как о цивилизованном, сознательном и вполне выдержанном народе, принявшем вызов на редкость мерзкой напасти, перед ней устоявшем и навязавшем ей непрестанную и упорную борьбу, более молчаливую, чем говорливую, но все-таки борьбу.

Здесь проявился вовсе не консерватизм как таковой, хотя и он тоже, а инстинкт к жизни, а — по первичном выживании — и к жизни нормальной — полноценной и полноценной!

Да, кризис социума и бытия вовсе еще не преодолен, Россия пока еще вдали от России, но, во-первых, страна уже не на дне; во-вторых, кризис сознается в полной мере и вольготно себя уже не чувствует; в-третьих, страна поднимается, преодолевая опаснейший для себя кризис.

Металогика истории разворачивается в пользу России!

В СССР не было необходимой свободы, хотя и была потребная безопасность и гарантированная устойчивость; новая революция воспользовалась как внезапно наступившим маразмом советско-социалистической системы, так и усталостью от нее населения, достаточно сильным и масштабным в ней с его стороны разочарованием; революция предоставила вроде бы свободу, но таким образом, что вызволила при этом и свободу грабить, присваивать, паразитарно и по-крупному обогащаться, чем, естественно, по полной воспользовались немногие так называемые успешные... э-э... люди-граждане (либо хорошо посвященные, либо очень уж шустрые).

Свобода, точнее бы — анархия, переплетенная с несправедливостью!

Царство лукавства, обмана и лжи!

На место государства-водителя, охранителя и гаранта пришло государство-обманщик, разбойник и супостат, но в силу метафизической предопределенности и разного рода внутренних и внешних обстоятельств-угроз вынужденное эволюционировать с начала 2000-х в сторону общесоциальных и общенациональных интересов, ибо без известного соблюдения оных новая система-антисистема развалилась бы как карточный домик, оставшись без базиса, тыла и опоры.

Верх в среде новой России-не-России взяла линия на целостность оставшейся от СССР России, на ее новое цивилизационное обустройство, на усиление ее международной субъектности, на развитие хозяйства и общества, на тот же рост народонаселения. Нет, это еще не разворот к России как таковой, но это уже разворот к суверенной, самостоятельной, субъективной стране, причем вовсе не из последнего, а вполне и первого ряда. Отрицать такой разворот сегодня уже невозможно! И вряд ли было бы справедливо не замечать серьезнейших усилий в пользу всего этого со стороны правительствующей власти — может, и не самых последовательных и эффективных, но достаточно целеположенных и неуклонных.

Как это ни странно, но у России есть сегодня шанс — при соответствующей роли центральной власти — вновь превзойти саму себя в историческом соревновании с самой собой и мировым контекстом за собственное в истории бытие. Рассматривая этот шанс, надо иметь в виду, что главенствующий сегодня на историческом дворе мир уже не мир Модерна, а Постмодерна (что не значит, что в мире нет модерна и даже премодерна), и господство Постмодерна означает, что не стоит уже напрягать силы для сооружения жестких чего-либо конструкций, а стоит лишь давать возможность чему-либо сообразовываться в среде броуновской (вряд ли даже калейдоскопической) деконструктивности. На передний план выходит не плановое строительство чего-либо (страны, государства, социума, хозяйства), а игровое поощрение приемлемых для жизни тенденций, как и игровое же погашение тенденций неприемлемых.

Россия сегодня в движении — одновременно свободном и ограниченном, причем в движении творческом — одновременно подражательном и оригинальном; Россия — созидательно-созидающий котел, в котором что-то вываривается, но это что-то не станет пригожинским кристаллом, а окажется не слишком определенным и весьма подвижным сообразованием; будущая Россия — неизвестная Россия, как ее ни воображай, ни рассчитывай, ни конструируй, что не значит, что совсем невозможная и никак не жизнеспособная.

Дело тут не только во включенности России в глобальный контекст и в общую мировую динамику, вполне уже и безумную, дело еще и в том, что нынешний человек уже не тот человек, что был еще совсем недавно, он, даже сидя на месте, настолько подвижен, изменчив и разен, что никакие жесткие формы ему уже не указ, не норма и не выход. Весь мир сдвинулся с места, что бывало обычно во время войн и при катастрофах, — и ничего другого теперь кроме непрерывной броунады, предложить себе он уже не может!

В будущей России не будет ничего стройно-постоянного, кроме самого понятия-символа — *России!* Россия — место, идея, дух, понятие-символ, вера, ну и, конечно, мир, но никак не железная конструкция, даже не здание, а ежели и дом, то дом идеальный, языковой, текстуальный, воображенческий, виртуальный.

Россия может использовать свой жизнетворческий и геостратегический шанс, если будет тянуться к себе и играть в собственных интересах. России нет никакой необходимости сливаться с Западом и нырять под Восток, тем более, что Запад в разгорающемся постмодерновом кризисе, а Восток к себе усиленно такой кризис призывает, добровольно и охотно европеизируясь, да и противоречия между Западом и Востоком, включая бойкий мусульманский мир, куда-как сильнее и судьбоноснее, чем противоречия России с Западом и Востоком.

Западный мировой империализм и восточный мировой контримпериализм — вынужденные, стойкие и реальные противники. Задача России — не попасть в союзники ни к тому, ни к другому, как и не стать жертвой их взаимного антироссийского согласия. Дремать России нельзя, некогда и попросту преступно! Большое взаимовыгодное взаимодействие с равноправными отношениями при пронизательнейшем слежении за словами, жестами, действиями всех нынешних стратегических игроков. Ну и, конечно, с армией и флотом — этими самыми естественными и доверительными союзниками России!

Что ж, сегодня особенно актуален незабвенный Никколо Макиавелли со своим хитроумным макиавеллизмом. Нет, не устарел вовсе флорентинец, животворен как никогда, ибо мир постмодерновый зыбок, гибок, непостоянен, по-особому и коварен, как раз под стать бессмертному учению блистательного выпускника флорентийской Платоновской академии.

И что тут особенно важно: 1) стремление к общему благу; 2) непренебрежение чрезвычайщиной; 3) никакого ни к кому общечеловеческого доверия, тем более авансового. Много чему есть поучиться у Макиавелли, но нам достаточно и вот этого: 1) Россия как общее благо; 2) чрезвычайные меры ради России; 3) недоверие к не-России, анти-России и квази-России, не говоря уже о вне-России.

Перед нами глубоко, масштабно и долговременно кризисный земной мир, когда решается не что-нибудь, а быть или не быть человечеству, а ежели и быть, то уже не постчеловечеству ли? — не оставит в покое Россию, но и не может при этом не предоставлять вынужденно кое-каких возможностей для России, которыми лишь нужно непременно воспользоваться. Надо иметь в виду, что здесь у

России игра не за успех, не за добычу, не за величие, а за саму Россию — Россия, увы, — *на кону!*

Неправда, что России нет, что она вся уже вышла, что она уже не ценность. Россия есть, не вышла и она великая ценность. Неверно и то, что у нее нет, кроме-де архаичного православия, никакой современной идеологии, что нет национальной идеи, нет и своего перспективного проекта. Все это есть: идея России в самой России; идеология России — софийная идеология, включая и рожденную в России философию хозяйства; российский проект — *иночеловек* и *иночеловечество*, *иной мир*, как раз все то, что только и может родиться через посредство мучительной адовой страды, как раз и выпавшей на долю России.

Иное не выдумывается и не конструируется, оно само возникает — в испытании, через распятие, на страшном Суде и... в момент Воскрешения!

Да будет!

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Философско-хозяйственный ключ к постижению исторической реальности

Аннотация. Философия хозяйства позволяет не только обратиться к философии истории, но и оснастить ее оригинальной версией.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия истории, методология обществоведения, человек, социум, метафизика, хозяйство, история, онтология, гносеология, телеология, эсхатология.

Abstract. The philosophy of economy allows to address to philosophy of history and also to equip it with the original version.

Keywords: economy philosophy, philosophy of history, methodology of social science, people, society, metaphysics, economy, history, ontology, gnoseology, teleology, eskhatologiya.

Зачем вдруг этот ключ? Наверное, чтобы не только представлять хозяйство и историю, но и понимать их, трактуя не фактологически лишь, а и метафизически. Философия хозяйства — метафизика хозяйства, философия истории — метафизика истории! Там и там — метасмыслология, питаемая трансцендентностью и восходящая к Софии. Философия хозяйства и философия истории — отрасли софиасофии, а софиасофия — смысловое ядро философии хозяйства и философии истории. Фактология и анализ фактов важны при познавательном обращении к хозяйству и истории, но вовсе не достаточны, ибо метафизика высвечивает то, что как раз за фактами, под ними и над ними. И никто, кроме Господа Бога, не знает, что тут впереди физика (фактика, фактис), за которой как бы следует (производно) метафизика, или же метафизика, априорно навязывающая себя физике (фактике, фактису). Но в любом случае всегда лучше, ежели в истории, как и в хозяйстве, не одна физика (фактология), а и метафизика, только и способная не только внешне охарактеризовать предмет, но и внутренне раскрыть его.

Хозяйство — жизнеотправление человека, его со стороны человека организация, им управление, а отсюда хозяйство и всегда хозяйствование; история... в общем-то, то же самое, тоже ведь

жизнеотправление человека, но более берущееся не как действующая продуктивная система, а лишь как происходящий во времени процесс.

Факт жизнеотправления — факт одновременно хозяйственный и факт исторический, как раз то, что единит между собой хозяйство и историю, делает их по сути одним и тем же.

Хозяйство как история, история как хозяйство! Хозяйствоведение тяготеет более к освещению систем и отвечает на вопросы: кто, что, как, для чего и до чего, историоведение же — к восприятию процессов с ответом почти на те же по сути вопросы: кто, что, как, зачем и до каких пор?

Там и там жизнь, ее реализация, там и там борьба человека за жизнь и против смерти, там и там жизнь вкупе со смертью, там и там смерть вместо жизни.

Однако есть и разница — хозяйство всегда есть, как и есть те или иные результаты хозяйства (продукты, та же материальная культура), а вот история всегда есть и ее всегда нет, ибо история — сплошная идеальность, которая хоть и фиксируется — опять же идеально, но которой перед глазами, как того же хозяйства, попросту нет. Так что хозяйство — это все-таки реальное бытие, которое всегда есть, хоть и течет, и проходит, и исчезает, а история — это всего лишь несуществующий момент непрерывно текущего бытия, что то же самое — ирреальность.

Хозяйство — единство материального и идеального, физического и метафизического, феноменального и ноуменального, явленного и сущностного, «показного» и скрытого, а вот история... она только идеальна и метафизична, а ежели феноменальна, явлена и фактична, то лишь... в пределах... идеального и метафизического.

Любой хозяйствовед, не говоря о хозяйственнике, в одно и то же время идеалист и материалист, либо наоборот — кому как нравится, а любой историк, даже и исторический деятель, вершащий-де историю — сплошной идеалист.

История как наука — знание лишь о виртуальных фактах, хотя и представляемых историей как физические, материальные, натуральные, — и история — хороший или плохой, но миф, может, более или менее реалистический, но всегда миф, так сказать — фактологический миф. История как наука — сама для себя, что не значит, что в исторической науке нет ничего ценного для наблюдателя и толкователя. Наука об истории — попытка наложить фактологический миф на более чем фактологический процесс. Вот почему историко-научный, или же научно-исторический, миф более

скрывает идеальную историю, запутывая благорасположенного к ней читателя, чем раскрывает ее, всю и просвещая благонамеренного читателя. Отсюда потребность именно в метафизике истории, в философии истории, преодолевающих научно-фактологическую (экзотерическую) мифологию и выводящих на иного рода и другого уровня мифологию, а именно на метафизическую (эзотерическую), но не на апостериорную и вынужденную, как в науке, а на априорную и вполне уже добровольную. В итоге возникает целостное во времени и в пространстве, как и в объеме и в процессе, представление об истории реальности, вовсе не совпадающее с научно-фактологическим. Факты вроде бы те же, а вот смыслы — иные!

Нет, речь не идет здесь о нагружении истории человека историей его хозяйства, оснащении истории разной хозяйственной атрибутикой вроде полезностей, оценок, критериев эффективности и т. п. вещами, хотя это, по-видимому, и возможно. Речь тут о другом: философия хозяйства, касающаяся природы человека, его труда и творчества, его демиургии, а следственно, начала и конца хозяйства, его телеологии и эсхатологии, а потому и начала и конца человека — как раз человека хозяйствующего, действующего во взаимоотношении со всем мирозданческим контекстом (природным, земным, космическим), эта философия хозяйства позволяет иначе, чем даже отдаленная от нее философия истории, взглянуть на историю как реальность и историю как нарратив, заметив в историческом процессе реализацию не чего-нибудь, а именно хозяйства, имеющего кое-какую сверххозяйственную, даже и сверхчеловеческую, и сверхреализменную, направленность — от природы к неприроде, от одного типа человека к другому, от одного мира к другому.

Свершится в реальности переход от одного к другому или нет, не так уж и важно: главное здесь — тенденция, которая, надо полагать, и потенция, открываемая не кем-нибудь, а философией хозяйства (не экономической наукой, не теоретической экономией, даже не теорией хозяйства, а именно философией хозяйства).

Хозяйство опережает историю, ее созидает и определяет, а философия хозяйства задает методологические параметры философии истории, что вовсе не значит, что последняя должна следовать только философии хозяйства.

Что это за параметры?

Во-первых, реальная история есть история разнообразных деяний людей, из которых особую значимость имеют деяния элит, власти и властителей; так или иначе, но это не что иное, как хозяйственные

деяния, хотя их обычно за такие не принимают; тут важно обратить внимание, что деяния эти относятся не только к выживанию и улучшению бытия человека и социума, пусть и за счет других человек и социум (покоренных, завоеванных, подавленных), но и ко все время открывающемуся перед человеком, хозяйствующим и творящим, *запределью*, когда человек устремлен к чему-то ему вовсе для выживания и улучшения текущего бытия ненужному, но зато почему-то необходимому в целях выхода за человеческие пределы, куда-то в иное, всюду неведомое, но тем не менее чаемое; отсюда смысловая трансцендентность многих человеческих деяний, их трансцендентная неотмирность.

Во-вторых, что бы ни делал человек в своей имманентной заданности и трансцендентной устремленности, как бы не верил по-своему в историю, он не может не заметить, как и не может отменить, того факта, что история вершится и сама по себе, самим «ходом вещей». Это только кажется, что все, что делает человек, есть исполнение его и только его желаний, определяемых-де его потребностями, — на самом-то деле человек делает много из того, что ему самому вовсе не очень-то и нужно, мало того, совсем непосредственно и не нужно. Человек ссылается при этом на обстоятельства, на требования контекста, на высшую волю, в общем — на что-то относительно него внешнее и нередко непонятное. Хозяйство человека — вовсе не так необходимо, рационально и расчетно, как это обычно представляется; человек вершит много нерационального, иррационального, безрассудного, безумного; хочет вроде бы одного, а получается в итоге совсем другое, он чего-то явно не хочет, а получается как раз то, чего он не хочет, — и трудно бывает понять отчего — от него самого или от обстоятельств, хода вещей или той же высшей воли; человек хозяйствует среди неопределенности, неизвестности, недостатка информации, стихии, абсурда, безумства. Хозяйствование человека — игра, причем по вовсе не всегда достоверным правилам, как и с совершенно непредвиденными концами. «Ход вещей» бывает сильнее «хода человеческих деяний», хотя человек и пытается влиять на ход вещей, даже овладевать им. И не так человеческие деяния производят и ведут ход вещей, как ход вещей направляет и ведет деятельность человека. История — то ли производитель хода вещей, то ли его продукт, во всяком случае — и продукт тоже!

В-третьих, в истории, как и в хозяйстве, действует и полная неизвестность, чего не отнести ни к ошибочным деяниям людей, ни к

тому же непрекаемому ходу вещей. Это уже не что иное, как «ход неизвестности»! Можно назвать это и историческим (или же внеисторическим) произволом. Откуда же он — этот произвол истории или произвол в истории... если прямо не от иномирья?! Обращает на себя внимание, что все главное в истории, как, собственно, и в хозяйстве, совершается... э-э... вне и даже вопреки собственно человеку, истории и хозяйству, приходя откуда-то извне, из неизвестности, из ничто! Человек, история, хозяйство — это вовсе не только то, что видит вокруг себя человек исследовательский, немало и в меру наблюдательный, но совсем при этом не пронизательный, а кое-что другое — это больше-чем-человек, больше-чем-история, больше-чем-хозяйство!

Хозяествуя, человек творит, причем творит несуществующее, неприродное, неотсеюмирное, творит прямо из ничего — от ничто! — так почему же не предположить и не признать того замечательного факта, что в этом мире присутствует и действует кое-какое, совсем и не человеческое, творящее ничто — невидимое, неуловимое, неопределимое? Тот же абсолют среди всеобщей относительности!

Философия хозяйства подводит к тому пониманию истории, при котором история предстает как одновременно известная, полуизвестная и неизвестная, но не потому, что какие-то факты, свершения и события остаются в тени незнания, надежно забыты или умело сфальсифицированы, а потому что история в принципе и на всю глубину свою конспирологична, мало того — трансцендентно конспирологична, как, собственно, и хозяйство, и сам человек.

Счастье человека в том, что он, очень много вроде бы зная, не знает все-таки главного, более того — он как раз по наибольшей что ни на есть сути ничего и не знает!

Только самонадеянная новременская наука вкупе с научной философией могли убедить человека интеллектуального, что он может все узнать, исследовательски погружаясь в физис мира, тщательно копаясь в физическом микромире и уверенно залезая в физический мегамир. И что же в конце концов узнала наука вместе с научной философией? Она узнала, что ничего исходного и основополагающего о мире и человеке не знает! А вот философия хозяйства, в отличие от той же, к примеру, экономической науки, сразу же признала трансцендентность мира и бытия, а окружающую человека неизвестность посчитала за его неперменное и драгоценное достояние. Пока есть неизвестность с трансценденцией, есть и человек, ибо

конечное знание всего и вся — не жизнь, не хозяйство, не история, а... смерть!

Да, знание — жизнь, но ведь и незнание тоже жизнь, и пока есть незнание, есть и жизнь, а потому за знанием стоит не только жизнь, но и... смерть. Знание — сила, сила жизни, но и сила смерти тоже!

История, как и хозяйство, — субъектны и субъективны, хотя при этом и объектно-объективны, и, конечно же, трансцендентны. Человек творит хозяйство и делает историю, которые как творятся и делаются сами, так и вытворяются и выделяются потусторонней трансценденцией. Трансценденция не спит, она работает, хотя и с разной во времени интенсивностью.

Величайшее достояние хозяйства как истории и истории как хозяйства в незнании, если не в отсутствии, будущего, как и в удаляющемся неприсутствии прошлого. Отсюда возможность обновления и перемен, не определяемых полностью будущим. Возможность делать, творить, искать, плыть, отрекаясь от прошлого, считаясь с настоящим и увлекаясь будущим. Реальное, но при этом и трансцендентно обусловленное, хозяйство, как и реальная, но при этом и трансцендентно управляемая, история.

Ни хозяйства, ни истории нет без субъектов хозяйства и истории, без их, пусть и не таких уж свободных и эффективных, деяний. Подавляющее число субъектов — воспроизводители, повторители, заимствователи, последователи, конформисты, разве лишь корректоры, настройщики, совершенствователи, ну и, разумеется, исполнители; однако есть и водители, инициаторы, организаторы, открыватели, новаторы, творцы; первые из субъектов относятся к категории работников, службистов, обывателей, как раз и держащих на своих плечах хозяйство, историю, весь человеческий мир; вторые же относятся к категории управителей, строителей, преобразователей. Организация социума — важнейшая хозяйственная функция, а преобразование социума — важнейшее хозяйственно-историческое деяние. Те же обычаи были когда-то чьими-то инициативными установлениями; правила и законы — чьими-то институциональными деяниями; культура делается, а цивилизации создаются; государства строятся, как те же села и города; создаются империи; ведутся войны, совершаются завоевания, захваты и покорения.

Хозяйство ведется, история вершится!

И что интересно; вовсе не в соответствии с насущными потребностями человека, а... с заложенным откуда-то и почему-то стремлением человека к *иному*, наверное, вследствие все-таки

неземного, неприродного, неотсеюмирного происхождения человека, которого *этот* мир как-то, почему-то и зачем-то не устраивает. Да, человек мог первобытно-общинно жить в земной природе практически вечно, натурально-воспроизводственно хозяйствуя и почти не имея, кроме мифотворной, истории; но человек этой вечности почему-то не захотел, он перешел к цивилизации, а затем пустился по демиургическому пути *пересотворения мира*, перейдя от пассивной предыстории к активной истории; сознание человека — не от мира сего, оно и вывело человека на запредельный путь; человек вовлек себя, или был вовлечен, в движение к *иному*, ему неизвестному, но отчего-то очень потребному.

От природы к неприроде, от человека к иначеловеку, от сего мира к миру иному!

Сегодня мир человеческий переживает исключительный по значению мутационный момент: от хозяйства к сверххозяйству, от истории к постистории, от мира человеческого к миру нечеловеческому. Так это произойдет на самом деле или нет, ибо корректирующий «ход вещей» налицо, а опровергающий «ход неизвестности» всегда начеку, но не говорить об этом уже нельзя: возможность такого или какого-то еще ему подобного гигантского судьбоносного метаперехода уже не в фактисе, а в самой текущей реальности!

Настал, или еще только настает, кульминационный момент хозяйства и истории, причем не история тут ведет хозяйство, а хозяйство вершит историю. Не история, к примеру, задала хозяйству состояние Модерна, а хозяйство втащило историю в эпоху Модерна, равным образом, и втащило в эпоху Премодерна и втащило в эпоху Постмодерна.

Вот и выходит, что философия хозяйства всю споспешествует философии истории, а не наоборот; без хозяйства никакой истории вообще нет — как реальности и как нарратива, а без философии хозяйства, смеем это утверждать, нет и быть не может реалистичной философии истории. Сначала феномен многовековой человеческой демиургии, а потом уже и его — этого феномена — история — прямо до самого конца уже всякой истории, ну и, разумеется, всякого человеческого хозяйства!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Развитие или преображение России?

Духа не угашайте!

(1 Фее. 5, 19)

Не тот пропал, кто в беду попал, а
кто Духом упал!

Аннотация. Исследуются условия значимости и применения идеи «развитие». Автократия идеи развития (прогресса) в современном мире уже исчерпала свой созидательный потенциал. Теперь позитивная работа развития возможна лишь в составе сакральной динамики, лишь в качестве средств ее целостного бытия в формах *творения (творчества), преображение (преобразования)*. Субъектом, институтом творчества, преобразования могут быть только школы, университеты, система образования, в рамках и посредством которой формируется системный интеллект общества, создается творческая среда, в которой обретает новую жизнь развитие самого развития. России не нужен даже прогресс, а ей нужно структурное преобразование, в рамках которого развитие, прогресс, инновации исполнят предначертанные им роли. Чтобы созидать новое, развитие должно начать с самого себя, обновить самого себя.

Ключевые слова: развитие, Россия, образование, преображение.

Abstract. The article concerns the importance and application of idea «development». The autocracy of idea of development (progress) in the modern world already settled the creative potential. Positive work of development is possible now only as a part of sacral dynamics and as means of its complete life in forms of *creation (creativity) only, transformation (Transfiguration)*. Only schools, universities, education system that forms the intelligence of society, the creative environment in which development of the development itself finds new life, can be subject, creativity institute and transformation. Progress is not necessary to Russia even, but it needs structural transformation within development, progress, innovations will play their roles. Development to create new has to begin with itself and update itself.

Keywords: development, Russia, education, Transfiguration.

Пифагор впервые заметил, что миром правят *идеи* (числа)¹. Правителей семь: *Судьба, Космос, Природа, Развитие; Сеть*, почти еще не идея. Метаидеей всех идей, наставницей людей и вещей в работе с идеями является *София Премудрость Божья*. Бог же не только идея, но и Личность, создавшая остальные идеи и составившая из них кабинет министров мудрости. Идеи создают цели, умения, знания, которые творят вещи-дома: идеи не отрицают друг друга, а каждая из них исполняет свою миротворную роль сообразно воле Царя царей в общем плане милосердного замысла и промысла. Поэтому идеи выступают комиссарами вечности, имея три орудия — власть-револьвер, книгу-знания и хлеб-жизнь. Поэтому за идеи гибнут, за идеи убивают, идеями учат, идеями мучают, идеями хлеб добывают.

Просвещение, Гегель, марксизм и Дарвин сделали развитие в XIX в. ведущей идеей, божеством и диктатором мира; да и реальное диктаторство — это ведь тоже развитие, ставшее властью-самоцелью. Развитие стало законом устройства Запада, определяя глубинную мотивацию его действий, истоки его энергии. В облике прогресса идея развития метафизически санкционирует рабовладельческую и демоническую экспансию Запада. Есть развитые страны (Запад), есть развивающиеся страны, есть слаборазвитые страны, есть процветающие неразвитые страны (Бали), есть неразвивающиеся страны, скрывающиеся от развития в джунглях Африки. Марксизм завез семена развития и прогресса в Россию, но вышла «заковыка»: то ли они совсем не растут, то ли не вырастают, то ли мнимо, то ли иначе растут, хотя ее ракеты молча советуют держать язык за зубами. А вот Западный мир наилучший, ибо он прогрессивнее всех, а потому должен принуждать к прогрессу посредством мировых войн и геноцидного гуманизма.

Евроамериканский мир создан идеей развития (прогресса), являясь ее макроорганизмом; и поскольку он хронически безумствует и кризисует, то у жертв развития есть вопросы к самому господину Развитию и к его Прогрессу. Есть мера развития или чем больше развития, тем лучше? Какова имманентная цель развития, куда оно нас ведет? Ведь впереди черные дыры, черная материя, черная энергия! Зачем нам эта чернота? Что задумал прогресс — это беспокойное дитя развития — сделать с миром? Но главный парадокс западного безумия

¹ Строго говоря, речь идет об *идейных числах*, или *числовых идеях*, но не будем мешать традиции соединять эти два термина; будем рассматривать числа как проекты идей (в числах есть власть, смысл и знания).

в том, что люди ищут спасения от гибели именно в развитии, именно в той идее, владычество которой и привело их в мертвящие объятия ничто. Развитие создало микрозолотую Европу — «Титаник», но никто не винит его в этой показательной катастрофе-знамени. И в СССР ждали с часу-на-час *развитого* социализма, но пришел рыжий агент черной дыры и заявил о начале эпохи вау-вау-ваучеризма.

Эти беспощадные, горящие апокалипсическим огнем факты требуют от мысли дать жесткую метафизическую экспертизу идее развития — главного конструктора дома, падающего нам на головы.

Идея *развития (эволюции)* этимологически означает развертывание, разматывание, раскручивание некоего начала в цельный предмет и в неприятный вопрос: а кто же это многообразие смотал, свернул в начало? Да и никто ничего не разматывает безвозмездно! Кто «спонсор» развития? В космосе даже камни сами собой не падают, подчиняясь неизвестному антигготению. Так и развитие, независимое от питающей его «сакральной грибницы», является паразитической сущностью, живущей гибелью «других». Развитие требует неразвивающейся реальности, ресурсами которой оно оплачивает свое житие без бытия. Развитию нужен донор, погибающий вместе с ним.

Впервые развитие стало премьер-министром Абсолюта в философии Гегеля. Абсолют — это миротворное знание вечности. *Развитие* 1) раскрывает содержание Абсолюта в многообразии созданий природы, истории, культуры; 2) совершенствует («свершает») вещи, обучая их самовоспроизводству; 3) служит диалектическим методом Абсолюта. Субъектом же развития служит Дух Абсолюта, ставший нравственностью государства. Но развитие только развертывает данное, используя ресурсы, Абсолюта, но не творит нового. Так, развитие из зерна овса порождает растение и новые семена, но оно не превращает овес в просо. Гегель видел в развитии реализацию идей, развертывающихся в целое, как дерево, во все стороны. Он постиг главное: развитие — не самоцель, а средство Абсолюта. Гегель полагал, что развитие уже исполнило свой долг в его философии, а посему он и освободил его от должности премьера, следуя его же закону отрицания отрицания. Оно уже не соответствует инициативам и методу Абсолюта. Выполнив его указы, развитие должно само развиваться дальше, искать себе работу. И Гегель смело заявил о конце развития; его поддержал Энгельс, написавший книгу о конце немецкой классической теории развития, которое после Гегеля

движется в бессмысленное ничто по рецепту Э. Бернштейна². Утешил Энгельса главный бес Германии, Мефистофель: «Alles, was entsteht, ist wert, daß es zugrunde geht» («Все, что возникает, имеет ценность лишь для гибели и в гибели»). Но тогда и развитие, возникнув, тоже имеет ценность лишь для гильотины своего любимого отрицания отрицания! Гегель, Энгельс и Воланд в восторге от бала развития!

Но «конец развития» имеет двоякий исход. Можно принять «конец развития» лишь в данном контексте, допустив, что в иных условиях оно еще поработает. Но можно понять «конец развития» как завершение эпохи развития вообще вместе с его контекстом и всем его содержимым.

И тут пошли чудеса лукавые. Либерализм и марксизм подобрали уволенную Гегелем идею развития и превратили ее к середине XIX в. в идеологию тотального прогресса. Запад и марксизм отреклись от сакрального Абсолюта Гегеля, но развитие и прогресс приняли, сделав их слугами золотого тельца и социализма. Это была грандиозная афера! Развитие как часть, орган творения (преобразования) стало автономным целым, контекстом, а мир и человек стали его частью и функцией. Субъектом развития капитал сделал банки, а социализм — партию. Церковь же не смогла отстоять истину творения в сражении с обнаглевшим развитием.

Однако, став всеобщей мерой качества мировых состояний, идея развития не смогла объективно оценить свое собственное качество. Принятие развития как высшей аксиомы бытия и знания заблокировало критическую мысль, окружив ее хаосом псевдосвободных поисков «истины». Неопределенность развития, став контекстом всех проблем человека, сделало мир лабиринтом с изменяющейся конфигурацией стен и проходов.

Да! Развитие и прогресс умерли! Но да здравствуют устойчивое развитие и прогресс хайтековский, инновационный! Люди опять ищут решения своих проблем именно в той идее, которая как раз и гонит их в черные дыры. И не думают о том, можно ли доверять власть развитию.

² «Движение — все, конечная цель — ничто». Но ведь бесцельное движение является все же скрытой целью какого-то лукавого анонима. Всю жизнь люди бесцельно движутся, а плоды их движений достаются тем, кто не движется, а владеет их бытием. Прелестное безумие! А мы подумаем: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно» (1 Тим. 4, 16).

Факты таковы: развитие, став универсальным принципом и божеством Запада, чудовищно извратило бытие, познание, человека, культуру. Запад навязал миру гибельную тезу, алогизм — часть (развитие) больше целого (творения, мира). Этот алогизм плодит все проблемы современности, ее жестокую и безысходную эсхатологию. А ведь все мифологии, религии, традиции отвергли автократию развития, признав эту идею лишь зависимой частью целого. Да и метафизическая экспертиза тоже вскрывает беспочвенность идеи развития стать владыкой мира и России.

Во-первых, развитие узаконивает *военную онтологию*. Еще Гераклит вещал, что война — отец, царь всех вещей: одних она сделала богами, других — героями, третьих — людьми, четвертых — рабами, остальных — скотами. Развитие признает последний свой момент наилучшим только потому, что он *последний*. А поскольку *предыдущие* моменты не согласны с этим бредом, то постоянная война неизбежна. Развитие установило патологический культ *современных изделий*, независимо от их качеств и ценности. Хорошее прогресс отрицает только потому, что оно несовременное! Уже семью Запад счел несовременной! Уже признали человека несовременным существом, которое пора заменить чем-то новеньким! А ведь любая реальность состоит не только из современного, а в ней работает и вечное, признаем мы этот факт или нет!

Во-вторых, развитие *отрицает истину*. Если знания только развиваются, и нет в них вечных истин, то эти знания, постоянно опровергая друг друга, доказывают, что они суть ложь, ставшая уже ученой привычкой. Так, в книгах по истории права, искусства, экономики, государства и др. ложь залезла в сами названия. Право, искусство, экономика и др. не сводятся к истории, а есть в них и элементы вечные. Эти труды нужно именовать так: «История и вечность в праве», «История и вечность в искусстве» и т. д. Не право, искусство, экономика суть части истории, а история — часть их содержания. Не мир и человек — части развития, а развитие — часть человека и мира. И так везде, и так повсюду. Жертвой развития стала история — как реалья и как наука. История состоит из вечности и развития, а потому нельзя отождествлять историю с развитием; вечность и развитие в истории нераздельны, но они и не сливаются в неразличимую сплошность.

В-третьих, термины *«развитие»* и *«прогресс»* избегают определений. Допустим, что *развитие есть качественное изменение предмета, его переход-восхождение от простого к сложному, от*

нижнего к высшему, совершенствование его организации, его функций, форм, взаимодействий с миром. Но даже эта миролюбивая дефиниция развития раздирается парадоксами, делающими его уроборосом, самоедом. Так, развитие порождает новое, которого нет в исходных элементах предмета. Но если в данном уже есть малюсенький дубчик, тогда зачем развитие? Праздник дубобытия обеспечивает сам дубчик без содействия развития. Короче: новое не разовьется из старого, если в старом нет зародыша нового; но этот зародыш обходится без развития. Новое невозможно без бытия и ничто, из которого оно исходит, но оно развивается не только из них. В желуде дуба нет, но и без желудя дуба не будет. Этот парадокс или отрицает развитие нового (как и уничтожение старого!) или же требует анонима, который доделает новое. Не развитие, а скрытая в нем идея создает новое. А идея породит новый предмет из старого или найдет другую материю; и сотворит она новый предмет через развитие или путем иных трансформаций. Именно идеи развивают из *«отсутствия — присутствие»*, из *«того, чего еще нет — то, что уже есть»*, из *«исчезающего старого — возникающее новое»*, *«из ничто — бытие»*³. Бытие, ничто, развитие не создадут новое без идей, без этих метафизических существ, которые сами находят потребную им материю. Автократия же развития растворяет его в изменениях непознаваемого Протея. Явно развитие что-то скрывает. Корень развития — *измен-ения*. Нехороший корень. Кому, в чем и ради чего *измен-яет* развитие? Развитие изменяет вечности в пользу преходящего, работая на гибель сущего! И такой идее поклоняются целые цивилизации! Нужно учитывать *общий контекст*, условия работы развития, а не брать его как самоцельный и автономный фактор. Огонь в печах — благо, а вне печей — опасность. Без миротворных идей, питающих развитие знаниями о ресурсах, материи, энергии, оно исчезает. Пусть будет «все» для счастья, но без идей это «все» станет карой! И эту кару развитие взяло себе, порвав со своей сакральной почвой и уйдя на службу золотому тельцу.

Итак, развитие порождает неразрешимые, гибельные проблемы. Автократия развития скрывает его *причины и цели*: эти пункты — камень преткновения развития. Но это и ахиллесова пята цивилизаций, сделавших развитие и прогресс своей судьбой. Они не знают, где брать

³ Это же справедливо и в отношении исчезновения старого. Исчерпание энергии проектов идеи ведет к тому, что «наличное, данное, существующее» становится «тем, чего нет — его отсутствием».

дефицитное сырье («чистоту») и куда девать ядовитые отходы («нечистоты»? Увеличение «дозы» развития лишь обостряет эти проблемы. Проблемы нелепые, ибо у природы всегда достаточно ресурсов для созидания, а отходов в ней вовсе нет. Дефицит ресурсов и преизобилие ядов показывают, что развитие враждебно природе и человеку. Развитие потребляет ресурсы, но не создает их, производя яды смерти, которая ему нужна для сокрытия того, что оно само есть *от-ход* от истины. Но ему нужна и вечность, чтобы воровать у нее жизнь для своих адских услуг. И монополия развития не дает использовать иные онтологии для сохранения уникальных объектов природы и культуры. Ведь охранять их нужно от прогресса, а не от его недостатка.

Современный мир агонизирует в сетях самораспадающегося развития, которое пытается спастись инновациями. Но Гегель прав: развитие вне контекста идеи творения запускает механизм самоотрицания, неожиданного суицида и самогеноцида. Власти СССР считали, что общество вот-вот станет развитым социализмом. И оно действительно стало развитым социализмом, т. е. разрушенным обществом в соответствии с законом о конце развития. А ведь об этом предупреждал Гегель, дьявол и сам Энгельс: всякое, всякое развитие в отрыве от идей и сакральной целостности ждет катастрофа. И эти тексты о конце развития принудительно изучал весь СССР, не подозревая, что речь-то в них идет о нас, сирых и убогих, о, Господи!

Поэтому изучение современного мира и России в контексте развития породит лишь новые катастрофы. Ибо не Россия — часть развития, а развитие — часть России. И обновление России, даже ее сохранение невозможны на основе развития, которое несет лишь распад. СССР рухнул потому, что пришел конец его базовой идеи — развития, которое, исчерпав свою диалектику, требовало уже развития самого развития. Но после «истмата» и «диамата» прогресс не создал ни одной мысли о развитии, а диалектика распалась, как протестантизм, на массу беззубых диалектов. Развитие бежит из науки и философии, а его имитируют термины «переход», «трансформация», «модернизация», «инновация» и др. Поигрывают и в цветные революции. Н.Н. Моисеев и ноосферники спасают развитие, возводя его в чин академика-фельдмаршала — *глобального эволюционизма*. Но и эта гипотеза распалась на сумму отдельных ветвей (ноосфера, этногенез, синергетика, коэволюция, конвергенция), не имеющих общего ствола.

Поэтому нужно различать два типа мировой динамики.

Есть *сакральная динамика*, которая осуществляется через *преображение*⁴, когда постоянное обновление бытия идет посредством более глубокого и всестороннего раскрытия софийности мира, познания и человека. В этом типе динамики нужны не новые ресурсы, а новые идеи, проекты, формы интеллекта, которые создадут новые технологии, изделия, институты, а в итоге обновят и социум, не нарушая равновесий экологии и человека. Сегодня развитие не созидает, а разрушает, но без развития тоже нельзя созидать, совершенствовать, модернизировать, творить. Но сегодня оно может позитивно работать лишь в контексте *творения и преобразования (преобразования) ума и мира*. Так, язык из постоянного набора элементов создает бесконечные новые вариации, не отрицая развития.

Высшим типом данной динамики является творение, в котором развитие преодолевает самое себя, наполняясь смыслами своей творящей субстанции. Развитие служит органом творчества, исполняя его проекты, ибо само оно не имеет в себе смысловых конструкций. А споры креационистов и эволюционистов лишь подтверждают круглость круглых столов. Заслуга русской мысли в том, что она нашла естественный контекст, в котором развитие и прогресс сохраняются в качестве средства творчества и преобразования. Развитие необходимо, но необходимо и развитие самого развития, его обновление, хотя бы ради сохранения его самого. А это возможно лишь в составе целостного творения и преобразования, в которых развитие будет выполнять свои новые коренные функции.

Сакральную формулу развития выразил ап. Павел, умоляющий: «Не сообразуйтесь с веком сим, но *преобразайтесь* обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная» (Рим. 12, 1—2). Не преклоняться развитию, а выявлять его соответствие *воли Благого*. «Не сообразоваться с миром сим» — значит не руководствоваться развитием, не принимать угодных для него решений, а подчинять его софийному разуму, ищущему волю вечности во всех вещах, делах, идеях!

В контексте *преобразования* развитие идет через изменение структурной *матрицы* и *доминанты* общества, через возвращение нового *субъекта* развития. Сегодня таким Хозяином развития могут быть только школа, вузы, вообще сфера образования. И мобилизация ресурсов, модернизация, постреформизм, неодирижизм,

⁴ Преобразование — греческое слово, означающее метаморфозу — преобразование.

инновационизм только тогда заработают на развитие, когда развитие станет средством детей и образования, которые и родят новую страну. Пока Россия сохраняет творящие контексты и структуры военно-космических технологий, то в этих сферах развитие и работает; отсюда идет дух спасения страны.

Но есть и *демоническая динамика прогресса*, который использует развития как средство потребительского разрушения мира и человека, превращая в итоге развитие в безумные манипуляции, элементарии и бесформия. Старт этой динамике дало грехопадение, которое ведомо всем народам мира. Вначале все оптимально, затем катастрофа запускает развитие и начинаются войны, убийства. И во всех мифологиях, религиях, традициях признаются катастрофы, в которых развитие само уничтожает себя, исчезая как огонь. И суть Апокалипсиса выражают слова ангела о том, что «времени уже не будет» (Откр. 10, 6), а мир — будет. Времени как главного фактора развития не было до мира; мир не растворился во времени; и срок времени сего истекает. Сегодня уже светские идеологии признают агонию прогресса⁵, развития, узревших свои черные дыры. Агонизирует и время, из которого ушла его субстанция, заменив себя симуляцией. А развитие уже не может и не умеет развиваться. Оно восстановимо лишь в контексте творения, из которого оно вышло, став эсхатологической автократией самоотрицания.

Субъектом чистого развития является само же развитие, («самовозрастающая стоимость»), истребляющее в войнах, катастрофах ресурсы и людей для прогресса ради прогресса, как огонь уничтожает леса ради огня. В этом плане революции есть суицид сгнивших элит, отдавших право размышлять и решать свою участь развитию. «С кем поведешься, от того и наберешься!». Преклонение перед развитием сожрет ресурсы жизни, превратив ее сырье Великого Армагеддона. О! Развитие — тайный мистификатор! Преклонение перед ним оскверняет мир и человека.

Спасла идею развития русская софийная мысль. Она возвратила развитие его отцу — творчеству. Она не приняла каннибальский прогресс, но и не отвергла развитие, а сделала его частью и орудием софийного творчества. Но такие открытия не приемлются хайтеками; они примут их в кризисах, когда рухнут все виртуальные конструкции развития.

⁵ Ну, а дитя развития — прогресс — еще до своего рождения подвергся тотальной критике со всех сторон, и сегодня спрос на него почти нулевой.

Нужно уйти от сложившегося в эпоху противостояния СССР и США умственного мира, его категорий, терминов и методов, которые уже не работают, а лишь пленяют нас иллюзиями и самообманом. Нужен новый ум, новые языки и методы анализа. В изучении развития нужно уже работать с терминами «преображение», «преобразование», в которых развитие выступает органом целого, выполняя его функции. Преобразование смещает *центр* динамики и развития предмета к тем его частям, которые способны воспринять энергии вечности. Все развитие «ведет», инициирует, движет Провидение вечности, его идей, без чего оно теряет смысл и бытие.

Но сегодня развитие рухнуло в полную деконструкцию. Развивались вещи, мир, люди, идеи, а вот их учитель отстал, отстал от своих учеников, не желает и не умеет развивать свое развитие! В строгом смысле слова развитие есть контекст дьявола, который заменил творение его частью, посредством которой он соблазнами и бедами губит жизнь людей. Это развитие сегодня мертво, и нечего к нему взывать, разве только использовать его как катафалк истории! В контексте же преобразования развитие — орган Софии, Премудрость которой возводит смысловые дома вещей и людей.

Нет сегодня более важной проблемы ума и практики, чем *развитие самого развития*, ибо свой потенциал сей феномен динамики исчерпал, порождая лишь разруху. Развитие нас не везет, но и ехать-то не на чем! Нужно вернуть развитие в сакральную целостность бытия, в контекст *творчества, преобразования, преобразования*; и в них оно снова станет органом и орудием созидания! Нужно развитие самого развития, его преобразование, и тогда оно будет творить из ничего, которое сидит в наших знаниях. Сегодня развитие должно добывать нужные нам реалии, предметы и знания из недр самого ума! Так, трактор, самолет не продолжают развитие быка и птицы, а они творятся из идей-зародышей-проектов. Техника не развивается сама по себе в робототехнику, а она становится робототехникой посредством новых идей, как и автомобиль — это не развитие лошади или велосипеда, а реализация новой идеи. Сотовый телефон — это не развитие обычных средств связи, а плод новых — информационных — идей и технологий в контексте космоса. Но наука и не подозревает о том, что необходимо развивать само развитие и за пределами прогресса.

Эту ключевую проблему динамики бытия впервые в мировой науке и философии осознала Россия. Русский ученый Ю.М. Осипов поставил вопрос о выработке *новой парадигмы развития*: «Что есть развитие

самого развития? Какой контекст, какие условия требуют развитие самого развития, чтобы соответствовать динамике современного мира и России?» [1, 292]. Уже сама постановка этого вопроса образует центр мировой мысли. Да, до ответа еще не близко, но от блудомыслия уже далеко. Автор ищет эту парадигму в сонме софийных смыслов, которые во времена эсхатологические несут в себе «конструктивно-спасительные меры для мира, человека и самого развития. Это — развитие *внутри* и *внутри себя*, *интра*-развитие, *нео*- или *пост*-развитие, *мета*-развитие, но в любом случае — *сверх*-развитие», которое и является орудием *преображения* общества и человека ради сохранения их бытия [2, 11—12].

И для изучения *развития самого развития* автор в ноосферном содружестве с другими учеными создал уникальные методы — *триалектику* и *полилектику*⁶, посредством которых изучаются не

⁶ Триалектика древнее диалектики, которая является ее деградацией. Так, аристотелевскую триалектику составляет структура («избыток—мера—недостаток»); гегелевскую триалектику — «тезис — антитезис — синтез»; Марксову триалектику — «Т—Д—Т; Д—Т—Д. Диалектика — метод причинения зла («раздвоение», «раскол» единого на части и война между ними!»). Академик П.Я. Сергиенко полагает, что нам поможет лишь триалектика, которая создаст новых посредников между миром и людьми, ибо величайший гений, даже сам Спаситель не решат наших проблем только потому, что они суть люди, которые действуют всегда субъективно, а не так, как нужно бытию. Нужен автономный саморазвивающийся Интеллект. «Планетарный интеллект с разветвленной сетью региональных интеллектов... станет мудрым и разумным посредником между цивилизацией и творцом и между людьми в их жизни и деятельности. Он станет для всех специалистов в любой области знаний, для руководителя любого ранга и любой отрасли самым высшим авторитетом в принятии решений. Он станет мировым судьей — неподкупным и справедливым не в смысле осуждения, а в смысле выяснения истины. Это позволит ликвидировать между людьми всякое недоверие и порождающее его неравенство» [3, 31]. Современный искусственный интеллект, на взгляд автора, ведет в тупик, ибо он копирует субъективный разум человека; отсюда и его болезни — «вирусы». Этот интеллект диалектичен, ибо в нем взаимодействуют два начала — мир и субъективность людей, вооруженных таким же субъективным искусственным интеллектом. А триалектика сочетает в себе объективность мира, объективность (!) посредника и подчиненную им субъективность человека. Автор полагает, видимо, что он уже преодолел свою субъективность, а посему не подозревает, что создаваемый им грядущий Интеллект будет столь же субъективным, как и все его предшественники. Подлинная же объективность — это любовь, которая должна стать триалектикой единоречий не только в «Троице» Андрея Рублева.

только *противоречия*, но и *единоречия* объектов, не только их взаимодействия, но и действия их как особых целостных субъектов.

И позитивно использовать развитие для современного возрождения России можно лишь в *контексте преобразования*; нужно искать в нем такие зародыши, зерна, которые, используя мощный инструментарий развития, сотворят новую Россию; в этом контексте развитие будет созидать, а не разрушать или симулировать; в этом контексте развитие выйдет из собственного кризиса, развивая и самого себя, обновляя свое содержание и формы; в этом контексте развитие станет *мета-*развитием, неотъемлемым органом всякого творчества и творения; в этом контексте появится новая, софийная, динамика бытия. Нужно найти социокультурные и политические формы контекста преобразования, чтобы и в них заработало развитие.

Координатами контекста преобразования, творческим институтом, и творящим субъектом его могут быть только школы, университеты, система образования, в рамках и посредством которой формируется системный интеллект общества, создается творческая среда, в которой заработает это развитие самого развития. России не нужен сегодня никакой прогресс, а ей нужно *структурное преобразование общества*, создание контекста, в котором развитие, инновации исполнят свои роли. Чтобы созидать новое, развитие должно начать с самого себя, обновить самого себя. Внешним геополитическим контекстом могут стать идеология и проект Евразийского союза. Россия есть Россия, а не Евразия, а вот укрыть преобразование можно и под евразийскими зонтами и шатрами.

Только система образования может стать субъектом обновления и развития страны. Она должна стать центром, столицей, иницирующей новое структурное перераспределение сил страны, новый тип ее организации. Все средства, ресурсы, все толковые люди сегодня должны служить школе и ракетам. Россияне должны осознать, что за суверенность своего развития им надобно воевать, как в Великой Отечественной войне! Надо весь народ поднять на создание системы образования, возвращающей людей, которые смогут овладеть развитием в контексте *преобразования*, сделать развитие политическим и военным средством сохранения страны.

Средневековый образ жизни создали школы и университеты, породившие свою философию — схоластику, которая и поныне страшит педофильский интернационал, ибо схоластика учила детей владеть шпагой. В университетах родилось новое сословие, ставшее творцом Нового времени. Реформе 1861 г. в России предшествовала

вузовская реформа, которая дополнила классическое образование естественнонаучным. СССР сотворили рабфаки, школы и вузы. Затем возникла уникальная и мощная педагогика творчества (А.С. Макаренко, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталин, А.В. Апраушев, А.И. Мещеряков, Э.В. Ильенков, В.П. Зинченко, Д.Б. Эльконин, А.М. Арсеньев, Ю.К. Бабанский, М.Н. Скаткин, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.В. Запорожец и др.), получившая мировое признание и отечественное загубление.

России нужно сегодня не просто развитие, которого уже и нет, а *преображение, преобразование* ее структурного устройства, коренная смена главного института власти, ибо этого требует сам разум, который сегодня работает лишь в учебно-образовательных формах *системного интеллекта*. Именно преобразование структурного строя России (образование — цель, власть и общество — средства) создаст *новый контекст бытия*, в котором и развитие будет служить средством созидания новых форм жизни. А пока преобразование и развитие максимально совпадают в детях. Россией должны править интересы детей и ракет, остальное — слуги этих имперских малышей. И тогда все общество очистится от нечистот золотого тельца и начнет выполнение своей главной метафизической задачи — запуск *софийного, спасительного* типа развития. Такое обновление развития нужно не только России, но и самому развитию, всему миру.

Поэтому главное преступление сегодня вершится в мире против детей; как во времена Ирода идет мировая охота, гон на детей, особенно — на детей из России. Детей полулегально перерабатывают в «лекарства» для слуг князя мира сего. Напоминает эта охота на детей другие времена, знаменья, возмездия; сегодня они стучат в стеклопакеты! Достучатся!

Пока в России никто серьезно (разве только в военных училищах) не работает с детьми, не готовит их к решению проблем развития России. Пища, игры, игрушки, литература, учебники делают для наших детей в основном заморские Кощеи, выбивающие из них человеческий облик, заменяя его экранобесами. Нужно всем осознать, что Третья мировая война уже идет, и главный трофей в ней — дети России. Зачем инновации, развитие экономики, страны, ее культуры, если наши, наши дети незаметно станут ненашими и будут работать против России?

Нужно поверить в детскую фантазию; нужно соединить ее со святыми интуициями Гомера, Христа, Данте, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Шекспира, Гете, Ломоносова, Пушкина,

Лермонтова, Достоевского, Менделеева, Толстого, Маркса, Ленина, Сталина, Королёва, Фиделя Кастро. Именно слияние золотого зерна детских душ с благороднейшей, благодатнейшей и благодарнейшей почвой Софии Премудрой породит новую Россию, даст импульс новому типу развития.

Именно нормальное (некоммерческое) *образование-власть* есть основное орудие решения всех проблем современной России. Будем работать на детей и школу, на образование — будут решаться все сложные проблемы. Детская фантазия в сочетании с вечными прозрениями гениев, взрослея, преобразит и взрослых, избавит их от бесконечных проблем материи, заменит их благими делами духа. Будем использовать школу как средство «взрослых» — достигнут нас не пенсии достойные, а концы недостойные.

Опыт вдалбливает в самые беззаботные головы тот факт, что сегодня решение взрослых проблем путем простого развития невозможно. Власть дает огромнейшие средства промышленности, банкам, науке, регионам для развития и еще раз для развития. А развития как не было, так и нет! Часть средств воруют, часть лежит мертвым грузом. И дело не только в коррупции; немало есть и патриотов, знающих и умелых людей. Но и они не могут переломить ситуацию, когда неведомы цели страны, а развитие *исчерпало* себя. А субъектом развития являются дети, которых не понимают и боятся взрослые Запада. А закон детей гласит: «И да станут последние первыми, а первые — победой». В этом «секрет» той энергии *преображения*, которая нужна России для ее освобождения от последнего ига.

Нужно ясно различать *творчество (творение), преобразование и развитие*. *Творчество* есть акт перехода от ничто к бытию: творчество созидает целостные миры (большие или малые), их материю, их развитие и законы⁷. *Развитие* же есть орган творчества, и оно всегда работает только в его контексте, реализуя уже потенциально наличные качества, но оно не создает материи и самого себя. Посредством развития части служат миру как целому, а целое воссоздает части, придавая смысл их бытию.

⁷ Согласно теологии, мир творится Богом из ничего; это означает, что мир творится из мудрости, в мудрости и мудростью Божьей («из Того, Тем и в Том»), названной Софией Премудрой, которая владеет смыслами мудрости на небе, в вещах, в словах, в людях, в деяниях, наделяя ими своих посланников — идеи.

Преображение есть творчество, содержащее в себе иной тип развития, которое формирует, организует, обновляет предметы через изменения доминирующих, властных начал, частей, элементов их структур. Так, в схеме Маркса «Т—Д—Т» смена власти товара властью денег — «Д—Т—Д» (другим товаром) создало качественно новое общество — капитализм. Структура сохранилась, а властвующее начало изменилось. В преображении развитие тоже созидает из ничто, но это ничто коренится в глубинах знаний, идей, умов людей, в закромах старого бытия. И если образование станет высшей властью России, то структура ее бытия не изменится, но российский мир будет абсолютно иным. Каким? Апостол в таких случаях говорил: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что ему приготовил Бог» (1 Кор. 2, 9). Я бы добавил: Россия умножит софийную субстанцию — спасительную вечную радость, связывающую своими смыслами многообразие всех миров. Власть образования преобразит россиян из их сонного бытия-в-себе в цельный организм с единой и общей кровью.

Не нужно именовать развитием суету сует, всякие изменения, любую динамику. Развитие — это не просто количественное и качественное умножение, увеличение. Развитие — это не только возникновение, создание новых реалий. Нет, и еще раз нет! Развитие — это *преображение* каждого предмета, вещи, каждого человека, всякого знания в особые *миры* со своими конституциями, целями и смыслами. Это значимо и для всего мироздания, которое тоже ищет своего преобразования в ризы мира вечного и нетленного.

Сегодня в мире нет никакого развития, а есть только рост золотого тельца, который вот-вот сам рухнет от слепоты и ожирения. Для развития нужны идеи, идеологии, несущие в себе целевые причины бытия!

А Россия, расчистив свое бытие до основания, может создать новый общественный *мир*, ибо все наличные проекты жизнеустроения ею уже испытаны и отвергнуты. Этот новый мир идеально дан в софиологии и в философии хозяйства; дано в них и то развитие, которое все ищут, ждут, призывают, запускают, измеряют, которому все верят и поклоняются... Но, но *парадигму преобразования* и нового развития учреждает и запускает только София Премудрость Божия! А россиянам нужно стремиться быть достойными такого развития, быть бдительными и готовыми его использовать, ибо София может в любой миг запустить его движители!

Литература

1. Философия хозяйства. 2013. № 1.
2. *Осипов Ю.М.* Российский вызов развитию России // Философия хозяйства. 2013. № 1.
3. *Сергиенко П.Я.* Триалектика. Цифровой универсум творца. Пущино, 1997.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Главное бухгалтерское уравнение России

Аннотация. Главное бухгалтерское уравнение отражает распределение ресурсов и ясно интерпретирует логику развития государства в условиях рынка и перспективы России.

Ключевые слова: активы, власть, долг перед обществом, самовластное потребление, миссия русского народа, хаос

Abstract. General accounting equation reflects resources distribution and clearly interprets state development logic under market conditions and Russia perspectives.

Keywords: assets, power, public debt, self powerful consumption, Russian mission, chaos.

Сложные системы обладают ограниченной прогнозируемостью, неполнотой описания и для наблюдателя являются хаотичными. Понимание принципов работы таких систем требует анализа их базовых модулей — фракталов, комбинации которых формируют пеструю мозаику материального мира.

Легче всего фракталы наблюдаемы в простых и стабильных объектах (такими качествами обладают неживые системы). При исследовании общественных процессов легче всего фракталы выделяются в наиболее формализованных, мертвенных видах деятельности, к числу которых относится и бухгалтерский учет.

Главное уравнение бухгалтерии:

активы = долги + собственный капитал,

где активы — ресурсы, обладание которыми приносит деньги; долги и собственный капитал — обязательства, требующие оплаты кредита (в случае долга) и дохода владельца предприятия (в случае собственного капитала).

Принцип фрактальности общественных процессов позволяет дать интерпретацию *главного бухгалтерского уравнения применительно к общественному устройству России*.

Тогда можно переписать наше уравнение в несколько ином виде:

власть = общественный долг + самовластное потребление,

где власть — актив: во все времена государство аккумулировало ресурсы общества для их перераспределения; общественный долг — обязательства государства перед обществом, оправдывающие сам факт существования властных структур (как организующей общественное воспроизводство силы); самовластное потребление — использование ресурсов властью имущими исключительно для собственных нужд.

На ранних стадиях общественного развития формула имела более простой вид:

власть = самовластное потребление.

Первый и Третий Рим были основаны разбойничьими шайками (Второй Рим, образовался при распаде первого и унаследовал разбойничью первооснову). Костомаров отмечает: «При князьях Рюрикова дома господствовало полное варварство... их власть имела не государственные, а наезднические или разбойные черты. Они окружали себя дружиною, шайкой удалцов, жадных к грабежу и убийствам... не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным» [1, 6].

Главным мотивом действий разбойника является присвоение богатства, в современном контексте — денежных средств. Таким образом, в материальной основе власти Рима и унаследовавшей его Руси было получение денег (следует иметь в виду, что в древности роль денег часто выполняли наиболее востребованные товары и даже рабы). А понятие общественного долга государства отсутствовало за ненадобностью.

Устройство рабовладельческих и феодальных обществ являлось завершением природных трофических цепочек: крестьяне кормились от природы, аристократы паразитировали на крестьянах, а государство аристократов выступало в роли мегахищника, охранявшего свой «лес» от других любителей поживиться за чужой счет.

Развитие ремесел и торгового капитала взломало сложившийся порядок, появились новые общественные группы, потеснившие аристократию при дележе общественного пирога. Сам факт проживания значительной части населения в неприродных образованиях — городах, требовал трансформации государства из обличья хищника и паразита в более сложную форму — организатора

общественной жизни. Участие государства как мегарегулятора хозяйства привело к появлению в формуле третьего элемента — общественного долга:

власть = общественный долг + самовластное потребление.

Процесс преобразования государства в новую форму носил мучительный и во многом кровавый характер. Далеко не все жаждали взвалить на себя бремя организатора хозяйственной жизни. Происходил естественный отбор — государства, случайным образом втянутые в водоворот хозяйственной жизни, способствовали развитию производительных сил, крепили и прирастали новыми территориями; государства, хозяйство презиравшие и возводившие паразитизм в ранг высокого искусства, хирели вследствие оскудения «кормовой базы» и гибли в череде войн и революций.

Как работает формула в условиях капитализма?

На поверхности общественных отношений капитал — самовоспроизводящиеся деньги: $D \rightarrow D'$, их расширенное воспроизводство требует новых проектов, осуществление которых должно быть обеспечено сбытом производимого в рамках проекта товара, что возможно при наличии неудовлетворенной потребности, а для этого общество приучают потреблять все больше и больше. Жажда денег и жажда потребления идут рука об руку. Это провоцирует опережающий хозяйственное развитие рост потребления властей предрежающих, что в условиях ограниченных ресурсов сокращает долг государства перед обществом:

власть — самовластное потребление = общественный долг.

Рост самовластного потребления проявляет себя в увеличении бюрократического аппарата, усилении государственной регламентации хозяйственной деятельности, росте общественных издержек на содержание бюрократии, в том числе увеличении налогов и поборов (неформальных платежей властным структурам), усилении хаотичности бюрократической машины, что снижает конкурентоспособность экономики и государства.

Сокращение долга перед обществом обеспечивается приватизацией и демонтажом общественных институтов, атомизирует общество, и государство гибнет в бессмысленной борьбе всех против всех.

Фактически имеет место регресс главного уравнения к своему первоначальному виду:

власть = самовластное потребление.

Можно утверждать, что при продолжении сложившихся тенденций современное общество будет стремиться к переходу от рыночного

хозяйства к экономике мафиозных кланов, аффилированных с властными структурами. В перспективе это проявит себя и в ренессансе феодальных структур. Время от времени появляющиеся в СМИ идеи о «новом дворянстве», желательности конституционной монархии подтверждают уже существующую вероятность такого хода событий.

Появились и новые крепостные: на Южном Урале идет массовая скупка сельскохозяйственных земель, крестьяне работают не столько за зарплату нового «синьора», сколько за натуральные выплаты зерном, которое требуется для откорма скота в личном подсобном хозяйстве.

Проблема в том, что общество является огромной инерционной системой, которая при движении вниз увеличивает скорость своего падения. Неофеодализация не сможет стабилизировать общество, которое будет двигаться дальше, уже к восстановлению форм рабовладельческих обществ, расширяющаяся в мире практика торговли людьми подтверждает существование выведенных из *главного уравнения тенденций*.

Но даже рабовладельческая диктатура, опирающаяся в тотальном контроле подданных на чудеса электроники и фармакологии, не сможет удержать ситуацию всеобщего распада и придет к изначальной точке отсчета — первобытно-общественному строю. Нации превратятся в конгломерат враждующих племен, история начнет очередной виток.

Проснувшийся в нашей стране интерес к языческим верованиям славян, участвовавшие попытки выделить себя из русского этноса в качестве представителя другого, особого народа: помора, терского казака, сибиряка, стремление обособленно жить натуральным хозяйством отдельных религиозных сект и экологических экстремистов свидетельствуют о подспудной подготовке в обществе первобытно-общинного этапа.

Следует отметить, что масштабный рывок вниз требует адекватных задаче движущих сил, в качестве которых наиболее вероятны разгорающиеся в мире военные конфликты, техногенные катастрофы (связанные с невыгодностью надлежащего содержания, с точки зрения капитала, сложных технических систем), генетическое вырождение человека из-за ухудшения экологической обстановки, исчерпание природных ресурсов.

Как показывает исторический опыт страны, в самой безвыходной ситуации всегда есть шанс ее благополучного разрешения. Поскольку

эволюция и регресс главного уравнения связаны с устойчивыми проявлениями человеческой природы, в поисках решения было бы логично рассмотреть уравнение на уровне отдельно взятого индивида.

Уравнение хорошо работает для отдельного чиновника:

власть чиновника = обязанности чиновника + личное потребление.

А как быть, если зарплата чиновника носит в значительной степени постоянный характер, а потребности растут в геометрической прогрессии? Разрешить противоречие можно двумя способами. Первый — увеличивать денежное содержание государственного слуги, но возможности бюджета всегда будут уступать в гонке человеческому воображению и могуществу навязываемого рекламой статусного потребления.

Второй способ это коррупция и тайное занятие бизнесом (по закону и первое и второе чиновному лицу запрещено), тогда уравнение приобретет следующий вид:

власть чиновника = обязанности чиновника + коррупционный доход + зарплата.

Но обходиться без чиновника государство не может, тут-то и требуется действие социального лифта. Иван Грозный, Петр Первый и Сталин остались в памяти народной в качестве положительных персонажей, потому что во времена их правления социальный лифт работал одновременно в двух направлениях: вверх и вниз.

Но социальным лифтом управляют все-таки люди, и без анализа главного уравнения на уровне простого человека никак не обойтись. Тогда формула приобретет следующий вид:

права = общественные обязанности + собственное благополучие.

Если собственное благополучие равно нулю, то о каких тогда правах идет речь? — Очевидно, о правах общественных, тогда уравнение приобретает вид:

общественные права = общественные обязанности.

Если общественные обязанности равны нулю, о каких правах может идти речь? — Очевидно, о правах частных, и главное уравнение индивида приобретает следующую форму:

частные права = личное благополучие.

Таким образом, главное уравнение диктует в предельном случае необходимость расщепления свободы на свободу политическую, когда в обмен на личное благополучие человек получает общественную власть, и свободу экономическую, когда за отказ от общественной власти человек получает возможность сконцентрироваться на личном благополучии.

В итоге выводы.

1. Развитие товарно-денежных отношений, неизбежно порождающих капиталистическую стихию, в конечном счете, вызывает сверхпотребление элиты и ее моральную деградацию, что ослабляет государство и ведет к его постепенной самоликвидации.

2. Исторические перспективы любого государства прямо зависят от морально-нравственного состояния элиты, которое обратно пропорционально самовластному потреблению правящего класса.

3. Исторической миссией русского народа является создание идеального государства (как необходимого условия многовекового выживания и развития), в котором самовластное потребление минимально. Противоречие общественного долга и самовластного потребления обретает форму конфликта русского народа и российского государства, провоцирует на протяжении столетий стихийную русофобию правящего класса.

Формируется замкнутый круг: в геополитических реалиях русские не могут существовать без сильного государства, но как только государство обретает силу, оно становится русофобским в безжалостной схватке за ресурсы.

В этой почти безнадежной ситуации есть слабый, но реальный выход:

- создание стройной идеологической системы, объясняющей миссию русских и пути ее достижения;
- решительное размежевание с националистической идеологией, как дискредитирующей возрождение русского самосознания, выставяющего русских в роли беспомощной жертвы, и разрушающей сложившееся в течение столетий боевое братство с союзными народами;
- многолетнее воспитание новой национальной элиты с аскетократической идеологией;
- консолидация русских сотрудников государственного аппарата и осознание ими ответственности за будущее России;
- поддержка властных институтов исключительно в делах, направленных на благо русского народа;
- развитие негосударственных форм самоорганизации русского народа;
- общественный мониторинг практических действий властных институтов на предмет их соответствия интересам русских людей.

С точки зрения практического опыта это выглядит как беспомощная маниловщина, но нужно помнить неотвратимый закон

хаотических систем (среди которых Русский хаос занимает не последнее место): тенденции, формирующиеся медленно и незаметно, но имеющие повышенную неуклонность, со временем становятся глобальными, определяющими вектор развития системы.

Литература

1. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008.

С.З. СЕМЕРНИК

Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического»

Аннотация. Статья обращается к проблеме экономотцентричных ориентации общественного сознания, оказывающих огромное влияние на развитие социума. Анализу подвергаются экономические дискурсы и нормы жизнедеятельности, серьезно влияющие на сознание и поведение современных людей, для обозначения специфических характеристик которых исследователи все чаще обращаются к категории «человека экономического».

Ключевые слова: человек экономический, экономотцентризм, экономотцентричное общество, современная социодинамика, мировоззрение.

Abstract. Article addresses to a problem ekonomotsentrichny orientations of the public consciousness, having huge impact on society development. Economic discourses and norms of activity, serious influencing consciousness and behavior of modern people are exposed to the analysis, for designation of which specific characteristics researchers even more often address to category «the person economic».

Keywords: person economic, ekonomotsentrizm, ekonomotsentrichny society, modern sociodynamics, outlook.

Каждая историческая эпоха имеет свое измерение, свои специфические черты, принципиально отличающие ее от предыдущих и последующих периодов в развитии общества. Ярко очерчивая свой мировоззренческий профиль, свое видение самых разнообразных процессов и явлений, она выводит на поверхность культуры наиболее

значимые, с ее точки зрения, представления об окружающем мире, актуализирует духовно-нравственные, когнитивные, поведенческие и т. д. смыслы и формы, отражающие обстоятельства жизни характерным лишь для нее способом.

Интеллектуалы, осмысливающие данные процессы, ограняют духовные россыпи эпох в отчетливые формы, указывая на *космоцентризм* Античности, *теоцентризм* Средневековья, *антропоцентризм* эпохи Возрождения и т. д. и т. п. Именно эти ведущие установки времени определяют специфику многообразных проявлений человеческой деятельности, расчерчивают социокультурное пространство на индивидуальные, не похожие один на другой периоды общественного развития.

Что касается современной нам эпохи, то основы сложившейся ныне цивилизационной формы, чаще всего определяемой через предикат «техногенная», зародились на рубеже эпох — Возрождения и Нового времени. Поэтому искать причины разворачивающихся ныне кризисов (экологического, антропологического, экономического и т. д.) нужно там, в глубине веков, в формирующихся мировоззренческих презумпциях которых сначала смутно, а затем все более отчетливо проявились очертания тех проблем, которые буквально захлестывают современное общество.

Как известно, Новое время основывало свое отношение с миром на *механицизме* и *рационализме*. При этом оно выпестовало в своих недрах еще один принцип взаимодействия с окружающим миром — *экономоцентризм*. Характерно, что последний, из названных, принцип, несмотря на свою ярко зримую специфичность и серьезное влияние на происходящие в обществе процессы, долгое время не был предметом тщательной исследовательской рефлексии и рассматривался лишь отдельными философами как в западноевропейской, так и в отечественной социогуманитарной мысли. Похоже, пришло время, вывести из тени этого «серого кардинала» и разобрать мировоззренческие позиции экономоцентризма со всеми сопутствующими ему формами человеческой активности (интеллектуальной, чувственной, нравственной, поведенческой).

Прежде всего укажем, что имманентным для экономоцентричного типа мировоззрения является понимание, к примеру, природы как «природного *ресурса*», осмысление человеческой личности в категориях «человеческий *ресурс*», «человеческий *капитал*», общественных связей с позиции «социального *капитала*» и т. д.

Доминирование в обществе подобных семантических единиц и мировоззренческих установок приводит к тому, что общество все многообразие собственных связей и отношений сводит к одному их виду — экономическим (рыночно-обменным), постепенно превращаясь в «экономическое общество», представленное «экономическим человечеством» (Ж. Батай).

Огромное количество людей, представляющих самые разнообразные слои общества, даже и не подозревают о том, что экономический — жажда материального благополучия как доминантная установка сознания — опасный для общества и отдельной личности феномен. Более того, именно в экономическом обществе видят главное достоинство современной эпохи. Она выглядит панацеей, способной удовлетворить запросы человека, мыслящего себя, скорее, как потребителя, нежели как глубокую личность, живущую «не хлебом единым».

Тем не менее из стадии постулирования примата экономических принципов над иными, неэкономическими, нормами, современные как экономические, так и неэкономические науки приходят к осознанию необходимости ревизии установившихся принципов, проверки их на соответствие глубинным запросам современного общества. Как отмечает по этому поводу российский экономист А. Белянин, «экономические науки вступают в эпоху постепенного пересмотра сложившихся методов и доктрин, начиная с основы основ — модели homo economicus, рационального экономического человека» [1, 5]. И первое, что исследователи пытаются сделать на пути переосмысления экономических презумпций, это ответить на вопрос: когда и почему возникли данные теоретические предпочтения?

Серьезное внимание этому вопросу уделяла, прежде всего, историческая школа западноевропейской науки (Ф. Лист, Г. Шмоллер, М. Вебер, В. Зомбарт), представители институционализма (К. Поланьи, Т. Веблен), а также современные авторы (Н. Зарубина, В. Автономов, К. Лаваль, Л. Болтански, Э. Кьяпелло, П. Розваллон и др.).

По мнению данных мыслителей, предпосылки возникновения подобных теоретических схем и установок мы находим еще в *Средневековье*. Средневековый Запад представлял собой общество с докапиталистическим укладом, основу которого составляло простое товарное хозяйство, экономика носила преимущественно аграрный характер. Средневековому человеку была чужда цель *обогащения*. Его

задачей выступало *жизнеобеспечение* (покрытие насущных потребностей) себя и своей семьи.

В смысловом пространстве средневекового общества доминировали такие идеи (религиозные, моральные, социальные), которые в целом противодействовали идеям накопления и экономического прогресса. Так, например, подвергалось остракизму стремление к увеличению богатства, и особенно в нетрудовой, ростовщической его форме.

В системе феодальных отношений богатство ассоциировалось не с количеством накопленных материальных благ, а со «щедростью души». Именно траты указывали на статус человека, его положение в обществе. Экономность выступала признаком ущербности и моральной, и социальной. Здесь хотелось бы отметить, что легитимация расточающего поведения была отнюдь не случайной. Достаточно вспомнить, что центральной проблемой средневекового общества была проблема материального обеспечения. Оно часто сталкивалось с проблемой голода, преодоление которого связывалось с физическими усилиями, работой на земле. И это был удел низов. Представитель знати — рыцарь, завоеватель, авантюрист, победитель, коль скоро он был щедр и избавлял крестьян от голода, являлся любимцем простолюдинов, выступал эталоном благородного человека. Не случайно западноевропейский средневековый эпос повествует о завоевателях, как героях, достойных уважения.

Значительную роль в формировании средневековой модели поведения в сфере хозяйствования оказывала и религия. Так, М. Вебер, В. Зомбарт, современные исследователи Н. Зарубина, Т. Коваль и др. констатируют, что специфика религиозного вероисповедания оказывала влияние на специфику ведения хозяйственных дел. В частности, христианская религия, в основе которой лежат идеи братолюбия, взаимопомощи, милосердия и т. д. очень хорошо подходила для уклада аграрного крестьянско-ремесленного средневекового общества, основанного на принципах иерархии, взаимного долга, ценности межличностных отношений, следования традициям.

Следующая за Средневековьем эпоха — *Возрождения*, как переходный момент, подготовивший вступление Западной Европы в новую капиталистическую формацию, с одной стороны, отвергала нормативность Средневековья, с другой — продолжала транслировать те средневековые идеалы, которые были пригодны для задач изменившегося в своих основаниях общества. Так, например, в эпоху Возрождения почитание духа авантюристов и завоевателей,

выступающих щедрыми благодетелями по отношению к низам социальной иерархии, приобрело новое измерение и масштаб: завоеватели и колонизаторы воспевались как первооткрыватели, первопроходцы, и опять же герои, приносящие блага обществу.

Действительно, морские путешествия и следовавшие за ними географические открытия вовсе не имели своей целью познавательную или культурную активность, как это преподносится в современных учебниках. Тем не менее они восторженно принимались европейским обществом, активно пользовавшимся результатами и плодами подобных путешествий, цели которых была одна — обогащение и захват территорий у более слабых в техническом отношении народов. Достаточно вспомнить золотую и серебряную лихорадку, будоражившие Испанию в начале XVI в., когда жестокие и алчные конкистадоры охотились за богатствами индейцев. Очень показательна в этом отношении история незаконнорожденного испанского идадьго Франсиско Писсаро, который в 1502 г. на корабле покинул родную Испанию в поисках наживы. Его рискованное предприятие увенчалось успехом. Он пристал к берегам Южной Америки, где нашел возможность обогащения путем военного захвата. Как результат — уничтоженные племена индейцев и тонны серебра и золота у ног испанской короны. При этом алчность захватчиков поистине не имела границ. Предводитель инков Манко Капак, пытавшийся организовать восстание против европейцев, горько сетовал: «Пусть весь снег в Андах обратится в золото — им все равно будет мало» [2, 30].

Последовавшая за этим «жизнь на широкую ногу» испанского двора и обогатившейся знати стимулировала экономическую активность целого западноевропейского региона. Данное обстоятельство не осталось незамеченным. В результате европейцы окончательно укрепились в ложном выводе о том, что грабеж и насилие — прекрасные методы улучшить благосостояние всего народа, а порок жестокости — двигатель прогресса.

К слову сказать, идея о том, что порочность человека может стать основой развития общества, позже совершенно четко была артикулирована известными европейскими умами, свидетельствуя о том, что некогда христианизированный Запад ради улучшения своего благосостояния попытался сменить свои глубинные метафизические установки, избрав в качестве фундамента развития общества не добродетель, а порок. Представляется, что здесь социокультурная интуиция изменила западноевропейскому обществу. Образно выражаясь, оно не разглядело той опасности, которая таится в этом

сомнительном союзе человека и порочной страсти, и уж тем более сомнительны успехи выстроенного на этом союзе общества.

Рассматривая данную проблему, американский экономист Альберт О. Хиршман указывает, что западноевропейское общество неуклонно эволюционировало в своем отношении к порочности человеческой природы. На начальных этапах развития социума доминировала идея *подавления* пороков. Для этого активно использовался институт морали и религии, а также институт права.

А. Хиршман пишет: «В начале христианской эпохи Блаженный Августин снабдил нас путеводителем по средневековому мышлению, заклеив похоть к деньгам и собственности как один из трех главных грехов падшего человека. Двумя оставшимися грехами были страсть властолюбия и сексуальная похоть» [3, 34].

Однако, как видим, определенные исторические события привели к тому, что постепенно в европейском обществе утвердилась мысль о том, что не стоит так уж крепко завинчивать бутылку, в которой таятся страсти человеческие, их можно постепенно выпускать, но *обуздывать*. Тем более что они так никогда и не были «закупоренными» полностью. Та же Античность, по мнению, к примеру, А. Блаженного, «демонстрировала вавилонскую любовь к земной Отчизне», которая была не чистой преданной любовью, но замутнялась любовью к почету, славе. Славолюбие и честолюбие расцвели и в Средние века, о чем свидетельствует, к примеру, этика рыцарства.

В *Новое время*, когда на смену феодальному типу отношений и традиционной христианской морали приходят буржуазный уклад и религиозная Реформация, появляется идея *приспособления* страстей к нуждам общества, принуждение их работать на общее благо (идея служения общему благу была воспринята европейским обществом из Античности, и данная норма какое-то время сохранялась). Таким образом, зарождающийся капитализм не просто «переинтерпретировал» смыслы социальных норм и отношений, существовавшие в средневековом обществе, но перевернул их с точностью до наоборот: усердно сдерживаемые пороки получили одобрение, недостойное поведение было признано возможным и желательным. Совершенно откровенно об этом написал английский философ-моралист и писатель Бернард Мандевиль (1670—1733). Его книга с характерным названием «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества» представляет собой своеобразную «порокодицею» — оправдание пороков, гнездящихся в глубинах человеческой личности.

Сюжет басни повествует о пчелах в улье, жизнь которых с точностью копировала устои человеческого общества со свойственным ему процветанием пороков и страстей. В этом рассаднике грехов улей был счастлив и богат. Но вот однажды взбунтовавшиеся пчелы захотели «очистить свои души» и стать праведными, не наживаться путем обмана и преступлений. В итоге — они честны, но несчастны и бедны. Мораль сей басни такова: хочешь быть богатым — будь порочным. И эта константа относится как к отдельному человеку, так и к обществу в целом. Б. Мандевиль убеждает читателя:

Нам — это все понять должны —
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много....

Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок [4, 21].

В целом в XVIII в. страсти подвергались тщательному изучению, и возобладала идея о том, что их разрушительная сила может превратиться в нечто конструктивное. Так, мысль о том, что общество, скрепляемое себялюбием, а не милосердием, может быть вполне жизнеспособным, несмотря на свою греховность, обнаруживается у целого ряда янсенистов.

Джамбатиста Вико снискал славу необычайно неординарного ума за то, что вывел максимум о возможности из свирепости, скупости и честолюбия создать войско, торговлю и двор, другими словами — силу, богатство и мудрость. И данную подмену понятий новоевропейское общество восприняло как гениальную интуицию: свирепость называют силой, в скупости усматривают путь к богатству, честолюбие почитают мудростью. Существенный вклад в это нарушение законов тождества общественной логики внесли и другие авторы. Например, Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», полностью посвященной страсти, традиционно известной как алчность и скупость, изящно называет эти пороки «преимуществами» или «интересами».

В итоге подобных интеллектуальных модернизаций менее чем за сто лет стяжательство и связанная с ним деятельность (например, торговля и банковское дело) получили статус высокочтимых занятий. Западноевропейская культура, избрав для себя идеалом материальное благополучие (о чем говорит даже само название порожденной этой культурой эпохи — капиталистическая) как на уровне

индивидуального существования, так и общественного идеала, признала алчность важнейшим положительным качеством человека.

Таким образом, мы видим, что восходящая капиталистическая эпоха уделяла социокультурному и антропологическому «сопровождению» своих предпринимательских практик чрезвычайно много внимания. И это неудивительно. Успех такого грандиозного предприятия, как создание капиталистической системы, вовсе не мог совершиться исключительно экономическими методами. Чтобы вовлечь в систему капиталистических отношений значительные слои общества, изменить существующие между ними нормы взаимодействия и тем самым произвести смену общественно-экономической формации (К. Маркс), необходимо было сменить весь строй общественной жизни — от моральных и юридических норм до облика самого человека.

Немецкий исследователь В. Зомбарт пишет: «Даже самое обильное накопление денег ни в коем случае не является еще достаточным постулатом даже для одного только плана капиталистического предприятия. Специально *капиталистический дух* владельца денежных средств — вот что еще должен иметь располагающий состоянием хозяйственный субъект для того, чтобы накопленные денежные суммы превратились в капитал. Под словом “капиталистический дух” следует разуметь все те психические предрасположения, которые... свойственны капиталистическому предпринимателю, как-то: стремление к наживе, счетная способность, экономический рационализм. Для того чтобы капитализм стал возможным, предварительно нет необходимости ни в каком ином чуде, как в воплощении именно этого экономического рационализма в образе *esopistical man* политической экономии» [5, 218].

Именно такой «экономический человек» и был востребован эпохой накопления капитала. Неумный в жажде наживы, однако стремящийся для реализации задуманного не снаряжаться в завоевательные походы, но непрерывно трудиться, ограничивать себя в личном потреблении ради расширения дела, избранного им предприятия, которое требует все новых и новых вложений. Новый тип человека был возможен при новом типе миропонимания. И поэтому элиты общества активно начинают распространять систему «экономических понятий» в самых широких слоях общества. Публикуются книги-наставления (Альберти, Франклин и др.) о том, как следует вести хозяйственную жизнь. Молодежь поучают: следует быть бережливым, не тратить попусту время на охоту, развлечения и даже излишнее обучение. «Время — деньги» — максима

капиталистического мышления входит в плоть и кровь общественного сознания.

В результате подобных манипуляций произошла существенная реверсия общественных отношений — не экономическая система стала встраиваться в социальные отношения, а *«эти отношения встраиваются теперь в экономическую систему»* [6, 41]. Соответственно восприятие человека сквозь призму экономических связей становится устойчивой тенденцией обыденного и теоретического сознания. В этой обстановке, по мнению К. Поланьи, легко произвести подмену понятий: «очень трудно избежать ошибочного умозаключения, что реальный человек — это “экономический” человек, а реальное общество — это экономическая система» [6, 41].

Данная ситуация усугубляется тем, что общество, однажды восприняв названную установку, настойчиво продолжает транслировать ее своим членам, тем самым закрепляя и легитимируя ее, превращая в безусловную норму. К. Поланьи пишет: «Ведь если общество ожидает от ряда своих членов определенного поведения, а господствующие институты способны его навязывать, то представления о человеческой природе будут отражать этот идеал независимо от его отношения к реальности» [6, 40].

Охваченная идеологией экономизма, теоретическая мысль способна на самом высоком уровне найти обоснования избранным презумпциям. И вот уже категориальный аппарат социогуманитарного знания, оперирующего понятиями «экономического» и «неэкономического» человека, «рациональной» и «нерациональной» личности, существенно модифицируется: с легкой руки утилитаристов одни термины стали приравниваться к другим. В итоге «экономический» начал мыслиться как «рациональный», а «неэкономический» (к примеру, действующий на тех основаниях, которые были свойственны традиционному обществу — долг, честь, гордость, честолюбие и т. д.) — как «нерациональный». Как справедливо пишет по этому поводу Карл Поланьи, «экономическая сторона человеческой натуры приобрела ореол рациональности. Тот, кто отказывался думать, что он действует только ради наживы, считался не только безнравственным, но и безумным» [6, 40].

Подобная корреляция понятий «рационально мыслящий субъект» и «экономически ангажированный субъект», безусловно, привела к усилению позиций последнего, сообщила ему весь авторитет «рацио», еще ранее возведенного на недостижимую высоту эпохой Просвещения. А потому субъект, заинтересованный в максимальной

материальной выгоде, автоматически стал признаваться эталоном личности, как обладающий большим потенциалом рационального (и соответственно с точки зрения техногенного общества, желательного и позитивного для общества) поведения. Любые попытки по накоплению капитала стали квалифицироваться как «логичные», в них усматривали признак глубины ума и практичности человека.

Однако концептуальная конструкция, теснейшим образом (вплоть до полного синкретизма) переплетающая понятия «рациональность» и «жажда обогащения», в целом ложна в самом своем основании. Избранные семантические единицы далеко не родственны друг другу. Их «очевидная связь» рождена не более чем произволом теоретического сознания, стремящегося организовать ценностно-смысловое пространство современного общества на основе иррационально избранной идеологии экономизма. Наглядным свидетельством этого является, к примеру, то обстоятельство, что в современном обществе, окончательно утвердившемся в экономоцентричной нормативности, рациональность безжалостно, шаг за шагом оскопляется непомерно разросшейся страстью к наживе, утрачивая не только признаки Софийности, но и собственно Рацио: «Рацио превращается в когницию» [7, 32]. Усеченное когнитивно-технологическое мышление (В.А. Кутырёв), не способно сохранить человека в рамках собственной идентичности: алчущее «экономом» неудержимо влечет личность за грань не только рационального, но и собственно человеческого. Поэтому следующая за «экономическим человеком» стадия развития личности — постчеловек — означающая утрату человеческого в человеке.

Выход из этой ситуации один — отказаться от союза со страстью алчности и вновь устремиться к высшим смыслам бытия. Как справедливо пишет российская исследовательница И.А. Левандина, «перед человечеством стоит сложная и долговременная задача — освободиться от пороков, которые накопились у “экономического человека” в течение длительного времени, и осуществить переход от этого исторического типа к качественно новому “человечному человеку”». Человеку нужно преодолеть сложившуюся излишнюю экономизацию общества, чрезмерное поклонение экономическим ценностям, повысить уровень культуры и интеллекта» [8, 26].

Литература

1. *Белянин А.* Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения // Вопросы экономики. 2003. № 1.
2. *Фергюсон Н.* Восхождение денег. М., 2010.
3. *Хиршман А.О.* Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.
4. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М., 2000.
5. *Зомбарт В.* Генезис современного капитализма // Современный капитализм. М., 1903.
6. *Поланьи К.* Избранные работы. М., 2010.
7. *Кутырёв В.А.* София, логос, матезис как этапы деэволюции духовности // Философия хозяйства. 2012. № 3.
8. *Левандина И.А.* «Экономический человек»: концептуальные версии (социально-философский анализ). Автореф. дис. ... канд. философ. н. Ростов н/Д, 2008.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: производительное земледелие Китая

Аннотация. В данной статье впервые анализируется книга Иакинфа (Н.Я. Бичурина) «Земледелие в Китае» с точки зрения конфуцианской метафизики хозяйства. Дано религиозно-метафизическое обоснование производительных сил китайской системы земледелия — труда, земли и государства. Представлена типология земледелия по метафизическому принципу: абсентеистское земледелие, производительное земледелие, софийное земледелие. Показано влияние конфуцианской системы земледелия на становление физиократической, или земледельческой, теории Ф. Кенэ. Рассмотрена китайская техника земледелия.

Ключевые слова: Китай, агентизм, метафизика, земля, труд, государство, конфуцианство, физиократизм, меркантилизм, земледелие.

Abstract. In this article Iakinf's (N.Y. Bichurin's) work «Chinese agriculture» is for the first time analyzed from the point of view of Confucian metaphysics of economy. Religious metaphysical justification of

production forces of the Chinese system of agriculture (work, land and state) is given. The agriculture typology is presented by the metaphysical principle: absenteeistic agriculture, production agriculture, sophistic agriculture. Influence of the Confucian system of agriculture on the formation of the fisiokratic or agricultural theory of François Quesnay is shown. The Chinese technique of agriculture is considered.

Keywords: China, agentism, metaphysics, land, work, state, fisiokratism, agriculture.

Метафизика хозяйства: земля, труд, государство

Под философией хозяйства мы понимаем исследование религиозно-метафизических предпосылок хозяйственной жизни народов. Замечательно, что в китайских летописях первичность религии по отношению к хозяйству проявилась особо наглядным образом. Так, согласно китайской истории, около 3000 лет до н. э., первый китайский император Фу-си изобрел древнекитайскую систему миробытия, позже восстановленную Конфуцием в «Книге перемен» и изображенную Чжеу-дунь-и в чертеже Первого начала. Тогда как второй император, Янь-ди, вступивший на престол после смерти Фу-си, изобрел земледелие, научив свой народ копать землю и сеять хлеб.

Согласно чертежу Первого начала, в Божестве присутствуют две силы мира — Ян и Инь, Небо и Земля, где Земля предстает как божественная сила, равнозначная Небу. И в этом принципиальное отличие китайского агентизма от всех других пантеистических систем мира, где земля предстает или как зло (брахманизм), или как убывающее божество (гностицизм, неоплатонизм). В этом же принципиальное отличие конфуцианского представления о земле от ветхозаветного представления — как о «проклятой земле», поврежденной человеческим грехом. Соответственно два момента не приемлет китайская система земледелия — отрицательного отношения к земледелию, получившего свое законченное выражение в буддистском абсентеизме, и закона убывающего плодородия Мальтуса, получившего свое законченное выражение в его теории народонаселения. И в этом же отличие китайской системы земледелия от буддийской системы, где отсутствуют понятия труда и земли в качестве основных производительных сил земледелия, и софийной, где фактору плодородной земли отдано доминирующее положение по отношению к фактору производительности труда.

В китайской системе земледелия нет понятия «плодородная земля», а есть понятие «производительная земля», с точки зрения которого

обрабатывается любая земля, независимо от ее качества. Ведь, с точки зрения китайского агентизма-пантеизма, вся земля, независимо от ее качества и степени совершенства, есть сила Бога, поэтому ее нужно всю привести к удобному для обработки состоянию, или, что то же самое, к порядку, за счет приложения дополнительного количества человеческого труда. Поэтому китайская система земледелия, где труд и земля являются равноценными источниками сельскохозяйственного производства, в отличие от абсентеистского и софийного земледелия, определяется нами как производительное земледелие.

Соответственно труд имеет иную, отличную от буддийской и христианской, метафизическую нагрузку. Труд в конфуцианской этике не есть препятствие к спасению, как в индуистской сотериологии — основе абсентеистского земледелия, закрывшего путь Индии на производительное земледелие; и не есть наказание за грехи, как в христианской метафизике, понимающей труд как усилие по преодолению трудностей, а есть порядок жизни, вне которого человек не мыслит своего существования. Труд в христианстве направлен на борьбу за существование, в конфуцианстве — для поддержания порядка. Ведь человек, с точки зрения «китайской троичности», не есть носитель греха, как в христианстве, и не является источником зла, как в буддизме, а есть такая же сила Бога, как Небо и Земля, трудовая деятельность которого обеспечивает сохранение божественного порядка. Трудиться — значит, быть сопричастным порядку и ощущать себя в порядке — ощущение во многом сакраментальное. И логика здесь простая: если человек сопричастен истине-порядку, то все идет своим чередом и не требует никаких усилий с его стороны. «Посему соделавшийся истинным не имеет дела» [1, 173], или труда как преодоления трудностей. Если же возникают трудности, требующие их преодоления, то это значит, что был нарушен естественный ход вещей. Поэтому труд не в преодолении трудностей, а в недопущении их. Отсюда понятен смысл другого положения книги Проницательности: «При решимости и твердости не труден» [1, 173], из которого следует, что решимость и твердость — в сохранении порядка, это и есть труд в конфуцианстве.

Таким образом, труд, с одной стороны, носит культовый характер, направленный на сохранение божественного порядка в мирской жизни, с другой — копирующий, направленный на повторение раз и навсегда установленного порядка вещей: или, другими словами, сохранение через повторение. Поэтому никто не может сравниться с китайцами в их искусстве довести до совершенства все то, чем они

занимаются, но в то же время — с отсутствием у них творческого начала, которое всегда есть отход от установленного порядка и создание принципиально нового.

И, наконец-таки, третьим фактором, помимо первых двух — труда и земли, определяющим китайскую систему земледелия, является деятельность китайского правительства по организации и управлению сельскохозяйственным производством, деятельность, которая получила свое обоснование в конфуцианском законе трех деятелей этого мира — Неба, Земли и премудрого мужа. По этому закону от правителя, являющегося представителем Неба, зависит благополучие народа, которое в Китае было всегда связано с земледелием. Если на престоле находился премудрый государь, т. е. тот, кто правил согласно законам природы, или, что то же самое, порядку — этому китайскому Божеству, которому подчиняются все вещи, люди и правители, то все шло своим чередом и не бывало ни засух, ни наводнений, ни землетрясений. И, наоборот, если на престоле оказывался правитель, нарушающий божественный порядок, то в природе наступали катаклизмы и народ терпел бедствия, и тогда Небо давало ему право на свержение этого правителя.

Понятно, что при таком положении дел, когда от благополучия народа зависело существование правящей династии, земледелие, положенное в основу китайского благосостояния, было напрямую связано с государственным управлением земледелия. Поэтому система земледелия в Китае, по сути своей, всегда была государственной системой. Об этом говорит и история, согласно которой (в отличие от ветхозаветной истории, где первым земледельцем был греховный человек Адам, отвергнутый Богом), родоначальником земледелия в Китае был государь Янь-ди — посланник Неба, названный Шень-нунь-шы — «божественным земледельцем» — и занесенный в ранг 15 святых Китая под именем Сянь-нунь — как «гений» или «изобретатель земледелия». А также и то, что религиозный обряд изобретателю земледелия стал государственным культом Китая, который в специально отведенный для этого день в столице лично исполнял сам государь, а в каждом губернском городе — губернатор. «В каждом губернском городе находится жертвенник изобретателю земледелия, и в тот же самый день, в который государь совершает жертвоприношение, каждый начальник губернии обязан совершать тот же обряд в своем городе» [2, 184].

Более того, в Китае каждый год в апреле первую борозду всегда прокладывал сам государь. По сообщению А. Онкена, этот факт

вызвал искреннее восхищение Ф. Кенэ, который увидел в нем особый знак уважения и почтения к земледелию и земледельческому сословию в Китае: «Ему (Кенэ. — М.Э.) должна была быть особенно симпатична страна, в которой почитание земледелия выражалось в том, что император ежегодно торжественно управляет плугом» [3, 343]. И в этом отличие Китая от Индии с господствующей там концепцией метепсихоза, запрещающей высшим сословиям — брахманам и кшатриям — прикасаться к земле и рассматривающей земледельцев как самое низшее сословие общества не только по отношению к двум высшим кастам, но и по отношению к торговцам. И от той же Европы, где, как пишет Кенэ, «на земледельцев смотрят как на простых крестьян, поденщиков, и ставят их рангом ниже горожан...», тогда как «земледельцы в Китае находятся выше торговцев и ремесленников» [4, 601].

Что касается земельных отношений, то в Китае существовала частная собственность на землю. И каждый китаец стремился купить участок земли, во-первых, потому что земля приносила надежный доход, не подверженный случайностям, исключая неурожай, и, во-вторых, потому что культ предков обязывает каждого иметь родовое кладбище для жертвоприношений своим предкам. Поэтому в Китае почти все земли принадлежали собственникам, которые имели право продавать их или сдавать в аренду. Кстати, подати с земли, которые собирало государство, были значительно ниже, чем церковная десятина в европейских странах. «Хотя в Китае все почти земли принадлежат собственникам, но правительство обложило оные небольшим оброком, который составляет главную статью государственных доходов и собирается серебром и частью хлебом. Поземельный оброк положен по доброту почвы, разделяемой на лучшую, среднюю и низшую» [2, 363].

Далее, с незапамятных времен правительство, через специально назначенных для этого чиновников-надзирателей, приучало свой народ к правильному земледелию — назначало время пахания, средства удобрения, способы посева и уборки урожая, в отличие от того же русского крестьянина, который самостоятельно ориентировался по церковному календарю. Более того, каждая новая династия, вступая на престол, считала своим долгом выпускать практические пособия по земледелию. Самым выдающимся из таких пособий, вобравшим в себя весь накопленный опыт по технике земледелия Китая за всю историю его существования, был фундаментальный четырехтомник «Шеу-шы-тхунь-кхао», изданный в

1742 г. под редакцией самого Богдыхана. В этом пособии были собраны не только изображения всех известных в Китае плодовых деревьев, хлебных и огородных растений, но и приложены чертежи 72 орудий, используемых в шелковом, хлопчатобумажном и полевом производствах. Это было сделано для того, чтобы приучить китайцев в домашних условиях изготавливать сельскохозяйственные орудия труда, за исключением их железных частей.

К примеру, во Франции первые агрономические сочинения появились только в середине XVIII в., когда возникла мода на земледелие. В Версале стали устраивать показательные кукольные фермы, по духу очень напоминающие переодевания в крестьянские рубахи и лапти наших славянофилов-дворян. А сын Людовика XV, по легенде, однажды, наблюдая за крестьянами, пожелал собственноручно управлять плугом, тогда как император Иосиф II сам пахал землю. И для того, чтобы наблюдать, как коронованные особы почитают земледелие, уже не надо было отправляться в Китай. Но, в отличие от Европы, которая, в конечном итоге, из этой показной моды выработала свою собственную земледельческую концепцию, названную Ф. Кенэ физиократической, Россия остановилась на доктрине К.С. Аксакова о «негосударственности русского народа»⁸.

⁸ В России земледелие никогда не было государственным делом, так как это сложилось в Китае и в Европе в эпоху физиократизма. И уж тем более правительство России никогда не занималось организацией сельскохозяйственного производства: развитием техники земледелия или обучением народа правилам земледелия. Земледелие в России было изначально отдано на откуп «коллективного крестьянского опыта» [5, 28]. Объяснение этому было дано К.С. Аксаковым в его концепции о разделении «земли и государства», центральное место, в которой занимает идея о «негосударственности русского народа», или другими словами, о невмешательстве государства, варяжского — чуждого, по своей сути, во внутреннюю жизнь крестьянской общины — основы земледелия России. Поэтому любое вмешательство государства в хозяйственную жизнь приносило лишь вред, как это случилось, по мнению Аксакова, в рассматриваемый им петровский период истории России, а затем, как в дальнейшем показала история России, в эпоху реформ 1861 г., и далее в эпоху приватизации и вступления России в ВТО.

Российский историк С.В. Кузнецов эмпирическим путем подтвердил основные положения славянофильской доктрины К.С. Аксакова, анализируя результаты земской модернизации земледелия России. Так, сразу же после реформы 1861 г., царское правительство стало активно выпускать агрономические журналы, в которых освещался преимущественно английский опыт земледелия, и даже попыталось внедрить в сельскохозяйственное производство ряд новаций и

По мнению А. Онкена, Ф. Кенэ, которого называли «Конфуцием Европы», своей физиократической системой во многом обязан Китаю. «В 1767 г. Кенэ публикует рукопись “Деспотизм Китая”, в которой, следуя общему духу времени (Китаем упоенно восхищались и в XVIII в., хотя и не так, как раздраженно скептически, но все же восхищаются и сегодня), восхищался китайскими порядками. Она была напечатана в номерах март-июнь и в известном смысле может считаться экономическим завещанием Кенэ. ...В конце статьи приводятся основные положения китайского способа управления (земледелием. — М.Э.). С совершенно незначительными отклонениями они представляют собою положения собственного учения Кенэ» [3, 343]. Речь идет, об основополагающих положениях физиократической доктрины Кенэ: о государственном протекционизме земледелия и о признании земледельческого класса единственным производительным классом общества, который был поставлен им выше бесплодного класса промышленников и торговцев.

Показательно, что одним из первых догматических споров в политической экономии был спор между физиократами (школа Кенэ) и меркантилистами (школа Гурнэ) и касался он статуса торговли. Если для меркантилистов торговля была источником богатства, то для

достижений агрономической науки. Все это закончилось неудачей и очередной показухой, если не сказать больше — вредительством, потому, что те крестьяне, которые поддались модным веяниям и не соотнесли их с хозяйственными традициями, терпели ущерб в хозяйстве. Более того, те выводы, которые были сделаны С.В. Кузнецовым, относительно религиозных традиций русского земледелия соотносятся с нашим определением софийного земледелия России, и противоположны тем выводам, которые мы сделали относительно производительного земледелия Китая. Речь идет об идеи богосотворенности мира, согласно которой в софийном земледелии преимущество отдается плодородию почвы, а не производительности труда. Соответственно с этим, если в Китае рассчитывали на правительство и на технику земледелия, то в России — на волю Божию и коллективный крестьянский опыт, учитывающий местные природно-климатические условия. Если для китайца земля, в сочетании с трудом, — производительная сила, то для православного — земля есть сила рождающая, в смысле богородящая или богородная земля. Поэтому Китай предложил своему народу руководство по правильному земледелию, а Россия — православный церковный календарь, по которому совершались крестные походы для предотвращения неурожая, градобений и других напастей. А также богородичные праздники, связанные с почитанием Богородицы, которые ежегодно проводились повсеместно, а «в с. Перестряж Калужской области вплоть до 30 г. 20 в...» [5, 118].

физиократов торговля была лишь отраслью земледелия, служащая его интересам. И если идея о государственном протекционизме земледелия позволила Мирабо назвать Кенэ родоначальником «политического земледелия», то перемещение экономической мысли со сферы обращения (торговли) на сферу производства (земледелия) позволило К. Марксу назвать физиократов родоначальниками науки политической экономии, под которой он понимал науку о производстве материальных благ. И, наконец, с физиократизма Кенэ, черпающего свой великий источник вдохновения в конфуцианской системе земледелия, началось понимание науки политической экономии как науки об экономике национальных государств, решающих проблему благосостояния своего собственного народа за счет развития земледелия.

И все-таки один очень важный элемент китайской системы земледелия остался за пределами физиократической теории Кенэ. Это понятие «производительность труда», которое Кенэ исключил из своей земледельческой доктрины, посчитав, что земля и только земля является единственным источником богатства. Поэтому в своей работе «Деспотизм Китая» в параграфе 8, посвященном земледелию, он продемонстрировал крайне поверхностный взгляд на китайскую технику земледелия, больше напоминающий взгляд путешественника, а не исследователя. И уж точно в его работе не чувствуется знания специальных китайских пособий по технике земледелия, не говоря уже о его знании фундаментального труда «Шеу-шы-тхунь-кхао» 1742 г. издания.

Этот пробел в познании практического земледелия в Китае был восполнен Иакинфом, который на основании «Шеу-шы-тхунь-кхао» написал свое «Земледелие в Китае» в 1844 г., где впервые было дано наиболее полное и точное описание китайской техники земледелия. В предисловии к своему «Земледелию в Китае», Иакинф, как и Ф. Кенэ в «Деспотизме Китая», подчеркнул выдающуюся роль китайского государства в организации и управлении сельскохозяйственным производством, но в то же время проанализировал достижения китайцев в области сельскохозяйственного производства, назвав издание «Шеу-шы-тхунь-кхао» событием мирового значения. «Эта книга является не отвлекенной теорией по китайской агрономии», она представляет собой «первое в мире практическое руководство по сельскому хозяйству, которое делает уже честь успехам китайцев на этом поприще, о котором та же Европа в это время могла только мечтать» [6, V], так же как и Россия.

Китайская техника земледелия

С точки зрения географического фактора Китай не является земледельческой державой, подобной Индии или России, если под земледельческими державами понимать страны, обладающие уникальными запасами плодородящей земли. В Китае, так же как и в Европе, природа ограничена в своих ресурсах, и земли, пригодной для земледелия, мало. Так, западная половина Китая гориста, и на многих горах, хотя и не на всех, лежат вечные снега; тогда как восточная половина Китая, хотя и является равниной, но в древности из-за частых проливных летних дождей страдала от наводнений, пока не была «китайским трудолюбием приведена к пригодному для земледелия состоянию» [6, 2]. И в этом смысле в Китае сложилась в общем-то парадоксальная ситуация — земли нет, а земледелие есть, в отличие от той же Индии, имеющей противоположную картину — земля есть, а земледелия нет. Об этом говорит красноречивый факт: Индия, обладающая уникальными для развития земледелия природными возможностями, благодаря которым она могла бы снимать урожай два, три раза в год, «в большинстве случаев собирает только один урожай в год» [7, 111], тогда как Китай, не имеющий таких плодородных земель и благоприятных условий, обычно снимает урожай три раза в год.

Но не только географический фактор и физические условия определили специфику китайского земледелия. Речь идет о том, что Китай является многонаселенной страной, где значительный рост населения с давних времен превышал возможности плодородной земли, и поэтому в Китае, в отличие от той же России, никогда не существовало трехпольной системы земледелия, дающей возможность необработанным полям отдыхать и набираться сил. В Китае все земли ежегодно обрабатывались и засеивались. А чиновники-надзиратели особенно тщательно следили за тем, чтобы обрабатывался каждый кусочек земли. «Трудолюбию и образу земледелия китайского нельзя не отдать справедливости. А законы и местные чиновники строго наблюдают, чтобы не оставалось ни клочка земли не засеянной» [2, 375]. Китай — родина огородничества, которому он научил Европу и Россию. Но ни в одной стране мира огороды не были столь значимыми для народа, как в Китае. «Нет ни одного необработанного куса земли около города, около деревьев, изгородей, рвов» [4, 600]. Более того, в Китае сложилась система земледелия, которая отличалась не только крайней бережливостью, но и высокой степенью интенсивности использования земли. В условиях ограниченных возможностей —

недостаточности пригодной земли для пропитания — Китай с незапамятных времен разработал систему плодопеременного посева, к которому русское земледелие стало переходить только к концу 1870—1880 гг.

Интенсивное использование земли заставило Китай еще тысячи лет назад придумать систему натуральной подпитки почвы, которая получила название унавоживания земли, система, которая по истине является национальным капиталом Китая. Здесь уместно вспомнить остроумное сравнение Ф. Бэконом богатства с навозом — сложенное в кучу, оно бесплодно, разложенное по земле, оно делает ее плодородной. По этому поводу хорошо высказался Онкен: «Если с точки зрения меркантилизма богатство есть деньги, то они обладали такой же производительностью в Англии, какой в Китае земля, удобренная навозом» [3, 222]. Поэтому главное, что не приемлет китайская техника земледелия, это понятия плохой земли, т. е. земли, не пригодной для обработки. В Китае обрабатывается любая земля — лучшая, средняя, низшая. Отсюда разнообразие в способах обработки земель и в различной степени их унавоживания, в зависимости от их местоположения и качества.

Китайское руководство по технике земледелия выделяет семь видов пашен и предлагает 72 вида орудий труда, пригодных для обработки земли в различных условиях. К первому виду пашен относятся гнездовые пашни, которые придумали в Китае 2000 лет до н. э., во время семилетнего неурожая от засухи. Этот способ аналогичен огороднической культуре производства овощей, который известен Европе и России, но в Китае в гнездах или ямках сеяли хлеб. Второй вид — плотовые пашни, где хлеб сеют на плотках, покрытых землей, которым не страшны наводнения, потому что плоты лежат на поверхности воды и не подвержены засухе. Обычно сеют на них рис, называемый скороспелкою, который вызревает всего за два месяца. Третий вид — плотинные пашни, окруженные земляными валами. Четвертый — яичные пашни, обнесенные крепкими земляными насыпями, охраняющими от воды, где в основном занимаются хлебопашествами. Пятый вид — лестничные пашни, или горные пашни, которые лежат на склоне гор уступами — один над другим; отсюда и название — лестничные площади. На вершинах гор растет пшеница, а где есть вода, то растет и рис. Этот вид пашни только и описал Кенэ в «Деспотизме Китая», назвав их восхищенно поэтически «горами с сюрпризами» [4, 600]. Россия, в которой пустуют огромные территории невозделанной земли, с этой точки

зрения вряд ли может привлечь внимание или восхищение земледельца. Шестой вид — грязные пашни, или приморские пашни, которые существуют в виде отмелей и островов. Сначала сеют солонцовые травы, затем просо, потом, когда солонцеватость испаряется, — хлеб. Кстати, урожай на грязных пашнях превосходит в 10 раз урожай, выращенный на обыкновенных пашнях. К аналогичным выводам пришло и русское огородничество, которое стало распространяться с конца XIX в., выращивая на таких почвах капусту и огурцы. И, наконец, песчаные пашни — песчано-иловатые земли, всегда влажные и плодородные, где сеют рис, тутовое дерево и коноплю и обработка которых доступна, разве что известному всему миру китайскому трудолюбию.

Другими словами, мало того, что все зерновые, которые знает Европа и Россия, пришли из Китая, Китай еще показал всему миру, что их выращивать можно на любой почве: мягкой и твердой, тяжелой и легкой, вязкой и рыхлой, тучной и тощей, сухой и мокрой, холодной и теплой. Все зависит от времени года и свойственного их качеству способа обработки и ухода. Так, китайское пособие по земледелию рекомендует твердые, тяжелые и черноземные земли пахать весной, после оттаивания, когда открывается сообщение воздуха с землей; а легкую и рыхлую землю — когда зацветут абрикосы, и т. д. Не рекомендует пахать в засуху, а то земля превратится в комья и пашня будет испорчена; вспахивать осенью без дождя, а то земля сохнет и превратится в сальную пашню; вспахивать в заморозки без дождя, а то вся влага отделится и земля пересохнет, и превратится в иссохшую пашню. И вообще осенью нужно пахать раньше, чтобы удержать умеренную теплоту в земле, а весной позже — когда атмосфера станет теплой и т. д.

Таким образом, из-за ограниченных возможностей плодородной земли для пропитания Китай пошел по пути не экстенсивного, а интенсивного земледелия; здесь к земле относятся крайне бережливо и тщательно, что сказывается на обработке каждого кусочка земли. Самое главное, что особенно впечатляет европейцев и чего не допускает китайское земледелие, — это понятия «плохая земля», которую невозможно обрабатывать и использовать для пропитания. Поэтому в Китае обрабатывается любая земля, для различного качества которой существуют различные способы ухода и обработки ее за счет приложения дополнительного количества труда — только и всего. Квинтэссенцией производительного, или промышленного, земледелия Китая является понятие «производительный труд»,

получивший свое обоснование в конфуцианской этике труда. Здесь напрашивается аналогия конфуцианской и протестантской этики труда. И там, и там труд получил высокую религиозную оценку: в протестантизме труд есть служение Богу, в конфуцианстве — следование порядку — этому китайскому Божеству. И там, и там труд носит культовый характер — но культ, исполняемый в мирской жизни. В этой культовой специфике конфуцианского и протестантского характера труда есть объяснение известного всему миру китайского трудолюбия и протестантского профессионализма. Поэтому есть смысл, вслед за М. Вебером, поставившим проблему «протестантизм и капитализм», поставить аналогичную — «конфуцианство и капитализм».

Литература

1. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. О проницаемости // Московский телеграф. 1832. № 22.
2. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
3. *Онкен А.* История политической экономии до Адама Смита. СПб., 1908.
4. *Quesnay F.* Despotism de la Chine // Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay. P., 1888.
5. *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX—начало XXI в.). М., 2008.
6. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Земледелие в Китае, с 72 чертежами разных земледельческих орудий. СПб., 1844.
7. *Ламанский Е.* Индия. О неурожаях в Индии. Экономический этюд. СПб., 1893.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства в изложении Совета глав протестантских церквей России

Аннотация. Статья посвящена протестантской концепции институциональной трансформации общества в целях упорядочивания социально-экономического развития Российского государства в XXI в.

Ключевые слова: государство, ответственность, сотрудничество.

Abstract. Article is devoted to protestant concept of institutional society transformation, aiming to ordering social and economic development in Russia in the XXI century.

Keywords: the state, responsibility, cooperation.

Консультативный совет глав протестантских церквей России приступил к разработке хозяйственной философии, в частности, социальной концепции, в 2003 г., выпустив документ под названием «Социальная позиция протестантских церквей России», который был дополнен в 2009 г. В Консультативный совет по состоянию на 2009 г. вошли следующие протестантские церкви (деноминации): Евроазиатская федерация союзов евангельских христиан-баптистов, Российский союз евангельских христиан-баптистов, Евроазиатское отделение Церкви христиан адвентистов Седьмого дня и Западно-российский союз Церкви христиан адвентистов Седьмого дня, Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников), Российская церковь христиан веры евангельской и Союз христианских пресвитерианских церквей. Как мы увидим, в России протестантская хозяйственная позиция близка к православной, хотя обе покоятся на католическом фундаменте.

1. *Церковь, государство и общество.* Позиция церквей строится на примате библейских принципов свободы воли, ответственности и божественного авторитета. В ней раскрываются темы, посвященные основам веры, прав и достоинства личности, отношениям церкви с государством, нациями, религиозными организациями. Поднимаются вопросы семьи, здоровья, труда и собственности, войны и мира, науки и культуры, экологии, социального служения церквей и их отношений со средствами массовой информации (СМИ).

Первая мысль Позиции посвящена утверждению безусловной ценности личности, равенству и необходимости соблюдения прав и свобод каждого человека, откуда выводится задача развития терпимости в международных отношениях как основы прогресса в век глобализации. В пятой главе Совет возвращается к этой задаче, указывая как на равенство народов, так и на преимущества от сочетания их культурных достижений, но не стирания различий между ними в духе православной хозяйственной этики, что должно способствовать укреплению мира и социальной стабильности. Вводится католическое понятие солидарности культур в созидании общего блага.

Далее в духе католичества и православия раскрывается вопрос об отношении церкви и государственной власти. Последней отводятся задачи охраны прав и свобод человека, заботы об общем благе, отправления правосудия, поддержки законопослушных граждан и наказания преступников, защиты от внутренних и внешних врагов, для чего государство должно взимать, а граждане — платить налоги. Несмотря на призыв повиновения властям, Совет допускает поступать по совести и евангельским принципам — фактически выступать против властей, хотя об этом прямо не говорится — при нарушении христианских заповедей. Такой подход располагается между ненасильственным противлением властям в православии и покорностью в католичестве в случае возникновения конфликта общества с государством.

Совет проводит различие между функциями церкви и государства, отводя церкви роль распространения Евангелия и строительства Божьего Царства, а государству — роль правоопределятеля для церкви общества. Подчеркивается невозможность их слияния или взаимопроникновения, однако очерчиваются сферы совместного взаимодействия в виде поддержки телесного и духовного здоровья индивида, общества и природы, миротворчества и сотрудничества в областях законотворчества, прогресса науки, культуры, экономики. Данный перечень являет нам факт сближения протестантской и православной позиций в области социальной работы, что не в последнюю очередь связано с их мирным сотрудничеством в социальной сфере на территории одного государства. Однако в отличие от православного социального учения здесь не приводятся сферы, в которых церковь не видит возможности сотрудничества с государством, что говорит о начале работы в этом направлении, а никак не о том, что таких сфер нет. Однако, как и российское православие, протестанты России подчеркивают важность деятельного и ответственного участия христиан-мирян в общественно-политической жизни, признавая конструктивный диалог и отвергая ограничение прав и раздувание конфликтов. Оптимальным способом доведения до правительства своих требований, включая его (пере)избрание Совет, как и Русская православная церковь (РПЦ), признает выборы, рекомендуя именно христианам-мирянам активно использовать референдумы в целях поддержки своих моральных установок. Священникам дозволяется иметь свои политические убеждения, кроме противоречащих церковному вероучению, но не вести политическую агитацию.

Итак, в отношениях церкви, государства и общества протестантская позиция повторяет позицию РПЦ. Иногда мы наблюдаем среднее положение между католичеством и православием, например, в вопросе противления властям.

2. *Право собственности. Труд. Семья.* Речь об экономике, труде и собственности заходит только в начале второго десятка глав — в одиннадцатой из семнадцати. В библейском ключе утверждается, что несовершенство человека, его грехопадение, делает несовершенным все его порождения, в том числе экономические системы, что, однако, не мешает ему оставаться распорядителем всех земных благ. Хотя некоторые системы хозяйствования все же несут в себе библейские принципы в виде частной собственности, необходимости труда, свободы предпринимательства и благотворительности.

Право частной собственности дано человеку для упорядочивания его отношений с Творцом и окружающими людьми, для улучшения благосостояния тела не в ущерб духу. Позиция различает частную, общественную, муниципальную, корпоративную формы собственности, ссылаясь на отсутствие библейских предпочтений в отношении определенных форм, и возлагая на государство задачу охраны прав собственности. Здесь протестантская Позиция практически полностью дублирует православную в отношении форм собственности и отсутствии предпочтений какой-либо из них, в частности пункт 7.3 Основ социальной концепции Русской православной церкви (Москва, 2000). В отличие от католического учения, подробно расписывающего негативные последствия нарушений прав собственности, российские протестанты уводят этот вопрос в сферу трансцендентного: право частной собственности рассматривается как право управления собственностью Бога.

Труд считается основным условием развития человеческой личности, ее самовыражения в творчестве и заботе о ближних как у протестантов, так и у православных (п. 6.4 Основ). Как и католическая, протестантская философия хозяйства не выделяет какие-либо особые специальности, считая их равными и богоугодными, если человек работает добросовестно и в согласии с библейскими заповедями. Причем требование добросовестности выдвигается как по отношению к наемному труду, так и к нанимателю, в том числе в плане достойного вознаграждения работников. В русле католической доктрины женского труда протестантизм предупреждает о негативных последствиях, связанных с перегрузкой занимающейся хозяйством жены повседневной работой ради заработка наравне с мужчиной. Но в

отличие от католичества, равно как и православия, в котором данный вопрос пока не получил широкого освещения, в качестве новшества протестанты указывают на потенциальную проблему мужской инфантильности, опасной для полноценного брака и негативно влияющей на психологическое развитие детей. Проблема женского труда встает у протестантов только в издании Социальной позиции в 2009 г.

Свобода предпринимательства связывается, скорее, со свободой воли предпринимателя в исполнении им своей социальной роли. Совет считает, что в начале XXI столетия Россия нуждается в применении категорий протестантской этики, в частности, честности, бережливости, расчетливости, эффективности, а также благотворительности, реализуемой посредством созидания не столько частного, сколько общего блага через социальное использование прибыли.

Итак, в вопросе прав собственности, труда и семьи российские протестанты также следуют православному учению, однако здесь появляются некоторые новшества: развивается католическая проблема женского труда и ставится проблема мужской инфантильности, чего мы пока не нашли ни в католической, ни в православной этике.

3. *Военные действия. Экология.* Далее с греховностью человека связываются и военные конфликты, которые, с точки зрения протестантов, как и православных, и католиков, произрастают из аморальных желаний, приводят к разрушениям, преступлениям и осуждению подобных действий. Подчеркивая нежелательность военных действий, Совет заявляет о необходимости наличия вооруженных сил, особенно профессиональных, как гаранта спокойствия и альтернативной службы для желающих, желательности службы в вооруженных силах христиан для улучшения моральной среды, а кроме этого — материальной, правовой, социальной и духовной поддержки военнослужащих.

Проблема экологии освещается также в духе православного учения, согласно которому, человек провозглашается ответственным домоправителем всего, что передал ему Бог как первосоздатель и верховный распорядитель всех вещей. Экологический кризис связывается с кризисом духовным, точнее с человеческой эгоистичностью. Борьба с кризисом подразумевает усиление взаимной ответственности людей, международное сотрудничество в деле охраны окружающей среды, щадящее природопользование, гуманное поведение, не нацеленное на сиюминутную выгоду.

4. *Социальная справедливость. СМИ.* В вопросе о социальной справедливости, поднимаемом практически в конце Социальной позиции, обнаруживается большая схожесть с католической философией. Выдвигается требование равных стартовых и правовых условий всех субъектов хозяйства, но начальное равенство не предполагает равенства дальнейшего, которое различается из-за разной степени трудолюбия, усердия, предприимчивости и творчества. Богатство не порицается, если его источник связан не с эксплуатацией и обладанием ресурсами, а с инициативой и работоспособностью. Основой социальной справедливости называется всеобщая доступность земных благ, за что борется церковь с помощью милосердия и любви, а не распределение благ согласно статусу индивида, как это имеет место в католической хозяйственной философии.

В заключительной, семнадцатой, главе Позиция высказывается за сотрудничество со СМИ в духе взаимоуважения и ответственности с целью ознакомления общественности с позицией церкви, укрепления нравственности и согласия в обществе, что предлагается как католиками, так и православными.

Таким образом, Социальная позиция протестантских церквей России, как и Основы социальной концепции РПЦ, развивается в направлении, заложенном католическим социальным учением. Прослеживаются принцип солидарности, идея созидания общего блага, сильного государства, частной собственности, гуманного отношения людей друг ко другу и к природе. В решении проблемы конфликта церкви и государства российские протестанты допускают противление властям, следуя убеждению совести и евангельским принципам. Принцип subsidiarности своего четкого развития пока не получил. В отличие от православной протестантская концепция выделяет необходимость бережного отношения к женщине как матери семейства, поднимается проблема мужской инфантильности. Хотя это является не столько отличием, сколько доработанным аспектом трудового вопроса. В целом можно сказать, что протестантская хозяйственная философия в современной России созвучна православной, поскольку обе концепции начали формироваться только в самом начале XXI в. в одной и той же хозяйственной среде. Отметим и то, что от католиков протестантов отличает подход к справедливости не как к распределительной, а как к уравнивающей, но уравниваются не доходы, а права каждого члена общества.

Ф.Д. КОЖУРИН

К мировоззренческой подоплеке теории хозяйства и христианской демократии

Мучительный парадокс: полная
верность вечному и усердное
понимание тревог времени.

Ж. Маритен

Аннотация. Обсуждается проблема мировоззренческого обоснования организации человеческого общества в форме христианской демократии. Основой при этом является понимание единства мира, его материальной и духовной составляющей с высоконравственными требованиями к построению общества.

Рассматривается аксиоматизация основных положений — постулирование принципов этой прикладной идеологии, а также философии хозяйства.

Ключевые слова: христианская демократия, хозяйство.

Abstract. In appearance the problem of world view ground of choice of form of organization of human society comes into question as christian democracy. Basis here is understanding of unity of the World, by his financial and spiritual constituent with of high moral standards requirements to the construction of society.

One of tasks is examine axiomatization of substantive provisions — postulating of principles of this applied ideology.

Keywords: christian democracy,

Предпринятое нами изучение гносеологических истоков экономики и хозяйства как материальной базы жизни человека в историческом рассмотрении [1], все более и более и во все большем числе факторов свидетельствует об общности многих явлений и принципов устройства жизненно необходимых социальных процессов, которые всегда протекали в человеческом обществе.

Это является важнейшим подтверждением феномена единства материального и духовного (и общественного). А именно: как богоподобному человеку (и обществу), исходя из целостности и многогранности устройства мира, получить метод (и инструмент) регулирования каждой из сфер жизнедеятельности, который способствовал бы уподоблению заветной философии спасения. Имеется в виду приближение к такой глубине предмета, в которой мировоззрение выражается в философских и естественно-научных

законах построения как материальной Вселенной, так и живой природы, человека и человечества, при этом не ограничивая себя самим способом образования мира — эволюционным или трансцендентным.

Во-первых, хорошо известная теория относительности Эйнштейна с дополнением во многом противоречащих ей положений квантовой механики составляет основу концепции недетерминированности процессов мироздания, причем как в необъятной Вселенной, так и во внутримолекулярном строении материи. Во-вторых, что очень важно именно для нашего предмета, — в аналогичном *недетерминированном устройстве и особенно функционировании обществ и человечества в целом*.

И недетерминированность последнего является едва ли не самым неприятным фактором, который влечет за собой невозможность предсказать, предопределить дальнейшее течение процессов и состояние системы. Тем не менее это не является непреодолимым препятствием или каким-либо табу для осознания *необходимости и поиска путей спасения для человека и человечества*.

Путем к такому отчаянному для миллионов людей состоянию могут быть *подробная разработка и культивирование совокупности правил и принципов, которые устанавливаются в предмете христианской демократии*, что и составляет постановку нашей проблемы в самом общем виде.

Надежду на возможность позитивного ответа на вопрос о реальности нахождения путей спасения человеку предоставляет познание им факта *единства (целостности) мироздания* в физике, химии, биологии, бионике, а также имеющие место их трансформации на области экономики (хозяйственных отношений), общественного устройства и государства.

Пожалуй, наиболее сложным из проявлений единства устройства материального мира, относящихся к различным его частям, в последние 100 лет в этом отношении было установление общности принципов устройства (функционирования) мирового пространства (гравитация и др.) и внутреннего построения материи — молекул и атомов (1)⁹. Подобные аналогии наблюдаются также при построении биологических систем, выявленные в результате использования

⁹ Здесь и далее пронумерованы аксиоматического свойства выводы о целостности и единстве Мироздания, относящиеся как к его материальной, так и к гуманитарной составляющих.

ферментов, аминокислот, полимеров. Схематично указываемые здесь и далее связи и опосредствования показаны на рис. 1.

Для нашего рассмотрения наиболее ценным оказалась преемственность принципов устройства и функционирования материализованных структур и явлений уже в процессах нематериального свойства, при функционировании экономики (производственных отношений) и даже общества в целом.

Человечество уже пошло дальше: оно использует эти закономерности осознанно и целеустремленно, анализируя и достраивая свой собственный уклад, систему воспроизводства, а также обеспечения условий своей жизни, схем управления экономикой, именуемых хозяйством. И нам еще предстоит обосновать *формулу, которая отобразит отдельно именно эту закономерность, послужит уже ожидаемым фундаментальным преобразованиям в интеллектуально-гуманитарной сфере жизнедеятельности человека и общества.*

Одним из первых интерпретаторов таких свойств стал отечественный философ-теолог С.Н. Булгаков. Он провел достаточно интересные сопоставления принципов функционирования живой клетки и экономики (хозяйства) (2) (см.: [2]). Имеются в виду фазы процессов накопления и потребления, которые являются неотъемлемыми атрибутами представления экономических категорий накопления и потребления к происходящему в живой клетке: функций потребления веществ и энергии, имеющихся в ней, для продления ее жизни и функций получения извне и накопление их же, как необходимых для последующего потребления. Иначе говоря, каждая клетка работает и живет так же, как и экономическая система, хозяйство в целом.

Правда, после установления таких аналогий, пока что не сделано более четких представлений этих процессов, отражающих соответствующие *количественные связи и закономерности*. Но дело здесь, видимо, было в пока что в неостребованности таковых. (Это имеет место, например, в бионике, где установленные в биологии принципы пытаются реализовать в современных электронных и иных системах.)

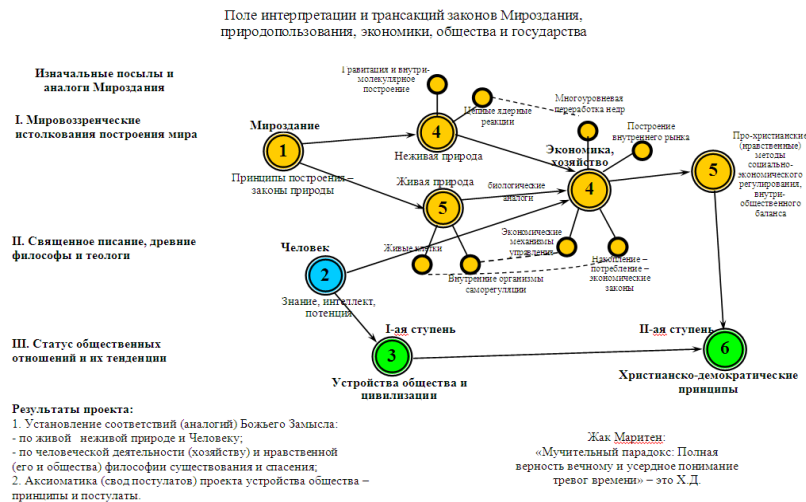

Рис. 1. К проекту устройства общества, экономики и христианской демократии

Способы технологического (индустриального) освоения недр и других природных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности человечества с образованием экономического потенциала — новых добавленных стоимостей — несущей конструкции (тягловой силы) развития по этапам (уровням) углубления переработки исходного вещества (3) определяют собой такой же закон мироздания, как и иные закономерности по устройству мира и материи, по функционированию живой клетки — это экономический закон потребления и накопления (рис. 2).

Освоение природных ресурсов состоит из двух фаз: собственно переработки и превращений вещества и сырьевых материалов — с одной стороны; с другой стороны, последующего применения (прямого потребления человеком, — если это продовольствие, — или как орудия, средства труда) и обеспечения условий жизни в соответствии со спецификой потребностей, которые характеризуются особенностями человеческого бытия, природы и т. д., которые уже предопределены природой (Создателем).

Это некое открытие, но не вроде простого (утилитарного) провозглашения, а с определением существенных параметров протекания процессов, которые поддаются рационализации и оптимизации и значения которых могут быть сопоставлены с неким

критерием эффективности. Иначе говоря, оно может быть использовано для прагматических целей обеспечения жизнедеятельности конкретного общества (и человечества в целом).

Ведя настоящее изложение, мы имеем в виду показать всесторонность, целостность и единство Вселенной не только как материального мира, а в первую очередь, как сферы гуманитарного свойства, в том числе философского плана, культурного отражения действительности интеллектом богоподобного существа — человека, проводя далее линию к общественному и затем к государственному устройству, необходимых для решения собственных задач и целей жизнедеятельности и спасения.

Происходящие исторически увеличение объемов производства, широкое введение промышленных технологий привели к усложнению финансовых и иных отношений, к выделению особо доходных сфер в экономике и, далее, к разделению труда и расслоению человеческого общества. Острее встали проблемы оценки трудового вклада, справедливости распределения материальных благ и различия интересов отдельных групп и слоев населения.

В условиях противостояния интересов на повестке дня обострилась проблема нравственности. Потребовалось решать *задачу достижения внутриобщественного баланса* в рамках государства путем *социально-экономического регулирования* (через налоговую систему, госбюджет, социальную помощь и др.). От развивающейся демократии требуется также и справедливость решения этой задачи.

Христианские принципы могут служить образцом для выработки справедливых правил и методов. Эти методы и правила мы называем поэтому *прохристианскими*. Мы считаем, что они имеют трансцендентное начало. В рамках государства, управляемого через парламент и иные представительские институты власти, мы можем получить прохристианскую систему влияния общества на социально-экономическое развитие и рациональное использование природных ресурсов. В ней демократические по своему существу способы организации власти будут «начинены» христианскими, т. е. регулируемыми распределением материальных благ по библейским критериям.

Причем не «отобрать и разделить» (по-коммунистически), а реализовать право человека на высокооплачиваемый труд, а также действительно равные возможности. Применительно к нынешнему кризисному периоду это может означать проведение структурных преобразований в экономике, выравнивание условий работы для различных отраслей и сфер.

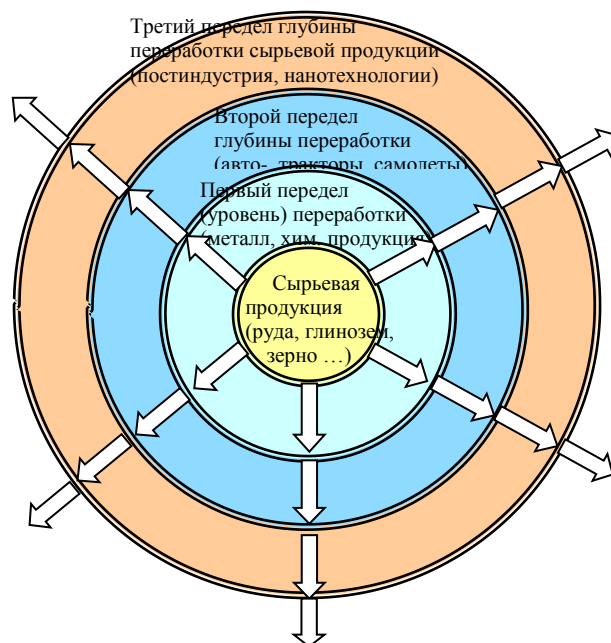

Рис. 2. Иллюстративная схема производственно-технологического процесса, образования и действенности внутреннего рынка

С.Н. Булгаков относит эту функцию к типу трансцендентных, исходящих от высшего начала. Наше обоснование теологических истоков социально-экономического регулирования адресуется к внутреннему состоянию, например, предпринимателя, когда его нравственные качества проходят проверку Божьими заповедями, когда человек решает, как поступать со своей социальной ответственностью перед обществом «Человечество возвратит тогда утерянную гармонию различных сфер деятельности духа, и религия займет подобающее ей место, станет основой мысли и деятельности людей» [2, 142].

Представим здесь свое понимание одного из теологических истоков необходимости социально-экономического регулирования. Предпринимательская тяга к умножению личного достатка и расширению своего дела увлекает потенциал предпринимателя, мобилизует ум и волю, уводя тем самым от выполнения социальных обязанностей перед обществом. Возникающее в нем внутреннее противостояние может быть компенсировано, но не прямо,

непосредственно, а на общественном уровне — через налоговую систему.

Исходя из требований нравственности и справедливости, на законодательном уровне необходимо предусматривать перераспределение доходов от богатой части граждан к менее зажиточной и, таким образом, выравнивать реальное положение людей в обществе.

Но соблюдение справедливости в распределительных отношениях не единственная и даже не главная функция регулирования социально-экономического развития. *Главная функция здесь состоит в системном влиянии государства (и общества) на социально-экономическое развитие путем балансирования не только в социальной, но и в экономической сфере, эффективном распорядительстве природными и иными ресурсами конкретно взятой страны с целью достижения лучших результатов в экономике и социальной сфере, прогрессе развития.*

Причем осуществление этого идет через упомянутую функцию посредством балансов (в социальных группах и межрегиональных пропорциях), ориентированных на стратегию сглаживания все тех же материальных отношений различных слоев населения и регионов в обществе, а также регламентации использования природных ресурсов. В таком действии государства проявляется социальная суть прохристианских методов социально-экономического регулирования.

Говоря о хозяйстве и хозяйствовании в актуальнейшем для постсоветских стран ракурсе, уместно привести конкретный пример из наших разработок и проектов, выполненных для Украины. Сейчас уже общеизвестно, какой урон при становлении у нас капиталистических устоев нанес для наших стран так называемый Вашингтонский консенсус [3], представлявший нам как условие получения от МВФ дешевых кредитов. При этом без надлежащего знания условий страны навязывались чуждые нашей ментальности мероприятия, которые в результате приводили не к увеличению (лучше оказать, восстановлению) объемов ВВП, улучшению сбалансированности экономического развития, а к их снижению, развалу высокотехнологичных (по тем временам) отраслей, росту уровня безработицы, снижению уровня жизни населения. Это в то время, когда требовались грамотные действия госменеджмента по организации своей работы по схеме, которая приведена на рис. 3. Эта концепция, охватывая все основные стороны хозяйства, как целостного процесса, замыкает всю цепь жизнедеятельности, а не только отдельные ее части. Требуется всестороннее проникновение в

суть процессов, а не использование лишь отдельных, хотя и проверенных в других случаях или местах, обоснований или экономики расчетов.

На рис. 3 показаны направления решения вопросов занятости, внутреннего рынка, удовлетворительных доходов населения. В расчетном варианте к 2017 г. реально могут вырасти объемы ВВП в 2—2,5 раза, госбюджета — в 2 раза, выработка ВВП на 1 чел. — в 2 раза. Но не это главное.

Главное состоит в улучшении структуры занятости, реальном апробировании возможностей внутреннего рынка, восстановлении былых (до 1990 г.) показателей баланса интересов в обществе, гарантий материнства, подготовке молодежи, преодолении эгоизма и воспитании коллективизма, творческой самореализации человека. Государственное устройство должно стремиться к библейским идеалам.

Постоянным позывом в человеке всегда стояла и стоит необходимость *спасения*. Данное Богом свободоизъявление выводит человека и человечество на исключительно нравственное развитие, приводит к неразрывной интеграции их духовной и жизненной составляющих. Оно приводит к убежденности в необходимости вселенского введения некоей иммунной системы, предназначенной предохранять его (человека) от вируса неверия, несправедливостей, обманов, беспринципности, агрессивности, нетерпимости и недоверия. Оно, и только оно, может стать надежным фундаментом долгосрочных позитивных общественных отношений и устойчивого успеха.

Базовой платформой для таких воплощений может стать *христианская демократия*. Здесь мы должны указать, как в соответствии с принципами христианской демократии необходимо практически изменять нашего человека (в себе), переустраивать общество, власть и государство. Мы должны ответить, как, имея аксиоматику и постулаты христианской демократии, соответствующие представления о способах организации общества, прийти к их практическому осуществлению, ассоциируя их с евангельским Воплощением.

Составным элементом, задачей предстоящей работы является преобразование личности — например, гражданина Украины. Оно включает в себя гармонизацию внутреннего состояния человека и характера его деятельности в обществе путем преодоления двойственности (раздвоения) своей натуры. (Имеется в виду преодоление в человеке фактов негативного поведения и справедливых и праведных намерений.)

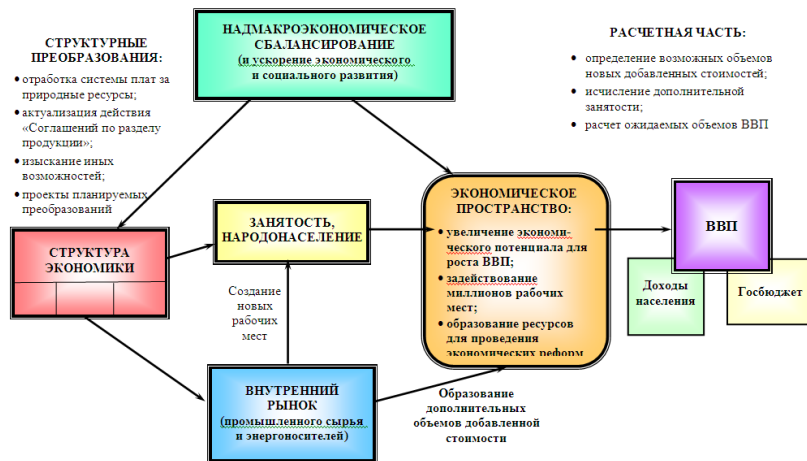

Рис. 3. Фрагмент концепции экономического и социального развития (альтернатива Вашингтонскому консенсусу)

Провозглашение благочинных целей, даже выверенных по христианской доктрине, не является достаточным, пока не определены пути и реалии их осуществления. Ведь человек должен осознавать свою ответственность за предоставленные ему богоподобные возможности по разуму (мышлению) и свободе выбора, т. е. по возможностям познания и освоения законов мироздания, использования природных ресурсов, но исходя при этом из умеренности удовлетворения своих материальных потребностей, не нанося природе непоправимого ущерба, а также соблюдая нравственные устои общества в повседневной жизни.

В этом состоит одно из предназначений *общественного устройства*. И доходить до таких требований следует не только отдельному человеку (в личностном плане), но и обществу в целом и человечеству, создавая для этого мирские законы и правила. Для выбора путей достижения своих целей жизни общество обязано мобилизовывать богоподобные возможности всех своих членов.

Теологами и философами обоснованы для этого такая субстанция, как Мировая душа (см.: [2; 4]). Результатом всей соответствующей человеческой гармонии будет Божественная София.

Мировая душа — трансцендентная база для осуществления человечеством своего исторического предназначения. При этом для

нахождения своей идиллии общество должно интегрировать ум, потенцию, волю и чувство любви своих членов, используя светские возможности, конкретику общественного устройства и государства.

Все эти возможности закладываются и развиваются в более чем столетней идеологии христианской демократии как органичном синтезе двух составляющих: христианской и демократической (см.: [5; 6] и др.). И ориентировки в деятельности политических партий христианского типа должны не блуждать в плену домыслов и иллюзий, хотя бы и благотворных, а исходить из наличного потенциала, теперь уже имеющего и историческую силу. (Думаем, что на него в свое время уже было соответствующее повеление Божье.)

Как это все делать — необходимо черпать из Священного Писания и сокровищницы произведений древнеисторических теологов и философов. В наших работах [7; 8] в качестве основного метода были взяты труды Фомы Аквинского [9].

Проблему (и затруднения) теперь составят изменения, происшедшие с тех пор в обществе и Церкви (это и протестантство, и многообразие появившихся иных религиозных течений и сект). Что же касается изменений в обществе — они огромны. Идет также утонченная борьба за лжесвободу и отход от классических канонов.

Отсюда родилась идея сохранения равноудаленности христианской демократии от основ Библии и современных течений в развитии общества (отдельные положения представлены даны нами в работах [7; 8]).

Но главным и неизменным и пока что неделимым для человека и общества все же остается философия спасения — спасения во Христе. Мы приходим к некоему обобщенному заключению о том, что *действенное социально-экономическое регулирование в обществе и государстве позволит реально влиять на первопричины падения нравственности, а масштабное введение христианской демократии позволит существенно расширить базу и сферы выполнения христианских принципов, радикально усилит ауру и расширит рост, размах, охват (людей) в целях общественного спасения. Все это станет итоговым результатом деятельности как религиозных, так и всех общественных институтов и преобразования личности (4).*

Методы организации осуществления христианско-демократической идеи в обществе можно почерпнуть из уже имеющегося опыта христианских политических партий в Европе и на других континентах. На Украине уже сегодня они организуют участки (ячейки, территории), адекватные по границам расположения округам по выборам в местные советы. На этих участках от них должны быть

закреплены кадры-организаторы, которые ведут постоянную целенаправленную работу по пропаганде христианской идеологии в русле решения текущих местных жизненных проблем.

Сложности в своей деятельности христианские демократы ощущают в связи с усилением, в том числе и в западных обществах, серьезнейших недостатков в развитии демократии — это установление пределов (внутренних ограничений действительности) современных демократий.

Преодоление пределов современных демократий необходимо для развития человечества — это путь к более совершенному гуманистическому (гуманизированному) обществу, в котором будут исключены выделение и поддержка (методом лоббирования) одних сословий или людей в ущерб другим или обществу в целом. Это — первое. Второе — замена стимулов высокопродуктивного труда, которые действуют сегодня (ведущих к развитию эгоизма, стяжательству, превосходству одних людей над другими).

Христианская демократия как идеология выдержала практическую проверку в ФРГ после Второй мировой войны. За каких-нибудь 10—15 лет партия ХДС (К. Аденауэр и Л. Эрхард) провела кардинальную перестройку, направив развитие страны по рельсам социальной рыночной экономики. Это могло бы стать хорошим примером для Украины, но, естественно, в новых условиях.

Вопросы теперь состоят в том, как, в каких конкретных формах и конкретных действиях выражается (проявляется) христианская демократия как таковая? Какое отражение она должна находить в деятельности политической партии христианского типа?

Если говорить коротко, *христианская демократия для нас сегодня — это целостный свод (структура) и система правил и положений, каждое из которых являет собой постулат, отражающий ту или иную сторону — позицию или правило действия*. Это своего рода аксиоматика, подобная научной теории творения (см. напр.: [10]).

Хотелось бы выразить свое несогласие с имеющим место упрощенческим подходом к предмету христианской демократии — мол, берите свой конкретный пример, конкретную жизненную ситуацию и сверяйте свои оценки и свое видение с сюжетами и высказываниями Священного Писания; затем — принимайте решение и действуйте. (Пример тому — книга В. Еременко, в которой даны фрагменты такого подхода, называемого отдельными экспертами «организованной праведностью» [11, 88—108, 102, 109, 148—149]. Несмотря на это, опыт, приведенные фрагменты, безусловно, должны использоваться при разработке инструментария нашей христианской

демократии (ХД). В таком подходе нельзя найти что-то неверное, ошибочное. Однако точка зрения может оказаться слишком обобщенной, она может не учитывать всего последующего после написания Библии опыта человечества, многогранной конкретики и актуальной философии нынешнего времени.

Христианская демократия призвана восполнить этот пробел, создать новый — расширенный — базис и принципы построения современного общества и государства. Принципы, которые кладутся в основу идеологии ХД, не являются чем-то особенным или необъятным. Они просты и давно существуют в нашем обиходе: справедливость, доброта, достоинство, уважение, милосердие, честность, терпеливость, доверие.

Но как, имея совокупность принципов поведения человека, представление о способах организации общества, перейти к их осуществлению, ассоциируя их с евангельским Воплощением? — следует найти подходящий для этого метод, подход и, если хотите, технологию. (Любой, даже очень хороший, закон мертв, если не подкрепляется механизмами его выполнения.) В Священном Писании, и далее в теологии, для решения подобных задач вводились атрибуты (понятия), составные послылы, умозаключения. Постулаты в своей совокупности должны охватывать некий совокупный процесс духовной жизни и деятельности человека и общества, как бы трансформируя и детализируя принципы. Таким образом, постулаты показывают способы осуществления принципов, их трансформацию, применительно к каждой конкретной сфере человеческого познания и жизнедеятельности, увязывая весь процесс в единое целое.

С точки зрения уровня представления и нашего понимания проблемы на данный момент времени мы можем указать на два типа постулатов ХД: 1) формирующие условия и требования к обеспечению соответствия принципам; 2) обозначающие формулы (словесные) действия, или механизмы осуществления принципов.

Постулаты (в нашем случае) — это «кирпичики», отражающие мыслительную среду (ауру) и структуру жизни человека и человечества.

Вера и поиск путей спасения для человека и общества являются одними из важнейших предпосылок приведения нравственных качеств и условий жизни к христовой традиции. Сегодня стало уже ясно видно, что начало провоцирования многих негативных явлений кроется в экономике, в социальном расслоении. Именно отсюда происходит нынешнее общество потребления, оно по сути разлагает общество, усугубляя проблему торжества христианских идей. Поэтому

экономика, распределительные отношения должны стать первоочередными задачами обществоведов, философов и даже теологов.

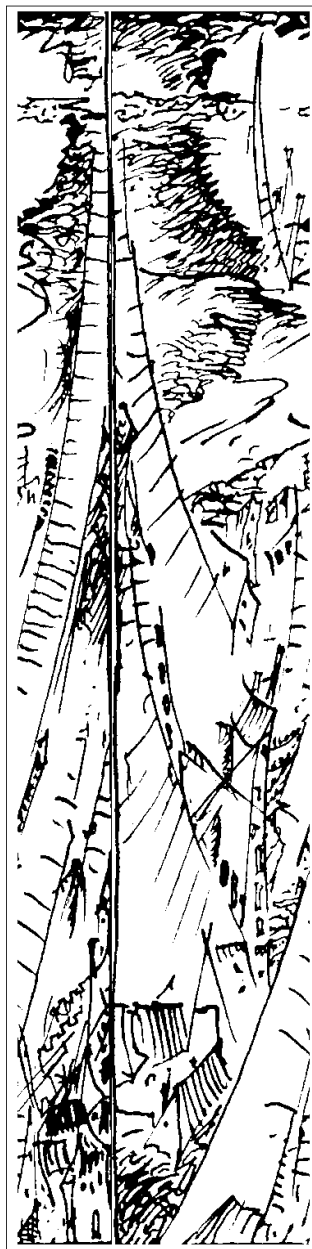
Христианская демократия готова принять на себя функцию приближения земных интересов людей к устоям христианства: при этом самое важное — не сдавать христианских принципов. Чтобы, перефразируя выражение Жака Маритена, с честью выдержать «мучительный парадокс полной преданности вечному и унять тревогам времени».

Литература

1. *Кожурин Ф.Д.* Прохристианские методы социально-экономического регулирования. Днепропетровск, 2008.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
3. *Уильямсон Дж.* Американоцентричный мир исчезнет в любом случае. М., 2010.
4. *Шеллинг Ф.В.Й.* Соч.: В 2 т. М., 1989.
5. *Маритен Ж.* Знание и мудрость. М., 1999.
6. Работы Ж.Маритена по культурологии и истории мысли. Вып. 1, 2. М., 1990; 1992.
7. *Кожурин Ф.Д.* Христианско-демократическая идея. Вопросы методологии и задачи политической партии в Украине. Днепропетровск, 2008.
8. *Кожурин Ф.Д.* Об обосновании христианской демократии. Днепропетровск, 2008.
9. *Фома Аквинский.* Сумма против язычников. Долгопрудный, 2000.
10. *Решетинський В.М.* Аксиоматичний базис для побудови наукової теорії творіння // Матеріали науково-практичної конференції «Парадигма творення в сучасній науці: на шляху до інтегрованого світогляду». Вип. 1. Острог, 2009.
11. *Еременко В.* Бог, политика и мы. Киев, 2007.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Базовые регуляторы неоиндустриальной экономики

Когда частное вознаграждение согласуется с общими целями, все работает хорошо; если же такой согласованности нет, на свет могут появляться уродливые создания.

Дж.Е. Стиглиц. Крутое пике

Аннотация. В статье раскрываются закономерности общественно-политической и технико-экономической эволюции хозяйственного процесса. Особое внимание уделяется значению и роли экономических кризисов как главного источника циклов и отрицания старых и генерации новых форм, норм регулирования обществом на разных уровнях индустриального и неоиндустриального развития. Автором выдвигается на современном этапе доминирования глобального капитала принципиально иной регулятор — норма прибыли высокотехнологичных отраслей, разрешающая сложившееся противоречие между финансовыми мотивами, необходимостью технико-технологических изменений и справедливостью. Ее субстанцией является институциональная ценность, приходящая на смену цене производства.

Ключевые слова: экономический цикл, кризис, институциональная ценность, НИР-мультипликатор, социально-экономическое развитие.

Abstract. The article describes the patterns of social, political and techno-economic evolution of the economic process. Special attention is given to the value and role of the economic crisis as the main source of cycles and the negation of the old and new forms of generation and regulation at different levels of society, industrial and neo-industrial development. The author comes to the current stage of the global dominance of capital is fundamentally a regulator — the rate of return of high-tech industries, resolving the contradiction between the prevailing financial motives, the need for technical and technological change and justice. Its substance is the institutional value to replace the cost of production.

Keywords: economic cycle, crisis, institutional values, the NCI-multiplier, socio-economic development.

В приведенном выше эпиграфе лишь один фрагмент из множества обозначенных известным экономистом, практиком острых противоречий современной хозяйственной системы в целом и американской в частности, которые генерировал общий мировой кризис 2008 г. Наряду с разного рода геополитическими проблемами, проблемами финансов, реального сектора экономики, растущей бедности и нищеты, экономической науки и пр. лауреат Нобелевской премии обеспокоен также не менее важной проблемой для молодых стран с развивающимися рынками, которые в силу этих депрессивных проявлений в странах с развитыми рынками и сложившейся ситуации *общей неопределенности* потеряли *образец для подражания в выборе стратегии национальных политико-экономических реформ*. Кроме того, с распадом системы социализма также исчез альтернативный образ иных норм поведения и инструментов регулирования. Капитал в своем устремлении без этих альтернатив ведет себя крайне агрессивно и далеко не всегда рационально даже с экономической точки зрения, не говоря уж о неких социально-гуманитарных аспектах. Таким образом, современное мировое хозяйство в целом оказалось перед необходимостью выработки *новой идеологии* и соответственно поиска иных инструментов регулирования социально-экономических систем, обеспечивающих научно-техническое развитие. Ведь *противоречие бизнеса и индустрии*, о котором в свое время очень тонко и глубоко говорил Т. Веблен, имеет слишком острые и разрушительные проявления. В связи с этим заложенные фундаментальные основы *теории хозяйства* имеют высокий шанс на всеобщую востребованность, широкую институционализацию и, следовательно, практическую разработку и использование.

Все циклы бума и спада, поражавшие разные страны как до промышленной революции, так и после, трудно охватить даже в сжатой форме. Общий социальный прогресс человеческой цивилизации протекает крайне неравномерно и нелинейно. Ведь, как показывает хозяйственная практика, может быть и рост без развития и соответствующих других количественных параметров. События 2008 г. с их жесткими последствиями позволили весьма активно реанимировать категорию «кризис» и проблему развития. Анализ обширной литературы по циклам и развитию показывает, что

абсолютное большинство авторов циклы связывает лишь с *кредитной экспансией* без всяких оценок каких-либо качественных изменений в научно-технической сфере, социально-институциональных изменений, что никак не соответствует действительности¹⁰.

Принципиальной ошибкой, *очередным мифом* является также утверждение о том, что переход к рынку *автоматически* обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Пора бы уже из практики понять, что содержание процедуры перехода к рынку нельзя упрощать, обращаясь лишь, например, к либерализации, приватизации и свободному ценообразованию. Рынок охватывает лишь одну из стадий воспроизводства — *обмен*, возникающий на границах фирм. *Производство* же есть не что иное, как внутрифирменная или индивидуальная рутинно-творческая деятельность, где осуществляется реальное слияние науки, техники, организации, мотивации и пр. «Фабрика, хотя она работает для рынка, — пишет Дж. Хикс, — приобретает необходимые материалы и оборудование, нанимает необходимых работников на рынке, *по своей внутренней структуре* является нерыночной организацией» [3, 28].

Присуждение Нобелевской премии по экономике в 2009 г. О. Уильямсону и Э. Остром обозначило важность разработок и актуализировало проблемы влияния *нерыночных факторов и условий* (фирма и общественные институты) на экономику (!) и социально-экономическую динамику в целом. Такая же высокая премия П. Даймонда, Д. Мортенсена, К. Писсаридеса в 2010 г. «за анализ рынков с поисковыми трениями» свидетельствует о том, что индивидуальные затраты на рынках труда в поисках лучшего себе применения также снижают общую социально-экономическую эффективность стран. Например, в Белоруссии безработица составляет менее 1%, но индивидуальная и общественная производительность труда даже ниже, чем в России, за счет высоких издержек управления и контроля.

Достижение нового технологического уровня всегда требует соответствующих затрат. Но не рынок инициировал и обеспечивал эти затраты (!). В первую очередь эти затраты, а точнее авансы, делают... исследователи и разработчики научно-технической продукции,

¹⁰ О том, что этот процесс освоения научно-технического и социального прогресса не закончен, свидетельствует хотя бы недавно вышедшая очередная книга [1]. Весьма полезными для обобщенного понимания технического и социально-экономического прогресса являются также работы [2—5].

начиная со школьной скамьи и заканчивая новым знанием, в лучшем случае подтверждающем свое авторство охранной грамотой или патентом. По крайней мере еще не нашли чего-то подобного бизнес-плану известного исследователя или разработчика. Никто, правда, не подсчитал затрат и трагедий людей, не получивших при жизни не то что материальных благ, но даже общественного признания. Более того, в период формирования рынка промышленного капитала фактор труда (парадоксальная фраза, но применяемая экономистами) обеспечивал свое нравственное и интеллектуальное развитие за счет собственных средств и не благодаря, а вопреки существующим на тот период законам распределения. Скажем так, научно-исследовательская сфера или отрасль по своей природе, особенностям производства и специфике продукта, законам его распределения и обмена является *некоммерческой сферой*. Ее деятельность сопровождается высокой неопределенностью результатов и риском, специфическими потребительскими свойствами и, следовательно, оценками (ценой). И бизнес туда не идет... Ведь, как писал совсем недавно главный редактор журнала «Бизнес Уик», мы знаем, как измерить продукцию старой экономики, но абсолютно не знаем, как измерить ее в высокотехнологичной экономике. Спин-офф, предпринимательство возникает там, где разработки уже выполнены, их права собственности имеют крайне размытые границы, и существуют относительно известные направления их применения. Иначе говоря, предложение на рынке фундаментальных идей, научно-технических разработок имеет косвенную зависимость от денежных стимулов. Есть иные, более глубокие стимулы как для научно-технических разработок, так и для их внедрения в рыночный оборот. К тому же спрос на научно-технические разработки также условно можно назвать спросом, поскольку, во-первых, имеет денежное ограничение или отражение из-за неопределенности потенциальной потребительной стоимости. А, во-вторых, и это подтверждает богатая и многовековая практика, не может быть много желающих в той или иной форме приобрести ту или иную научную идею или технико-технологическую разработку. Это может быть очередь за мороженым или новым видом телефона, автомобилем. С этой точки зрения в лучшем случае затраты разработчика могут (?) лишь окупиться.

Таблица 1

**Технико-экономические циклы, промышленные приоритеты
и страны—лидеры мировой экономики**

Циклы	Годы	Ведущая отрасль, вид инноваций	Энергетическая революция	Революция на транспорте и в связи
I	1770—1850	1770 г. — прядильная машина; 1785 г. — ткацкие станки; текстильная промышленность	1769 г. — паровозный двигатель, уголь	Первая железная дорога
II	1850—1890	1856 г. — Бессемеровский метод плавки стали; металлургия, железные дороги	1860 г. двигатель внутреннего сгорания; 1867 г. — динамо- машина	Железные дороги, телеграф; 1876 г. — изобретение телефона
III	1900—1930	1901 г. — радио; 1903 г. — синтез аммиака; производство автомобилей, электричество, химия, машиностроение; 1929 г. — изобретение телевидения	Нефть	Самолет и автомобиль
IV	1935—1970	1935 г. — нейлон; автомобиль и авиатранспорт; 1946 г. — компьютер; 1968 г. — полиэстер; электроника, нефтехимия	1954 г. — атомная энергетика; атомная энергия	Авиатранспорт
V	1980— начало 2000	1982 г. — космические технологии; биотехнология, новые материалы, нанотехнологии	Новая энергия (поиск альтернативных источников)	Информатика, связь, глобальные сети

Циклы	Годы	Сети	Ведущий вид капитала и дохода	Общественная экономическая форма организации и норма поведения	Страна-лидер
I	1770—1850	Торговые сети	Торгово-денежный; торговая прибыль	Свободная конкуренция, кооперация, мануфактура; стоимость, цена	Великобритания
II	1850—1890	Сети транспорта	Производительный, промышленный; прибыль	Межотраслевая конкуренция, фабрика; цена производства	Германия, становление Франции и США
III	1900—1930	Энергосети	Монопольно-банковский; монопольная прибыль	Монополия; монопольная цена	США, СССР, Германия
IV	1935—1970	Коммуникационные сети	Финансовый; банковско-финансовая рента	Государственно-монопольный альянс; трансферты	Становление Японии, США, Германия
V	1980—начало 2000	Глобальные информационно-финансовые сети, знания	Глобальный капитал; глобальная рента	Международные институты; институциональная ценность	ТНК, США, ЕС, другие региональные союзы

Эволюция общественного прогресса, сочетающего в себе весьма различные силы и интересы, осуществляется циклически (табл. 1). Их проявления асинхронны и крайне мало изучены. Достижение нового технологического уровня требует хотя и в разной пропорции соответствующих затрат: интеллектуальных, психо-эмоциональных, культурных, материальных, финансовых, организационных. Мы не зря поставили на первое место интеллектуальные и психологические затраты. Как показывает современная практика (Япония, Израиль, частично Белоруссия) — ресурсная составляющая имеет значение, но она преодолевается, если в стране есть ресурс *интеллектуально-культурный*. С теоретического освоения существующей хозяйственной реальности, выработки стратегии и механизма проведения необходимых изменений начинаются и ими же заканчиваются любые преобразования в экономике, чтобы оценить, что было, что получили и каков прогноз будущего. Собственно, это явление фиксируется таким понятием, как «социальный капитал», определяющем старт и возможности движения в направлении индустриально-технологических изменений. Подсчитано, что 63,5% научно-технологических новинок, принесли ученые, которыми руководило простое любопытство, т. е. свободный поиск. Ориентированный заказ обеспечил «производство» 28% новинок и только 7,7% новинок — это разработки, нацеленные финансово на конкретные специальные задачи [6]. Поэтому не ругайте пианиста — он играет, как умеет... Без ученых, инженерно-технических работников никакой капитал не сможет обеспечить реализацию неоиндустриальной стратегии развития.

Нынешние социально-экономические системы, сложившиеся в постсоциалистических странах, пока в буквальном смысле *эксплуатируют* (!) сложившуюся в прошлом и научно-техническую основу, и работающую пока по инерции систему подготовки кадров, и сами кадры. Последних, кстати, еще весьма удачно и эффективно эксплуатируют и в странах «образцового рынка», если их не могут принять национальные экономические системы. Этим, к тому же высококвалифицированным, но еще и дешевым фактором труда цинично пытаются привлечь и зарубежные инвестиции... Скажем так, *научно-исследовательская сфера и отрасль образования* по своей природе, особенностям производства и специфике продукта, законам его распределения и обмена являются некоммерческой сферой. Они имеют собственную траекторию эволюции, безусловно,

соприкасающуюся или органично интегрирующуюся в общую траекторию воспроизводства.

К счастью, деньги и почести — не единственное, что стимулирует ученых. Предпринимателей тоже стимулирует к инновациям не только прибыль. *Вся система институтов и общественных норм должна быть селективной и компромиссной для интересов и создателей инноваций и тех, кто конкретно их реализует, с учетом индивидуальных и общественных выгод.* Ведь выгоды имеют разное измерение в разные периоды времени.

Безусловно, на решение ввести научно-техническое новшество непосредственно на предприятии влияют расчет нормы прибыли в будущем, источник инвестиций, оценка риска. Но о том, что этот риск значителен, свидетельствует то, что из каждых десяти изделий, которые прошли стадию исследования и разработки, пять уже не выдерживают производственных и рыночных испытаний, а из пяти, которые проходят эти испытания, только два приносят коммерческий успех. В случае успеха, к тому времени, когда новый продукт доводится до рынка, общая сумма затрат фирмы-новатора во много раз превышает затраты на первоначальные исследования, приведшие к фундаментальному изобретению. Исследования и перспективные разработки, ведущие к фундаментальному изобретению, обычно составляет 5—10% общей суммы расходов. Последующие же расходы на проектирование и конструирование продукта обычно составляют около 10—20%, а расходы на подготовку производства и доводку продукта — 40—60% общих расходов. Наконец, начальные производственные расходы составляют от 5 до 15%, а начальные расходы по сбыту — от 10 до 25% общих расходов. Существует также *разный временной лаг* между исследованием, изобретением и внедренным новшеством в различных отраслях промышленности. Короче этот лаг на потребительские товары, разработки, осуществляемые на правительственные средства, в ВПК, чем в гражданских отраслях [7, 127—132]. Почему? Дело в том, что общественный приоритет в данной политико-экономической форме более сильный по мотиву, а также размеры финансирования более объемны, а их кумулятивность более влиятельна и значима. Поэтому отрасли ВПК, как правило, в индустриально-развитых странах имеют приоритетную стратегию развития, аккумулируя лучшие научные силы и объемы финансирования, передавая в последующем в

гражданские отрасли сопутствующие образцы новой продукции и, следовательно, новых технологий.

Чтобы вектор неоиндустриализации был более действенным и эффективным, страна должна иметь соответствующие политико-экономические инструменты влияния и регулирования. Сегодня сфера *промышленной политики* является весьма спекулятивной сферой влияния интересов даже у «сильных» держав. Доступ к информации по этому вопросу входит в зону национальной и региональной безопасности. Таким образом, кроме всего прочего, пытаются ограничить конкуренцию доминирующих производств и технологий. Риторика о рынке в целом, где как бы самым влиятельным является спрос, перешла и в область научно-технического развития. Во-первых, предполагается, что в равной степени должны себе зарабатывать деньги и научно-технические структуры, и предприятия, производящие масштабно серийную продукцию и оказывающие услуги утилитарного значения. Во-вторых, институты промышленной политики считаются «детородным грехом» плановой социалистической системы. Узколобыми «рыночниками» предполагается, что сам спрос каким-то образом определит и необходимость в новых научных разработках, опытных образцах и найдет своего «инновационного предпринимателя».

В связи с этим хотелось подчеркнуть, что во все времена государство так или иначе вело соответствующую целенаправленную политику генерации и развития ведущего для своего времени технологического уклада. Эпоха промышленного капитала потребовала и целенаправленной промышленной политики, проводимой соответствующими организационными структурами с соответствующим институциональным наполнением от идеологии до государственных заказов продукции по *завышенным ценам* по отношению к стоимости. Последнее необходимо потому, что в рамках свободной и ориентированной на стоимостное возмещение системы разработка нового и его тем более производство могут осуществляться не благодаря, а вопреки складывающейся экономической практике. Например, Коносукэ Мацусита — основатель фирмы «Панасоник» — выжил в условиях кризиса 1929 г. благодаря своему мастерству, потому что придумал новую, не принимаемую долго никем (!) форму электрического патрона для лампочки. И лишь после разработки на своей фирме новой, лучшей и более эффективной ее модели, которую пришлось еще потом долго внедрять в *сознание «рациональных*

потребителей», «рынок» одобрил этот проект. То же самое можно сказать про клавиатуру пишущей машинки, а ныне и компьютерную клавиатуру, которая имеет весьма неэффективное расположение букв — QWERTY, но которое принято из-за того, что такое расположение когда-то было введено первоначально и было одобрено большинством (!) специалистов, уже использующих такой формат клавиатуры. Если некий человек, как пишет известный специалист по инновационной экономике Й. Шумпетер, «будет пытаться поправить дело с помощью магического заклинания, — например, бормотать: “Спрос и предложение!” или “Планирование и контроль!”, — значит он находится во власти дорационального мышления» [8, 172]. В нашей современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог относительно рыночных преобразований и модернизации можно посмотреть как по статистическим справочникам, так и по окружающим явлениям.

Интересы страны в целом, торговцев, мелкотоварного сектора, промышленников, аграрного сектора и других производителей, ученых, населения как индивидов и финансово-денежного капитала могут принципиально не совпадать, и они, как правило, не совпадают, имея вектор разночтений. Современная экономика — это многоукладная экономика, вершину которой замыкает *метакапитал* как сложившееся институциональное явление. К сожалению, последний часто инициирует такие правила и нормы, которые могут быть выгодными лишь тем социальным группам и классам, которые по каким-то неопределенным правилам получили право *частной собственности на установление хозяйственных отношений и контроль за ними*.

О том, что эти интересы не совпадают и в наших странах, свидетельствует тот факт, что только эта сфера, пользуясь монопольным правом распоряжения кредитно-денежными ресурсами и привлекая *общественные ресурсы*, успешно только у себя внедрила необходимые *инновации*, обеспечив самый высокий рост добавленной стоимости и самую высокую рентабельность после кризиса 2008 г. Если говорить откровенно, то инновационные программы и в Белоруссии, и в других странах, где между политиками и финансовым капиталом сложился молчаливый, но взаимовыгодный альянс, не принесли ожидаемых результатов. Таким образом, положительные

результаты этих программ, равно как и программ импортозамещения, к сожалению, может подтвердить только официальная статистика. Основной же объем валюты дают по-прежнему сырьевые отрасли.

Денежное обращение, которое получило за последние три десятка лет необычайное влияние и престиж, как считает Й. Шумпетер, является просто вспомогательным техническим средством в научно-инновационной сфере (!) и экономике в целом. Поэтому возможно и целесообразно введение *специальной кредитной политики* центральных эмиссионных банков и оказывающей влияние на частные банки в *направлении научно-технологического развития*. Ни белорусская, ни российская наука не виноваты в том, хотя им можно, безусловно, выдвинуть ряд серьезных претензий, что конкурентоспособности наших стран и товаров на мировом рынке не слишком высоки. Во-первых, наука малочисленна — в Белоруссии всего лишь 0,6% от количества занятых по стране в 2009 г. при 3,6% (!) занятых в органах государственного управления. Во-вторых, она дезорганизована рыночными и частыми административными преобразованиями. А наука — это, прежде всего, люди определенной подготовки и совсем непростой душевной и моральной организации, сложных и не совсем очевидных стимулов. Переход к рынку в два раза сократил количество научных работников Белоруссии за двадцать с лишним последних лет, а лабораторно-экспериментальное оборудование в силу морального и физического износа не позволяет проводить исследования на соответствующем уровне. Надо понимать, что ее, науки, *потенциал* накапливается десятилетиями, но может быть разрушен достаточно быстро, и потребуются значительная финансовая составляющая, а также политическая воля для кардинальных перемен в этой сфере, а также большой период времени. В-третьих, хотя ее денежная отдача и не является главной, все-таки в 2009 г. она даже финансово «самоокупила» себя, обеспечив 0,6% объема ВВП при 0,6%, как уже отмечалось, занятых в этой сфере. Это без учета косвенных внешних положительных эффектов от научно-исследовательской сферы, формирующей человеческий и социальный капиталы. В-четвертых, время оборота производственного процесса более длительное, имеют принципиальные отличия сам цикл и структурные элементы того, что называют «капиталом науки». О том, что наука не воспроизводит себя практически во всех постсоциалистических странах, свидетельствует хотя бы возрастной и профессиональный состав научных кадров.

Предложение капитальных благ, как и научно-технических разработок, лишь на рынке косвенно зависит от денежных стимулов. Предложение капитальных благ, активов носит в целом дискретный и неопределенный характер, требующий специфических форм управления и мотивации. Уже в последующем, когда имеют место первые разработки, фирма с *жесткой властной организацией (!)* их производит и предлагает, обеспечивая тем самым другие предприятия новой продукцией. Но если сделать прибыль или прибыльность единственной целью фирмы, как пишут специалисты по стратегическому планированию У. Кинг и Д. Клиланд, то «это почти неизбежно приведет к ухудшению ее положения в будущем. В этом случае на первый план выйдут объем продаж и уже выпускаемых продуктов, а также использование существующих ресурсов, и внимание к инвестициям, рассчитанным на будущую отдачу, уменьшится до минимума. Таким образом, оставаясь главной целью частной фирмы, прибыль, или прибыльность, должны быть лишь *одним из элементов той системы показателей* (курсив мой. — П.Л.), в соответствии с которыми устанавливаются цели фирмы и измеряются ее достижения» [9, 163].

Для того чтобы понять взаимосвязь вложений в НИР и отдачи, прибыль от вложений в технические разработки необходимо разделить на две части. Первая часть относится к *общему техническому прогрессу и социальному капиталу*, получаемым за счет соответствующих вложений. Вторая — уже прибыль, получаемая благодаря этому прогрессу. Мы вкладываем деньги в НИР, чтобы добиться общего научно-технического прогресса, а в свою очередь, технический прогресс формирует нам *потенциал (!)* для получения прибыли. Поэтому есть смысл рассматривать *техническую отдачу, социальную, культурную, институциональную, организационную и коммерческо-денежную отдачу НИР* отдельно друг от друга. Но важно подчеркнуть, что эти и другие отдачи от научно-технических работ имеют свои *временные лаги, организационные формы и этапы*, а также весьма специфические стратегии реализации.

Чтобы глубже осознать сложность инновационного процесса в любой экономике, следует ввести понятие *НИР-мультипликатора*¹¹. Он представляет собой отношение объема вложений в НИР,

¹¹ Более подробно о НИР-мультипликаторе и об антиинновационных тенденциях в современной экономике см.: [10, 185—196].

требуемого для разработки продукции, к объему инвестиционного капитала, необходимого для производства и продажи этой продукции. Например, в случае успеха программы НИР стоимостью в 1 млн дол. от фирмы может потребоваться 10 млн дол. на строительство нового завода. В целом, если подойти к этой проблеме обобщенно, оно так и есть, потому что, если, например, для фундаментальных разработок требуется 1 дол., то для технических — уже 10, а для налаживания серийного производства с учетом необходимости формирования спроса — уже 100 дол. Итак, *прибыль на инвестиционный капитал = отдача НИР × НИР-мультипликатор*. Из формулы видно, что, чем ниже значение НИР-мультипликатора, тем ниже окажется прибыль на инвестированный капитал. Другими словами, компания с большей охотой истратит доллар, а не 10 или 100 дол. инвестиций на каждый доллар, вложенный в НИР. Если новые технологии требуют крупных инвестиций в новые заводы, они теряют свою привлекательность. Отсюда: *НИР-мультипликатор = объем вложений в НИР / инвестированный капитал = прибыли на инвестированный капитал / отдача НИР*.

Анализ показывает, что диапазон изменения НИР-мультипликатора просто поразителен, так как в разных отраслях его значения соотносятся как 1:100. Ответ на вопрос о причинах данного явления лежит в двух плоскостях. Первая — разные отрасли имеют в своем производстве *разное соотношение технического, стоимостного и органического соотношения капиталов*. Следовательно, это будет создавать и *разную по величине добавленную стоимость*, которая лежит в основе прибыли. Вторая — отрасли, а следовательно, и фирмы отличаются друг от друга время и скорость оборота их активов. Иначе говоря, их отличает друг от друга уровень коммерциализации. Но рыночная экономика не может нормально функционировать, а ее фирмы, работающие в коммерческих отраслях, — получать свою прибыль, *если не будет фирм некоммерческих и производящих общественные блага, соответствующей инфраструктуры, которые создаются за счет всего общества и с участием индивидов, работающих на этих предприятиях и в учреждениях*.

Покажем, как кризисы формировали новые технико-экономические «поля» и как после каждого кризиса возникали осознанно и стихийно новые инструменты регулирования. Мы же пытаемся новое вино, если использовать старую поговорку, заливать в старые меха. Иначе говоря, хозяйственные отношения и их формы не просто нельзя регулировать

«старыми» стоимостными рамками, нормами, но это даже вредно для новых сфер производства и тех технологических укладов, о которых иногда правильно говорят национальные лидеры от экономической политики. И так, если обратиться к кризису 1349 г., то он действительно был связан с кредитной экспансией. Он длился около тридцати лет и закончился уничтожением огромных богатств, банкротством банков, а Флоренция в результате стала средиземноморским центром финансовой и торговой деятельности. Это при всем при том, что население этого центра резко сократилось от чумы (!), а денежный доход и цены в результате этого существенно возросли, поскольку монеты не тезаврировались. Подобного рода кризисы сферы товарно-денежного обращения решительно подталкивали для своего преодоления к *географическим открытиям*, одновременно отлаживая сферу обращения. Обмен информацией и опытом между людьми разных регионов обусловил накопление знаний и использование таких форм организации кустарного производства, как *кооперация и мануфактура*.

Старт же промышленной революции положили, по хрестоматийному определению, аккумуляция научных знаний и открытие Дж. Уаттом в 1757 г. конденсатора, который породил новый источник энергии — паровой двигатель (патент 1784 г.), и, конечно, с нашей точки зрения, новую эпоху, новую эру и новый экономический цикл развития. Вокруг этого изобретения начинает вращаться вся хозяйственная система. Но возникает тонкий вопрос: а действительно ли создание этого важнейшего изобретения, заложившего основы новой человеческой цивилизации, связано лишь с кредитной экспансией? Ответ, на наш взгляд, не просто отрицательный: открытие нового источника энергии, создавшего промышленность, было сделано вопреки этому. Более того, это и другие научно-технические изобретения для кредитных учреждений выступали материальным и *нравственно-моральным залогом* (!) для финансово-кредитных учреждений, изменивших их ростовщическую идеологию. Возможность серийного производства товаров обусловила снижение цен на популярные товары, а замещение труда основным капиталом, когда машины стали производить машины и технику, привело к удешевлению новых капитальных благ. Это в свою очередь расширило базу ссудного капитала. Еще в 1807 г. было замечено, что паровая машина стоит в два раза дешевле тех лошадей, которых она заменяет. Без этих и других научных открытий и будущих изобретений никакая

кредитная экспансия не привела бы к каким-либо качественным изменениям. Этими фрагментарными замечаниями мы хотели бы устранить *однобокое понимание причин циклов и кризисов*, которые связывают лишь с кредитными интервенциями¹².

Формально возможность кризисов состоит в распадении акта купли-продажи на два самостоятельных акта — купли и продажи. Такое разделение произошло с появлением денег и внедрением их в товарное обращение, в результате чего купля и продажа распались в пространстве и во времени. Но это всего лишь необходимое условие для кризиса, когда пространство и время отделяются друг от друга.

Достаточное условие формируется промышленным переворотом и использованием крупной машинной индустрии в массовом производстве товаров. Существенное изменение в системе производственных отношений произошло, *когда техника стала производить технику*. Воспроизводство дополнилось не только дополнительным потоком обращения и капитального потребления, но еще возникший рынок труда приобрел *устойчивый* характер, дополнив качественные изменения системы. С одной стороны, формируется общественный характер производства (!) под влиянием роста масштабов производства, где в массовом масштабе используются техника и узко квалифицированные рабочие, а с другой — происходит специализация капиталов: *торговля оказывается в руках торгового капитала*, денежное обращение и кредитование — в руках банков, а само *производство аккумулируется в руках промышленников и аграриев*. Хозяйственно-экономические цепочки,

¹² Можно для примера привести ситуацию в России в начале 1990-х гг. Как известно, решительные и системные преобразования в СССР привели к полному расстройству кредитно-денежной системы буквально во всех бывших союзных республиках и России в том числе. Конечно, это не могло не сказаться и на всех остальных секторах экономики. Каково же было удивление, когда, выполняя проект Мирового банка по изучению крестьянских хозяйств России в этих условиях, было отмечено, что эти хозяйства не только не умерли, но даже окрепли и создали потенциал к своему развитию. Как известно, хотя и были отбракованы в этот период худшие предприятия, все же потенциал к своему развитию сохранила не только Россия, но и другие союзные республики. Правда, это более успешно получилось в тех уже независимых республиках, которые проявили самостоятельность от мировой финансовой системы и где-то даже от своих «родных» банков. Бартер помог предприятиям выжить, а коммерческие векселя и создали лучшие условия для своего восстановления.

хотя и требуют устойчивого характера, однако под влиянием всех этих изменений становятся зависимыми от случайных колебаний всех видов рынка и особенно рынка денежного как самого подвижного. И этот посредник товарного обращения приобретает все больше самодовлеющее влияние и значение. Но самое интересное заключается в том, что банки как главный ссудно-денежный институт этот статус доминирующей силы приобретают *юридически абсолютно* незаконно, но вполне *оправданно* под влиянием технико-экономических и социальных изменений. Ведь любой вкладчик не поручал, и это не отражается в договоре депозита, отдавать свои деньги в форме кредита, т. е. банки используют чужие ресурсы, но *распоряжаются ими как своей частной собственностью*. Следовательно, сам капитал нарушает права частной собственности по праву сильного. Если же еще учесть, что западное сообщество живет в кредит, чем необычайно еще недавно гордилось и пропагандировало эту «добродетель», то заметим — имущество, приобретенное в кредит, принадлежит банку до тех пор, пока заемщик не расплатится за кредит. Это значит, что действительными собственниками являются банковско-финансовые структуры, а не фирмы или граждане стран. Но это сейчас. Возникновение денег предопределило все-таки количественные и качественные изменения во многих хозяйственных отношениях.

Институт денег в форме банков и других соответствующих учреждений, с одной стороны, способствует снижением транзакционных издержек частоте и чистоте функционирования фазы *обращения*, а с другой — позволяет в больших масштабах аккумулировать капитал, обеспечивая его *концентрацию и централизацию*. И действительно, фетиш денег и банков в сознании, особенно сегодня, незаслуженно раздут, что создало условия для как бы (?) признанного сообществом перераспределения создаваемого продукта и стоимости, доля которых уже превысила половину мирового ВВП.

Кризис 1825 г. по преимуществу был английским кризисом, поразившим в основном торговую сферу и, следовательно, торговый капитал. Этот кризис подтолкнул рост капитала и рынков вширь и вглубь, распространяясь по всему миру. Принципиальны были отрицание этим кризисом кустарного и ремесленного производства и ограничение цеховых рамок.

Благодаря созданию паровозного двигателя, новым методам плавки стало активное финансирование железнодорожных путей.

Формируется *фондовый рынок* — в основном из акций железнодорожных компаний. Частной инициативе объективно не хватало средств — частного капитала, и поэтому этот феномен был обусловлен *новой ассоциативной формой* — *акционерной*. Так начиналось *спекулятивное движение*, которое продолжалось вплоть до 1846 г., когда в Великобритании снова разразился экономический кризис. Интересно заметить, что 19 июля 1846 г. Англия под руководством Пиза приняла Акт о чартере Банка Англии, который представлял собой триумф денежной школы Д. Рикардо. Согласно этому Акту, запрещался выпуск банкнот, не обеспеченных золотом на 100%. Однако эти запреты не распространялись на депозиты и кредиты, объемы которых увеличились где-то в пять раз, что усилило спекуляции, проявившиеся в кризисе 1847 г. Но его положительными сторонами были развитие отраслей горнодобывающей промышленности, железнодорожного строительства, *рост компаний, производящих капитальные блага, а также освоение капиталом новых территорий и сфер деятельности*.

Но день 22 августа 1857 г. стал настоящим днем паники в Нью-Йорке, когда многие банки приостановили свои операции. *Это был первый мировой кризис на базе промышленного капитала*. Он поразил стихийные и хаотичные формы рыночных отношений, потребовал более устойчивых экономических форм. Этот кризис существенно ослабил и авторитет, и научную славу А. Смита и Д. Рикардо. Ведь последние предсказывали стихийным рыночным экономическим формам абсолютно бескризисное развитие. Этот кризис обострил не только экономические, но и социально-нравственные противоречия. В традиционную идеологию того периода медленно, но настойчиво внедряется идеология пролетариата с ее элементами критики капитала, справедливости и стабильности, революционной борьбы. Но этот кризис вызвал к развитию строительство, промежуточных процессов производства, укрепление и *централизацию банковского капитала*, хотя некоторым банкам пришлось закрыться и потерять свою коммерческую самостоятельность. Вышедшие из кризиса укрепленные за счет промышленного капитала банки активизировали спекулятивные операции с акциями железных дорог, строительных компаний, сталелитейных фирм. В институциональном плане интересна категория *цены производства*, которая в отличие от стоимости через специфическую конкурентную борьбу сформировала «капиталистический коммунизм», выразив это через своеобразный

принцип поведения: «равновеликая прибыль на равновеликий капитал» (!).

И все-таки итог — кризис 1873 г. Он уже начался в США, а поводом, кроме всего, послужила Гражданская война, потребовавшая увеличения затрат на ее ведение. Примечательно, что Франция, которая воздержалась от кредитной экспансии, избежала этой паники и последовавшей за ней тяжелой депрессии. *Принципиальными результатами этого экономического кризиса* явились отрицание индивидуальных форм капитала и устойчивое влияние капитала *ассоциированного — акционерного*. Последний стал более организованным и контролируемым, более прозрачным для управления и контроля. Сформировались основные *сети транспорта*, использование телеграфа изменило и *ускорило систему банковских расчетов*, усилив одновременно возможности и масштабы спекуляций на фондовом рынке. Абсолютно непонятная для «нормальной теории» деятельность *бирж* стала символом или своеобразным «капиталистическим госпланом» для текущей оценки эффективности и ориентиром будущих инвестиций. Накопление знаний в области электричества и изобретение динамо-машины открыли новую сферу вложения капитала — *электроэнергетику*. Электростанции, телеграфно-телефонные станции, метро, судостроение и пр. выступили главными объектами капитальных вложений, которые организовывались с помощью акционерного капитала. Но недооценка возможностей частных потребителей и ограничение спроса снова подвели к кризису 1903—1907 гг.

Это уже был *кризис акционерного капитала*, который настоятельно требовал поиска иных, более прочных, хозяйственных связей. Выход из этой ситуации нашелся в *монополии* как главной политико-экономической форме, которая предопределила в различных видах своего существования мировое экономическое господство на целое столетие. Этот кризис больше всего поразил Россию и, по сути, послужил прологом революции 1905—1907 гг., изменив сознание миллионов людей. Факт *империализма* как новой и особой стадии развития капитализма с его существенно изменившимися классическими признаками свободы и конкуренции был зафиксирован в ряде теоретических работ, хотя поиск объяснения нового феномена монополий как главного объекта хозяйствования не прекратился по сей день. Конечно, монополия, возникнув, существенно изменила и хозяйственный мир в целом, и мир капитала, подчинив, а где-то и

поработив более мелкий бизнес. Но если ее отменить, то сам рынок и капитал просто умрут. Выйти из круга влияния *монопольной цены* как главного инструмента регулирования экономики сегодня стало вообще невозможно. Важно также подчеркнуть, что хозяйствование на основе монополий — это уже принципиально новый порядок отношений, где рынок носит *вспомогательный характер*.

Для выхода из этого кризиса появилось немало новых возможностей: изобретение радио, существенные практические достижения в области химии и нефтехимии, автомобиле- и станкостроение, разработка и производство самолетов. Революция 1917 г. в России, с одной стороны, отсекала часть рынков сбыта и источников сырья, а с другой — потребовала от остальных стран и капиталов интенсифицировать свою деятельность, чтобы избежать подобных возможных социальных потрясений и у себя в странах. Возникновение *монопольно-банковских союзов* значительно расширило возможности и силу по виду частного, но *по существу ассоциированного финансового капитала*. Конечно, банки, получившие поддержку крупных промышленных монополий, начали в нарушение всех ранее принятых правил и обязательств наращивать денежную массу. Ведь законы денежного обращения банки трактуют по-своему и в своих интересах. Например, М. Ротбард вычислил, что денежная масса США выросла с 37 млрд дол. в 1921 г. до 55 млрд дол. в январе 1929 г. Это совпадает и с теми оценками, которые сделали М. Фридмен и А. Шварц [11, 367]. Военная экспансия монополий и политика соответствующих стран наращивали экономическую мощь стран выпуском соответствующей милитаристской продукции и товаров для армии. *Принципиально же изменилось* на этот период соотношение доминант в политико-экономической системе — мира финансов и мира производительного капитала. Именно последние определяли политику и генерировали цикл.

Общим итогом такого развития периода трех десятилетий начала XX в. опять-таки явился кризис 1929—1933 гг. Но это уже был кризис мирового масштаба, поразивший с необычайной глубиной почти все индустриально развитые страны. По существу — это *кризис финансово-монополистических форм хозяйствования* и соответствующих производственных отношений. Конкретным поводом этого явилась попытка кредитной экспансией удержать монопольно высокие цены, обеспечив при этом необходимый сбыт продукции. Но не только. Интересно еще и то, что этот кризис

абсолютно не подтвердил прогнозы известных ученых — Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви.

На тот период профессор И. Фишер¹³ был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [12, 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. А самым разрушительным был вторник 29 октября, когда продавались 33 млн акций, и рынок упал еще на 49 пунктов. Между 1929 и 1932 гг. из 24000 банков более 5000 разорились. Валовые инвестиции сократились с 15 млрд дол. в 1929 г. до 1 млрд дол. в 1932 г. Безработица в США в 1933 г. охватила около 27% активного населения страны. Число банкротств банков и предприятий (особенно малых и средних) по сравнению с кризисом 1907 г. выросло в десятки раз. Разорившиеся банки привели к «экспроприации» (!) вкладов миллионов вкладчиков и дали толчок к дальнейшей централизации капитала. Этот кризис был уже не только кредитным, но и валютным кризисом, *крушением золотого стандарта* почти во всех странах и обесценением их национальных валют. Возникли блоки — «стерлинговый», объединивший Англию и ее колонии, «долларовый», понятно, во главе с США, «золотой блок» стран, придерживающихся золотого стандарта (Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия, Чехословакия). Кульминационным пунктом кризиса явился отказ национальных государств от платежей по своим займам, т. е. банкротство государственных финансов. Существенно нарушилась и система международного кредита и расчетов, поскольку активизация международных экономических отношений требовала устойчивого эквивалента, принимающего участие в товарообменных операциях. Итак, *мировой экономический кризис 1929—1933 гг.* насильственно отверг прежние экономические формы — монополии (промышленные, банковские, промышленно-финансовые группы) — и потребовал новую, которая бы уже на общественном уровне обеспечивала

¹³ В этом кризисе И. Фишер потерял все свои личные сбережения, которые он накопил на разработке калькулятора. Но самое страшное было то, что его ошибки в прогнозах нанесли сокрушительный удар по его академической репутации. Обычно из учебных книг читатели узнают его лишь как автора известного «закона денежного обращения Фишера», хотя у Маркса этот закон значительно богаче, да и высказан значительно раньше.

снижение остроты конфликтов и разрушительных стихийно-рыночных сил от кризисов, иных противоречий. Такой новой политико-экономической формой выступил *государственно-монополистический капитализм, или ГМК (ГКК — государственно-корпоративный капитализм, если использовать нейтральную терминологию)*.

Сильные политические рычаги государства, дополненные финансовой мощью, сориентировали экономику почти всех стран мира на военные заказы. Возникли и фашистские диктаторские режимы в Европе, которые развитием экономики в этом милитаристском направлении снимают социальное напряжение в своих странах, чем усиливают свою власть и личные амбиции политических лидеров. Конечно, следствием этого является определение иных горизонтов по поиску новых источников сырья, рынков сбыта, дешевой рабочей силы. Поэтому Вторая мировая война явилась естественным продолжением общего кризиса рыночной цивилизации, с одной стороны, а с другой — формой разрешения этого кризиса. К сожалению, данные о накоплении частных монополий в период этой войны мало публикуются по понятным причинам, но даже из официальной статистики можно увидеть, что американский и немецкий капиталы на этом «проекте века» получили баснословные прибыли. И дело здесь вовсе не в лидерах, имперские качества личностей которых часто называют в качестве причины этой войны. Эти политики, если даже бегло взглянуть на историю их карьеры, явились естественным и удобным орудием большой закулисной игры уже на мировой орбите отношений. В результате оформился новый экономический порядок, когда идеи традиционного классического либерализма были заменены *государственным империализмом*, основанном на монопольно-банковском союзе, или *финансовом капитале*.

Таким образом, принципиальными изменениями периода ГМК явились *новая экономическая идеология* в мире, иные инструменты регулирования (прогнозирование и индикативное планирование), новая валюта (1944 г., Бреттон-Вуд). *Конкуренция смещается из экономической сферы в область территориально-политическую, ориентируя на передел рынков и территорий*. Снова началась подготовка к войне, ведь кроме всего прочего военные заказы обеспечивают суперприбыли, которые никак не вписываются ни в одну теорию рынка. С завершением Второй мировой войны *капиталистическое хозяйство* оформилось в систему, равно как и

социалистические страны приобрели свой новый качественный статус и влияние в мире. Этот факт трудно отрицать. *Историческим фактом* является и то, что начинается новая волна национально-освободительных революций в развивающихся странах, разрушивших *колониально-политические и военные формы* извлечения доходов индустриально-развитыми странами. И никаких равных рыночных отношений, воспеваемых неоклассиками, между колониями и метрополиями никогда не существовало. На этот факт дешевого сырья и рабочей силы, а также дополнительный рынок сбыта потребительских товаров по завышенным ценам просто не обращается внимание. В 1933 г. хлопок составлял почти 85% экспорта Египта уже в США, в 1955 г. джут и хлопок составляли 75% экспорта Чили, 91% экспорта Цейлона составляли чай, каучук, кокосовый орех и пр.

Государственные инвестиции и государственное потребление, поддержанное, безусловно, банковским кредитованием, «разогнали» экономику ведущих и «ведомых» стран¹⁴. Для этого возникла и новая технико-технологическая основа: в 1935 г. изобретают нейлон, автомобиле- и авиастроение замыкают формирование *транспортной сети*, которая необходима для физического перемещения капиталов и услуг. В 1946 г. изобретают компьютер, положивший начало *новой сети* — *информационной*, модифицировавшей почти все виды технологий производства и существенным образом изменившей финансово-денежную систему. *Экономическое пространство* уже больше не могло являться преградой для так называемых экономических операций, а понятие «инвестиции» утратило свой первоначальный воспроизводственный смысл.

Через кредитование финансово-банковские структуры пытаются стимулировать деятельность бирж как *основных посредников* между производительным и спекулятивным капиталами. *Парадокс заключается в следующем: кредиты выдавались и выдаются банками для поддержания курса акций, где последние, не имея никакой, кроме фиктивной, ценности, выступают гарантом платежеспособности.* «Прибыли фондовой биржи, — пишет Ф. Хайек, — заработанные в период повышения стоимости капитала в денежном выражении,

¹⁴ В эти годы формируется новое «общество массового потребления», которое встраивается в общую экономическую идеологию рыночной цивилизации, функционирующей на американской основе социально-политических ценностей (Дж.К. Гэлбрейт).

которые не соответствуют пропорциональному увеличению капитала сверх объема, требуемого для воспроизведения эквивалента текущего дохода, и не являются доходом (выделено нами. — П.Л.), а также их использование для потребления, могут привести к разрушению капитала» [13, 83—134]. Поэтому фиктивный капитал, помноженный на фиктивные прибыли, инициируемые государственным империализмом, породили очередной мировой экономический кризис 1974—1975 гг. Но это уже качественно новый кризис — это кризис государственного монополистической стадии эволюции капитала. Начинается абсолютно новая волна либерального движения, которая потеряла, по существу, связь со «старым» классическим либерализмом, в котором все атрибуты свободы и институциональные нормы поведения связывались с производительным капиталом. С этого времени категория «капитал» приобретает достаточно размытый смысл, а понятие «капиталист» вымывается из естественного культурного и экономического оборотов. «Предприниматель», «бизнесмен», «деловой человек», «принципал» и пр. — вот новые носители экономических отношений. Уже неважно, что ты произвел или «сотворил», но важно, чтобы ты достиг финансового успеха. Здесь произошел еще больший отрыв от норм экономической этики А. Смита. Новая экономическая этика отношений потребовала и исключения из норм общения категории «наемный рабочий», которая заменяется понятием «экономический агент». Проповедуется равенство всех возможностями финансовой игры на... бирже. Правда, открытым все-таки остается вопрос: а кто все же является организатором этой казиекономики и кто составляет эти правила игры, в которых основное правило — кто первым начинает, тот и выигрывает? С этого времени начинается и совершенно новая эпоха в эволюции (мы специально не говорим — развития) экономической науки, ибо в рамках мейнстрима акцент с главной эвристической функции смещается к идеолого-психологической как главной и наиболее значимой для общественного мнения, имеющего фундаментальное значение именно для финансового сектора.

После кризиса 1974—1975 гг., таким образом, идет интенсивный процесс отрицания индивидуально-национально-капиталистических экономических форм и активизации развития форм международных и транснациональных корпораций. Международные связи и отношения монополий усилились необычайно на всех уровнях и во всех регионах мира, а их роль в мировой политико-экономической системе также

неизмеримо возросла. И хотя статистике в силу крайней запутанности организационно-правовых форм международного бизнеса необычайно сложно объективно отразить численность и *политико-экономическую силу* международных монополий и ТНК, все же вряд ли кто-то будет отрицать почти абсолютную 100%-ную *контролируемость* (!) ими финансово-денежных трансакций мира, доминирующих технологий и энергоресурсов, более чем 90%-й оборот международной торговли, а также факт принадлежности около 80% активов и продукции промышленного производства, 70% используемой совокупной рабочей силы предприятиями, доля которых составляет примерно 0,1% их общего количества. К сожалению, ни микро-, ни макроэкономическая теории не дают качественного анализа кризисов, их движущих сил и превращений, ведущих к новому качеству и дающих возможность социально-экономических прогнозов развития. По этому вопросу занимающийся проблемами кризисов Р. Холл приходит к наиболее наглядному заключению: «Общепринятые модели (микро-, макроэкономики. — П.Л.) бесполезны для понимания этой рецессии (1990 г. — П.Л.), как и большинства ее предшественников» [14, 275—279].

Кризисы 1987 г. («черный понедельник» 19 октября 2012 г. на Нью-Йорской фондовой бирже, давший старт краху фондовым рынкам Японии, Англии), а также 1991, 1998 гг., с одной стороны, углубили разрушения национальных форм капитала, валюты, национальных рынков, воспроизводственных систем, ослабили влияние национальных институтов, а с другой — методом «проб и ошибок» создавали условия и формировали сложный и... почти никем не контролируемый *глобальный капитал*. Кризис и распад социалистической системы хозяйствования в конце 1980-х — начале 1990-х гг., с одной стороны, снял остроту назревших противоречий капитала, что легко доказывается статистикой, а с другой — расширил экономическое пространство и социальную базу для своего функционирования. В-третьих, и это, пожалуй, важнее всего, глобальный капитал выиграл сражение в конкуренции с социализмом, чем получил моральную индульгенцию на все те неблагоприятные поступки, которые он начал совершать и которые сегодня начинают вызывать осуждение общественности — и не только со стороны антиглобалистов. Но именно со времени сдачи своих позиций странами, которые сегодня получили название постсоциалистических, начали говорить о глобализации как закономерном и объективном

явлении. Но чей это проект, какой планируется результат, каков механизм его работы? Эти и многие другие вопросы еще не созрели для того, чтобы на них были получены принимаемые сообществом ответы.

О глобализации писали немало, но почему-то в этом процессе не представили самого главного — *глобального капитала* как системообразующей количественной и качественной *субстанции*. С нашей точки зрения, такой субстанцией современного мирового хозяйства, мир-экономики, а следовательно, и глобального капитала является не стоимость, не ценность, не деньги, не материальные активы и даже не финансы. Все эти компоненты уже не имеют решающего значения, ибо они лишь обслуживают функционирование глобального капитала мир-экономики в рамках традиционных форм остальных капиталов, а *институциональная ценность*. Это в высшей степени субъективированная категория подобна бренду товара, но она широко выходит на уровень формирования социально-политических и нравственно-этических и других норм и правил, которые *формируют* современное мирохозяйственное сообщество и *регламентируют* поведение не только субъектов хозяйствования, но и политических акторов стран, потребителей и пр. В ней заложены и основания перехода не просто к неоиндустриальному этапу, а к тому, который имеет перспективную технологическую основу с ее политико-экономическими формами сопровождения. Это основание проявляется в следующем: это четкая и жесткая стратегия, направленная на научно-техническое развитие.

Дж. Стиглиц пишет: «Глобализация экономики оказалась выгодной странам, которые ею воспользовались для выхода со своим экспортом на новые рынки и обеспечили условия для притока иностранных инвестиций... Но даже если это так, странами, получившими наибольшие выгоды, оказались те страны, которые взяли свою судьбу в собственные руки и осознали роль, которую государство может сыграть в развитии, вместо того, чтобы положиться на саморегулирующийся рынок, который выдвигает свои собственные проблемы. Но есть еще миллионы людей, на благо которых глобализация не сработала. Многие из них стали жить хуже, поскольку их рабочие места ликвидированы, а их жизнь стала менее безопасной. Они видят, что их демократии подорваны, а культуры подверглись эрозии. ...Глобализация не только не будет способствовать развитию, но и будет продолжать создавать бедность и нестабильность» [15, 285].

«... Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются... Идеология рыночного фундаментализма... глубоко и безнадежно ошибочна. Именно рыночный фундаментализм, — отмечает Дж. Сорос, — сделал систему мирового капитализма ненадежной, ибо он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и, в конечном счете, могут привести к падению мировой системы капитализма» [16, XVII, XXIII]. А если учесть, что в современной мир-экономике лишь 2% из всех транзакций приходится на транзакции по реальным товарным операциям, а остальные приходятся на спекулятивные «делки» (!), то как никогда будут понятны слова Дж.М. Кейнса, высказанные на заре формирования монополистического капитала с его устремлениями извлекать монопольные прибыли: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, — пишет Дж. Кейнс, — трудно ожидать хороших результатов» [17, 224]. Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся сегодня по преимуществу производством (!) транзакционных издержек для извлечения *глобальной ренты*. Эта подозрительность существенно изменила отношения как между странами, так и внутри них, усилив неопределенность, риск, а также поставив под сомнение демократические ценности и права той же частной (!) собственности — основу капитала, за которую уже борется непросвещенный средний класс.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях, основательно обособились от стран, производящих реальные блага. В свою очередь эти последние обособились от стран, поставляющих на мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI в. сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу мировой рынок — это *монополизированный рынок* без конкурентов. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники, контролируют почти

столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90% высокотехнологичного производства.

Произошло *усиление разрыва* не только между богатыми и бедными, но и между богатыми и бедными странами в целом. На конец XX в. на 20% мирового населения богатейших стран приходилось 86% мирового валового продукта, на низшую пятую часть — лишь 1%. Постиндустриальные страны также лидируют по масштабам загрязнения окружающей среды, хотя их доля в мировом ВВП и населении значительно меньше этой величины. Сложилась ситуация, когда жить так, как расточительно живут богатые страны, ни сегодня, ни в будущем будет невозможно. Ватикан это назвал следующим смертным грехом... Поэтому *вне процессов глобализации* остается более 2 млрд жителей мира, доходы которых обеспечивают лишь минимальные возможности физического существования. И это вызывает протест в совершенно различных формах и совершенно разных людей по своему социальному статусу, доходам, образовательному уровню и пр. Налицо острейший *институциональный конфликт* современной мир-системы, в основе функционирования которой лежит глобальный капитал — создана *антиэкономика*, утерявшая первоначальный свой смысл — человеческой деятельности, равно как и классические либеральные традиции. И если имущественное неравенство, вскрытое Марксом, сегодня сглажено и заретушировано разного рода теориями, то *информационно-статусное неравенство*, к тому же осознанно культивируемое, практически полностью исключает демократические принципы человеческого общения, свободу выбора и поведения. И это создает крайне серьезную угрозу западной цивилизации с ее ценностями. Американский психолог А. Маслоу так характеризует тип современного западного человека: «Каждый век, кроме нашего, имел свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой — святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, — хорошо приспособленный человек — это очень бледная и сомнительная замена». Средний американец, как вытекает далее из его оценки, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще ничему [18, 388].

Таким образом, *рентная мотивация* — это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и

изъятия которой сложен и мало изучен [19, 3—21]. Но сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки — и не только финансовые, но и товарные — рынок физических активов капитала и труда, рынок идей и пр. — утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, которые выработал еще А. Смит. По сути, *это было главное завоевание капитала*, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, таким образом, формировало *условия для развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы — обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал за счет экономической деятельности и соответствующей добавленной стоимости. Рента глобального капитала заменила прибыль капитала промышленного. И между ними существует весьма острое противоречие. Поэтому ее часть должна «отрезаться» на уровне рентабельности отраслей, обеспечивающих научно-техническое развитие, и отправляться даже не в госбюджет, а в специальный национальный фонд развития.

К тому же современный рынок высокотехнологичной продукции — это весьма монополизированная и жесткая властная структура, регламентируемая уже даже не ведущими известными странами. В настоящее время распространение и движение высоких технологий строго контролируются ТНК. Никто также не отменял действие института КОКОМ (Комитет по контролю за экспортом высоких технологий) в проблемных странах. Создаются также на паритетных началах международные стратегические альянсы (МСА), которые состоят из крупных компаний из различных стран, объединенных, хотя и разрозненными, но взаимосвязанными технологиями и стратегическими целями.

А вот как можно объяснить практическую роль нашей банковской системы в решении инновационных задач и стратегий, где ставки по кредитам уже превышают 100%? «Процент по кредитам на нововведения — это часть предпринимательской прибыли, она — его источник, он представляет собой обособившуюся часть ее... Банкир и предприниматель, — пишет один из популярнейший авторов по

инновациям Й.А. Шумпетер, — делят между собой эту получаемую в производстве прибыль (или убытки, т. е. невозвратность кредита)... Процент не является, подобно предпринимательской прибыли, самостоятельным продуктом развития, понимаемым как своего рода премия за определенные успехи... Он, скорее, *тормоз развития, некая разновидность «налога на предпринимательскую прибыль* (курсив наш. — П.Л.)» [20, 311, 381].

Но экономическая и социальная несправедливость заключается еще и в том, что в случае неуспеха инновационного проекта, как мы писали ранее, нововведения имеют весьма высокий коммерческий риск особенно сегодня, банки главную экономическую вину возлагают на рискнувшее предприятие или автора ученого-разработчика, которые несут ответственность перед банками своим имуществом и своим авторитетом. Это означает, что миф о рынке как инновационной форме нуждается в серьезном научном расщеплении и адаптации к существующим реальностям стратегии не *модернизации, а социально-политического и технико-экономического развития*. Это все-таки другая стратегия. Ведь парадокс очевиден: экономика в аристотелевском понимании породила *антиэкономику*, направленную в глобальных процессах против человека и его социально-культурной основы и широкой хозяйственной деятельности в целом. Сформировалась новация в виде *метакапитала*. Он явился следствием глубокой интеграции *финансового капитала*, организованного *капитал-интеллекта* в виде отдельных научных учреждений и СМИ, и *капитал-института*, сросшегося с рядом государственных институтов. Следствием этого явилось то, что *законы права и политики, олицетворяющие реализацию далеких от национально-государственных интересов целей, подавили и узурпировали экономические законы страны*. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы *захватить старые надежные предприятия*» (курсив наш. — П.Л.) [21, 55]. Речь идет в данном случае о механизме политико-экономического влияния и захвата метакапиталом капитала производительного, вынужденного

играть по правилам *симуляции инновационной активности*. В реальности такие отношения инновационного симулякра приводят к *архаизации производства* в глобальном масштабе и, конечно, в отдельных странах.

Воспроизводственный подход к современной экономике позволяет выделить *новую норму*, регламентирующую не только поведение хозяйствующих субъектов, но и предающую *целостность современной экономической системе* — *среднюю норму прибыли высокотехнологичных отраслей*. Эта норма прибыли является следствием межотраслевой конкуренции и нормативом, базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким нормативом была средняя норма прибыли промышленного капитала. Этот последний на тот период был ведущим видом капитала, объединявшем силу техники, организации и денег. Поэтому тезис «равновеликая прибыль на равновеликий капитал» был нравствен и экономически оправдан. Замена же общественного ориентира свидетельствует, что не ставка банковского процента является экономическим регулятором, а *рентабельность инновационных отраслей*. Иначе говоря, ставки рефинансирования, которыми пытаются регулировать разнородную экономическую систему, в конечном итоге дают возможность всегда начинать и «выигрывать» самому мощному, но все же посреднику — банковскому капиталу. А если учесть, что последний по своим размерам, проводимой процентной, организационной политике и социально-экономической зрелости находится на уровне *философии малого бизнеса*, то вполне объяснимы его неустойчивость и ростовщическая направленность.

К тому же названную выше *норму* — *норму прибыли высокотехнологичных отраслей* — следует, если привязаться к экономической практике, ввести в качестве прогнозного, а лучше планового социально-экономического показателя. Это будет действительно рыночный показатель, и именно он определяет будущее и текущее «здоровье» социально-экономической системы страны. Если же он ниже банковского процента и, тем более, ниже рентабельности в промышленности, то кто же найдется, чтобы вкладывать в эти научно-инновационные отрасли деньги и кто будет заниматься титанически сложной и неизвестной научно-исследовательской деятельностью, разработкой новой техники и

технологий? Проблема формирования научно-технических кадров во многих странах, и Белоруссия, к сожалению, здесь не является исключением, подтвердит высказанный выше тезис. А технологии — это, прежде всего, знания и умения. Нет знаний, нет технологий и нет стратегически перспективных инноваций. Управление же подготовкой кадров высшей квалификации посредством *стандартов* еще больше снижает научно-технический потенциал развития страны. Но такую стратегию диктует рынок, ибо *обмен*, а следовательно, и прибыль зависят от скорости и массы реализованной продукции. К тому же такая «массовость» подготовки кадров значительно дешевле и проще, что *выгодно образовательным учреждениям как коммерческим фирмам*. Всеобщая «стандартизация» и «тестизация» достигают цели контроля не знаний, понимания и предвидения школьников или студентов, а *узнавания* в подсказанных ответах уже существующих, часто просто устаревших сведений. Стандарты и тесты никак не приводят к генерации нового знания, что крайне необходимо для реализации поставленных задач повышения конкурентоспособности экономики через инновационную стратегию. Качество же системы менеджмента в вузах вообще любую инициативу доведет до полного завершения и исчезновения.

Таким образом, в процессе своей эволюции «экономика рынков» (термин М. Алле) создала очень серьезные разрушительные силы и *антиинновационные тенденции*. Отвергать данное — значит не видеть в сложившейся современной экономике никаких изъянов — это во-первых. Во-вторых, рынок как институт охватывает в позитивном ключе влияния лишь определенную сферу, поскольку далеко не все отрасли и позиции общественного развития прямо и непосредственно реагируют на денежно-прибыльную мотивацию и предпочтения. Даже беглый взгляд на историю показывает, что деньги есть далеко не время, а время — не деньги, а вся жизнь. Поэтому Т. Веблен о противоречии производственных и денежных сфер заметил следующее: «Денежная деловитость в целом не совместима с производственной эффективностью» [22, 158].

Итак, идеи по *стратегическому развитию стран* сегодня выходят за рыночную идеологию, обеспечивающую интерес *праздного класса, который заручился поддержкой такого сильного института, как государство*. Сделано это незаметно, а институт науки, к сожалению, в силу естественных человеческих слабостей покровительствует своей работой либо богатым, либо сильным. Научная истина вышла из

разряда эвристических целей. Р. Ауман (вместе с Т. Шеллингом) за эту попытку обоснования компромисса в науке между различными теориями в 2004 г. получил даже Нобелевскую премию. По его мнению, главное в теории — даже не ее истинность, а ее полезность. Полезность кому? Поэтому сегодня даже если что и есть в научном плане стремящееся к освещению истины, то оно не воспринимается внутренним метаинститутом — государством, слугами, его представляющими и, естественно, имеющими жестко коммерческое начало, слабым малым и средним бизнесом и даже самими учеными, у которых исчезли корпоративное начало и гражданская ответственность. Безусловно, это создало путаницу в головах всего населения и требование «жить по понятиям» здравого смысла тех, кто заботится только о собственном эгоистическом интересе. Не зря царящий хаос и неопределенность признаны «естественным порядком» современного общества и экономики (И. Пригожин). Но в любом случае *социально-экономические законы* проявят и проявляют в период кризисов себя с естественной необходимостью, жесткостью, а эффективность научно-технической стратегии определяется выверенной и согласованной политикой *державного интереса с интересами крупных корпораций и уже затем дополненных мотивами и запросами малого и среднего бизнеса. Мир-экономика* сегодня представляет собой *многоукладную систему*, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный бизнес фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени *глобальный капитал*, который и задавал правила, нормы поведения всей мир-системе, ее циклы и траекторию, основанные уже на рентных отношениях, которые противоречат экономике рынков капитала. Требуются новые нормы согласования интересов — не просто бизнес-субъектов, которые лишь извлекают доход через транзакционные издержки.

Общим же знаменателем этого *согласованного интереса*, как бы странным это ни казалось, является труд. И не просто труд, а доминирующая в многоукладной экономике научно-техническая и информационная деятельность во всех сферах политико-экономического пространства, носителем которой является квалифицированный и мотивированный в этой деятельности человек. Нобелевский лауреат Э. Прескотт, исследуя макроэкономическую

динамику и условия, ее изменяющие, пишет: «...На две трети циклические колебания деловой активности обусловлены изменениями затрат труда, на одну треть — изменением общей производительности факторов производства и практически не обусловлены изменениями капитальных затрат» [23, 369]. Это означает, что надо извлечь «из архивов» для современного политико-экономического анализа забытую по идеологическим мотивам (скажем так) и вследствие далеко не партнерского поведения современного капитала «трудовую теорию стоимости» и все последующие категории. «Вопреки учебникам в капиталистической действительности преобладающее значение имеет другая конкуренция, — писал Й.А. Шумпетер, — основанная на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации» [8, 128].

Сегодня эта сложная пирамида современной многоукладной экономики серьезно закачалась, в том числе и под влиянием кризиса. Экономисты, поддерживая свое корпоративное реноме, анализируют некое равновесие. Когда случается кризис — удивляются. Но надо видеть реальность: экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигая явно плохого равновесия, когда обеспечиваются лишь интересы узкого класса квазикапиталистов. «Хорошее» же равновесие не запрашивается, потому что его никогда не предлагали по причине неизвестности, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих. Нет и соответствующих политических институтов, которые бы сохранили свои гражданские позиции и интересы людей, генерирующих и развивающих новый доминирующий уклад. Равновесие на новой основе актуально, но это должно быть институционально-социальное равновесие, дополненное нормативными оценками хотя бы условной гармонии и справедливости.

Литература

1. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
2. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
3. *Хикс Дж.* Теория экономической истории. М., 2006.

4. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. М., 2005.
5. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
6. *Сухотин А.К.* Превратности научных идей. М., 1991.
7. *Мэнсфилд Э.* Экономика научно-технического прогресса. М., 1970.
8. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
9. *Кинг У., Клланд Д.* Стратегическая политика и хозяйственная политика. М., 1982.
10. *Лемещенко П.С.* «Усталость рынка», или антиинновационные тенденции институциональной архитектуры современной хозяйственной системы // Философия хозяйства. 2011. № 3.
11. *Уэрто де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.
12. *Anderson V.M.* Economics and the Public Welfare. Indianapolis, 1979.
13. *Hayek F.A.* The Maintenance of Capital // *Economica*. 1934. August. Ch. 3.
14. *Hall R.* Macrotheory and the Recession off 1990—1991 // *American Economic Review*. 1993. May.
15. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
16. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
17. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
18. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
19. *Лемещенко П.С.* Социально-институциональная природа современного финансового кризиса // *Социология*. Мн., 2009. № 1.
20. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.
21. *Кругман П.* Великая ложь. М., 2004.
22. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
23. *Прескотт Э.* Трансформация макроэкономической политики и исследований // *Эковест*. 2006. Вып. 5. № 3.

В.М. КУЛЬКОВ

Постреформизм и трансформация в экономике России

Аннотация. Анализируются истоки и содержание постреформизма, его соотношение с процессами трансформации, модернизации и формирования национальной модели экономики.

Ключевые слова: постреформизм, трансформация, модернизация, национальная модель экономики.

Abstract. In this article, the origins and content of post-reformism, its relationship to the transition process, modernization, and formation of a national economic model are examined.

Keywords: post-reformism, transition, modernization, national economic model.

Истоки российского постреформизма

С начала экономических преобразований в России прошло более двух десятилетий. В этих условиях правомерен вопрос об исторических границах переходного периода и о позиционировании в них сложившейся в стране экономики. При утвердительном ответе на поставленный вопрос обычно принимаются во внимание следующие факты: наличие основных элементов рыночной экономики, рыночных институтов, рыночного поведения субъектов; получение Россией статуса «страны с рыночной экономикой», недавно подкрепленное ее вступлением в ВТО; положительная (на протяжении более десятилетия, исключая кратковременный кризисный спад) макроэкономическая динамика, выход на дореформенный уровень объема ВВП, ряда других показателей и даже его частичное превышение; сама по себе продолжительность периода (более 20 лет).

Однако в данном вопросе следует руководствоваться более существенными критериями. Главное — состоялся ли выход страны на качественно новые позитивные рубежи (технологические, социально-экономические и иные) в результате трансформационных усилий. И тогда во внимание следует принять следующее: сложившиеся рыночные элементы во многом являются еще неразвитыми и деформированными; сохраняются мотивы к изменению целого ряда институтов (прежде всего, институтов социального, финансового, структурно-отраслевого, инновационного характера); «рыночный статус» России соседствует с ее отнесением к группе стран «со

становящимся (или развивающимся) рынком» (в частности, по классификации МВФ); экономический рост в России в 2000-е гг. не являлся качественным и устойчивым, не сопровождался глубокими технологическими и структурными сдвигами, а последний кризис выявил хрупкость и уязвимость национальной экономики. Все указанные характеристики свидетельствуют о незавершенности трансформации экономики.

По сути, можно говорить лишь о формальном завершении преобразовательного этапа трансформации экономики России, в результате которого были сформированы (хотя в сильно деформированном виде) начальные основы рыночной экономики. Этот этап охватывает преимущественно 1990-е гг. Коррекция экономического курса в 2000-е гг., сопровождавшаяся снижением уровня ряда накопившихся деформаций и переломом макроэкономической динамики в условиях выгодной внешнеэкономической конъюнктуры и политической стабильности, однако, не стала качественным поворотом. Провозглашенные в последние годы модернизационные намерения, во-первых, столкнулись с возникшими кризисными явлениями, а во-вторых, пока не воплотились в заметные конкретные шаги.

Переход к рыночной экономике должен быть одновременно и периодом модернизации, выводящей страну на новый технологический уровень, и периодом становления эффективной национальной модели экономики. В противном случае этот переход не может быть квалифицирован как полноценный и конструктивный. Ни то, ни другое в России до сих пор не реализовано.

Что же такое в этих условиях «постреформизм» как состоявшееся явление? — Это отражение современного реального состояния экономики России, в котором трансформация оказалась оторванной от модернизации и конструктивной национальной экономической модели. По сути, это свидетельство необходимости нового перехода — перехода по двум указанным ориентирам. Получается так: если в трансформацию включить названные ориентиры, то необходим переход к новому, заключительному этапу трансформации (переходный период в России не завершился: закончился лишь его преобразовательный этап); если же трансформацию отождествлять только с периодом преобразований, то необходим посттрансформационный (постреформационный) период, реализующий другие, более конструктивные задачи. Таким образом,

понимание содержания и исторического места постреформизма находится в зависимости от содержательного наполнения понятия «трансформация». Рассмотрим теперь более конкретные соотношения.

Постреформизм и модернизация

Российская модернизация, провозглашенная несколько лет назад в качестве стратегического курса, может считаться новым крупным историческим этапом российской экономики (в данном случае все равно — этапом трансформации или постреформационным этапом). В любом случае этап модернизации выглядит как новое необходимое звено.

Указанная последовательность, во-первых, отражает реалии исторического процесса в новой России, а во-вторых, фиксирует необходимость перехода к модернизации — и с этой точки зрения может быть принята. Однако она не может считаться идеальной и неизбежной. Альтернативный путь, который не был реализован в России, имел иную логику. Трансформация экономических отношений, начавшаяся в 1990-гг., должна была с самого начала исходить из необходимости ее совмещения с модернизацией. Между тем с самого начала преобразований возобладали «рыночный детерминизм», когда трансформация экономики стала рассматриваться как достаточное условие модернизации и, по сути, приобрела самодовлеющее значение. В итоге в России получилась трансформация без модернизации.

Изначальный отрыв трансформации от модернизации стал важнейшей причиной накопившихся в российской экономике проблем. Историческое место экономической модернизации в России можно в итоге определить следующим образом.

Во-первых, российская модернизация вынуждена выполнять задачи, не решенные на предыдущих этапах. Она должна окончательно вывести экономику как из трансформационного кризиса, не получившего полного разрешения в 1990-е гг., так и из воспроизводственного (циклического) кризиса, тянущегося из 1980-х гг. Положительная макродинамика 2000-х гг. как бы «купировала» указанные кризисы, перевела их в скрытую, латентную форму.

Во-вторых, модернизация, вынужденная учитывать всю специфику России, способна дать решающий импульс для завершения формирования национальной модели экономики.

В-третьих, только осуществление модернизации будет означать выход экономики на качественно новый уровень. В противном случае мы будем иметь масштабный «трансформационный застой», «стационарную переходную экономику».

Важный и жесткий вывод состоит в том, что модернизация российской экономики носит вынужденный характер. В условиях трансформации произошло резкое ослабление экономического потенциала страны, усилилось технологическое отставание от развитых стран. Все это несет серьезную угрозу национальной безопасности России, ставит под сомнение ее возможность обеспечить суверенное, независимое развитие, сохранить мировой статус и территориальную целостность. В этих условиях модернизация в России становится вопросом выживания. Такой вывод неизбежно предопределяет более узкий набор альтернатив и более узкие возможности маневра.

Одно из вытекающих из этого следствий выражается в ограниченных временных рамках проведения российской модернизации. Реальное положение таково, что оно требует осуществления технологического рывка и проведения структурной перестройки экономики в исторически сжатые сроки.

Важнейший пункт российской модернизации состоит в ее первоочередной нацеленности на качественные изменения производительных сил. Опасно «заболтать» модернизацию, свести ее к периферийным сферам. Российская экономика нуждается прежде всего в глубоком технологическом обновлении, в кардинальной перестройке структуры экономики, в формировании качественного «человеческого капитала», в обеспечении инновационного типа воспроизводства.

Отражая передовые мировые тенденции технологического развития, российская модернизация обязана включить в себя и постиндустриальные элементы. При этом опасно увлечься «голым» постиндустриализмом. Россия крайне нуждается в усилении индустриального базиса: при этом речь должна идти не о старомодном, а о новом индустриализме, учитывающем новые реалии и тенденции.

Для российской модернизации должны быть характерны также определенные социально-экономические черты.

Она нуждается в установлении такого способа экономической координации, для которого характерны более активная роль

государства, задействование инструментов модернизации «сверху». Основаниями этого служат крайне низкая инновационная деятельность частных компаний (включая и крупные), широкое компрадорство бизнеса, временные ограничения российской модернизации. Внешне привлекательные либерально-институциональные предложения по модернизации, в том числе нашедшие свое выражение в Стратегии — 2020, не учитывают всего комплекса национально-специфических факторов и особенностей формирования экономической среды в России.

Российская модернизация нуждается и в особой социальной форме. Ей необходима такая степень социальной ориентации, которая способствовала бы приобщению широких масс населения к сферам воспроизводства «человеческого капитала». Масштаб стоящих перед страной задач, исторический социальный опыт, острые демографические проблемы предопределяют необходимость социально-ориентированной, «народной» модернизации. Это решит и проблему поиска конкретного субъекта модернизации, которая упирается сегодня в крайнюю деформированность экономической и социальной среды в России.

Таким образом, модернизация экономики должна стать важнейшей характеристикой постреформизма в России.

Постреформизм и формирование адекватной национальной модели экономики

Кроме уже обозначенного модернизационного, нужно принять во внимание и другой важный критерий фиксации успеха трансформационных изменений — завершение формирования национальной экономической модели. Итогом преобразований должна быть не просто рыночная или смешанная экономика; итогом должна стать национальная экономическая модель, адекватная всему набору национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических; как внутренних, так и внешних), жизненно необходимым для России целям национального развития, национальным интересам, особенностям российской цивилизации, и при этом, понятно, она должна сопрягаться с прогрессивными линиями мирового развития. Национальная модель должна обеспечить органическое единство экономики, общества, цивилизации. Говорить о такой адекватности сейчас не приходится вследствие низкой

национальной адекватности самих экономических преобразований, причем с самого начала их проведения.

Возьмем вопрос о государстве. У нас до сих пор нет ясного представления о его роли в национальной экономике, выражением чего является постоянная смена приоритетов: от вроде бы наметившегося «госкапитализма» до второй волны приватизации. Но Россия в этом плане не просто специфична: у нее государство имеет глубокие основания. Это скрепляющий цивилизационный стержень, удар по которому имеет разрушительные для страны последствия. Именно поэтому, как бы не менялся социально-экономический строй в России, государство через потрясения все равно восстанавливало свою силу — а когда этого не случалось, в стране начинались разрушительные процессы (Смута начала XVII в., февраль 1917 г., рубеж 1980—1990-х гг.). Российские реформаторы исходили из другого представления о российском государстве, связывая его с рудиментами «азиатчины», наследием Средневековья, восточного способа производства, от которых надо быстрее освободиться. Также не хотели понимать они и того, какой отпечаток накладывает на экономику весь набор национально-специфических, во многом уникальных, факторов, которые объективно формируют в России менее либеральную среду, определяют специфическое соотношение рынка и государства, степень социальной ориентации экономики, определенную структуру хозяйства, тип национального воспроизводства.

Модернизация российской экономики должна быть сопряжена с институциональной спецификой общества, включая и систему ценностей. Опора на национально-духовные ценности не является тормозом модернизации: во-первых, последняя, напротив, получает естественную среду и не требует болезненной цивилизационной «ломки», а во-вторых, традиционные российские ценности, содержа в себе весомый творческий заряд, обладают большим инновационным потенциалом и создают возможность перспективного синтеза «проекта» и «почвы».

Исходя из объективных предпосылок и национальных целей, можно сформулировать наиболее важные идеальные черты российской модели рыночной (смешанной) экономики в их наиболее общем виде:

- суверенная крупномасштабная экономика, обладающая высокой самодостаточностью и способная обеспечить целостное

расширенное национальное воспроизводство и реализацию национальных интересов;

- более весомая роль государства по сравнению со «стандартными» рыночными экономиками;
- многообразие форм собственности, включая важную роль государственной собственности в стратегически важных сферах;
- высокая степень социальной ориентации экономики;
- активное использование социально-духовных аспектов в экономической жизни, включая стимулы творческой деятельности, моральные мотивы, высокую национальную ответственность;
- инновационная, диверсифицированная экономика;
- экономика с сильным постиндустриальным сектором во всех его проявлениях (технологическом, научно-образовательном, мотивационном и др.).

Обобщенно российская экономическая модель должна представлять собой такой тип современной смешанной экономики, для которого характерен суверенный, регулируемый, социально-ориентированный, духовно-ориентированный, постиндустриально-ориентированный, инновационный характер. В таком качестве она органично соединит российское своеобразие с общемировыми процессами.

Движение к такой модели должно стать важнейшей чертой подлинного постреформизма.

Общий вывод состоит в том, что постреформизм должен устранить возникший разрыв и синхронизировать процессы трансформации, модернизации и формирования национальной модели экономики.

М.Ю. ПАВЛОВ

Контурсы посткризисного мира: на пути к преодолению экономизма

Аннотация. Рыночная экономика непосредственно перед современным глобальным экономическим кризисом достигла своих пределов. Всё большую силу набирают процессы преодоления экономизма, демаркетизации и замены рыночных форм координации нерыночными – беспрецедентное нерыночное регулирование

государством и квазиобщественными институтами, соединение процессов производства и потребления, модель открытых инноваций, викиномика, дарономика.

Ключевые слова: экономизм, демаркетизация, экономический империализм, Федеральная резервная система (ФРС), викиномика, открытые инновации, дарономика.

Abstract. The market economy right before the contemporary global economic crisis reached its limits. Processes of overcoming of the ekonomizm, demarketization and replacement of market forms of coordination with the non-market forms – unprecedented non-market regulation by the state and quasipublic institutes, connection of processes of production and consumption, model of open innovations, wikinomics and daronomics gain the increasing strength nowadays.

Keywords: ekonomizm, demarketization, economic imperialism, Federal Reserve System, wikinomics, open innovations, daronomics.

Организаторы международной научной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 5—7 декабря 2012 г.) обозначили одну из важнейших проблем вырыва к развитию как «Зарвавшийся экономизм: триумф, кризис, преодоление». Именно такое название получила одна из секций названной конференции. И один из аспектов данной проблемы, а именно, преодоление экономизма, мне представляется целесообразным хотя бы тезисно раскрыть в данной статье.

Ю.М. Осипов дает следующее определение: «экономизм — феномен, означающий приоритет особого способа реализации хозяйства на основе обмена товарами и движения денег» [1, 258]. Господство товарно-денежных отношений — это характерный признак рыночной экономики, где товар, как объяснялось в учебниках политической экономии, это базовая клеточка капитализма, или, иначе, рыночной экономики.

Как и дорыночные системы, рыночная экономика в свое время прошла стадию генезиса, а затем заняла господствующее положение. Но что же будет дальше? На этот вопрос есть разные ответы: «экономиксисты» (термин М.Л. Хазина), неолибералы, считают, что рынок — высшая стадия развития, к которой должны стремиться все остальные способы реализации хозяйства. Особенно показательной можно назвать работу Ф. Фукуямы «Конец истории». Представители

классической политической экономии, напротив, считают, что рыночная экономика исторически ограничена.

По нашему мнению, рыночная экономика в 1990-х — начале 2000-х гг. достигла своей высшей точки развития. Рыночная экономика просто не может развиваться дальше. Ее максимальная экспансия состоялась и в пространстве (в частности, это во многих своих статьях убедительно показывает и доказывает М.Л. Хазин¹⁵), когда в мире просто не осталось более свободного пространства для проникновения рынка. Триумф неолиберальной модели глобализации как раз и означал распространение рыночного пространства на весь мир.

Максимальная экспансия рыночной экономики состоялась и во времени, причем особенно четко это показал современный долговой кризис, когда долги набирались не под реальное имущество, а всего лишь под возможность их возврата в будущем. Более того, рыночная экономика основательно залезла в ресурсы будущих поколений и оставила будущим поколениям огромную нагрузку в виде проблем радиоактивных отходов, мусорных свалок, загрязнения окружающей среды и деградации множества биогееоценозов. Окружающая среда продолжает ухудшаться. В частности, одна из самых авторитетных организаций в области оценки окружающей среды в мире — Всемирный фонд дикой природы (WWF) в своем докладе «Living Planet — 2010» («Живая планета — 2010») приводит данные, что в 2007 г. «экологический след превышал биоемкость Земли — фактически имеющуюся площадь, способную воспроизводить возобновляемые ресурсы и поглощать углекислый газ, — на 50%» [2]. Это означает, что для хозяйственной деятельности человечества в 2007 г. живой природе на Земле был необходим не один, а полтора года чтобы восстановить возобновляемые ресурсы и поглотить углекислый газ. Человечество, ведомое неолиберальной моделью, с каждым годом все больше отнимает ресурсы у будущих поколений.

Максимальная экспансия рыночной экономики состоялась и в виде ее моделей, структур, принципов и прочих идеологических составляющих. Экономический империализм (упрощенно говоря, когда заставляют мыслить прежде всего в терминах «выгодно — не выгодно») мощно проник в социальные науки, политику и даже в человеческие отношения. Дальше рыночной экономике расширяться просто некуда. Рынка стало слишком много. Изначально рынку

¹⁵ См. статьи на сайте worldcrisis.ru.

отводилось распределение только материальных благ, но он перешагнул эти границы и вторгся в чужие сферы, попытавшись встать над человеком (с конструкциями «человеческого капитала», «экономики семьи» и т. п.), над интеллектом (с концепцией «интеллектуального капитала»), над жизнью и над природой (с концепцией «восстановительной стоимости» природных ресурсов) и т. д. и т. п.

Парадоксально, но в результате жизнь множества людей стала выгодной, но очень некомфортной.

Но что же с рыночной экономикой будет дальше? Расширяться ей уже просто некуда. Соответственно остается только два вектора развития: удержание захваченных позиций и сжатие.

Рыночная экономика обречена именно на сжатие. Других вариантов развития у нее просто нет. В ней долгие годы набирали силу подводные течения, ослаблявшие ее могущество, отрицавшие ее принципы. Еще более полувека назад Дж.К. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» [3] анализировал техноструктуру как отрицание рыночных принципов. Появление феномена долгосрочных контрактов резко ограничило возможности действия рыночных сил. В контрактах проставляются цены покупки и продажи, а значит, несмотря на колебания спроса и предложения, цена сделки не меняется.

Экономизм тесно связан с «невидимой рукой». Обязательные условия работы «невидимой руки» рынка по А. Смиту [4]: 1) невмешательство государства в экономику; 2) недопущение монополий; 3) недопущение бедности; 4) соблюдение моральных добродетелей («нет» коррупции и насилию, войнам).

То, что принципы 2—4 в современном мире не соблюдаются, не нуждается в подтверждениях. Одним из последних оплотов «экономиксистов» был принцип под номером 1. Однако в странах с развитой рыночной экономикой наблюдается резкий рост нерыночного регулирования. Достаточно вспомнить программу США «План Полсона» (TARP), согласно которой «самая рыночная» страна беспрецедентно вбрасывала в экономику примерно 700 трлн дол., резко нарушая принципы конкуренции, банкротства и «отсева» неэффективных институтов. Но позднее, благодаря аудиту, выяснилось, что Федеральная резервная система (ФРС) США выдает беспроцентные займы на общую сумму 16 трлн дол. Сенатор США Берни Сандерс, обнародовавший результаты аудита ФРС, выложив их

на своей странице на официальном сайте Конгресса США, так высказался по этому поводу: «Социализм — для богатых и грубых, индивидуализм — для всех остальных» («This is a clear case of socialism for the rich and rugged, you're-on-your-own individualism for everyone else») [5; 6].

На рисунке 1 показаны масштабы нерыночного регулирования в США по сравнению с ВВП США. Государственный долг — это также некий симулякр обычного, операционного долга, принятого в практике рыночных отношений. В отличие от операционного, «нормального», долга, государственный долг вряд ли будет возвращен. Государства обслуживают долги, но вопрос о возврате «тела» долга даже не становится предметом более или менее масштабного обсуждения. Это напоминает практику нерыночного регулирования сельского хозяйства в СССР, когда появились «колхозы-миллионеры», задолжавшие государству миллионы рублей. Было совершенно очевидно, что эти долги колхозы вернуть не в состоянии, но эти колхозы были нужны для экономики, поэтому долги просто постепенно списывали. Нечто подобное мы наблюдаем и в настоящее время.

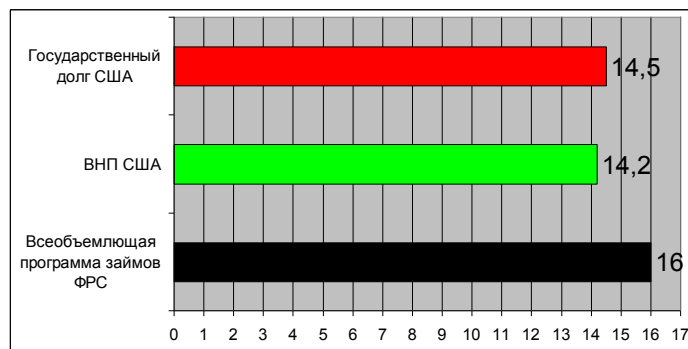

Рис. 1. Масштабы отказа от рыночного регулирования, трлн дол. [7, 8]

Помощь финансовым структурам прошла под лозунгом «Слишком большие, чтобы обанкротиться», который означает только одно — прямое отрицание принципов рыночного регулирования экономики.

Беспроцентные займы, выданные ФРС инвестиционным банкам с декабря 2007 г. по июнь 2010 г. (см.: [5; 6]): «Citigroup» — 2,5 трлн дол.; «Morgan Stanley» — 2,04 трлн; «Merrill Lynch» — 1,949 трлн; «Bank of America» — 1,344 трлн; «Barclays PLC» (Соединенное Королевство) — 868 млрд; «Bear Sterns» — 853 млрд; «Goldman Sachs» — 814 млрд; «Royal Bank of Scotland» (Соединенное Королевство) — 541 млрд; «JP Morgan Chase» — 391 млрд; «Deutsche Bank» (Германия) — 354 млрд; «Credit Suisse» (Швейцария) — 262 млрд; «UBS» (Швейцария) — 287 млрд; «Lehman Brothers» — 183 млрд; «Bank of Scotland» (Соединенное Королевство) — 181 млрд; «BNP Paribas» (Франция) — 175 млрд дол.

Такое решение по спасению крупных структур тем не менее считается рядом аналитиков обоснованным и даже вполне рациональным. Почему так происходит?

Сама экономика в последнее время заметно изменилась (генезис экономики, основанной на знаниях «Третьей волны», в терминах Э. Тоффлера [9]). В случае банкротства фирмы, ее интеллектуальные активы теряют от 30% до 90% своей стоимости, и даже более [10; 11, 175]. Нематериальные активы обесцениваются на уровне 2—10% ежемесячно, поскольку базы данных и списки почтовой рассылки, клиентские базы и технические «ноу-хау» имеют свойство очень быстро терять актуальность, в отличие от брендов и торговых марок [11, 38, 175].

Появляется такое явление, как «протребитель» («prosumer») (соединение производства и потребления) [9]. Поскольку при производстве «на заказ», характерном для современной экономики, каждый вариант исполнения индивидуален, кривые спроса и предложения построить просто нельзя — для этого просто недостаточно данных.

По мере развития НТП новые исследования и разработки требуют привлечения все больших ресурсов, что невозможно сделать даже в рамках целого государства или же целой МНК. Пример: большой адронный коллайдер. Разработка новых автомобилей, соответствующих всем требованиям, стала настолько дорогой, что сразу несколько корпораций-автомобилестроителей объединяют свои усилия. Новейшие технологии требуют колоссальных инвестиций, по образному выражению одного из аналитиков, «Нанотехнологии требуют мегаинвестиций». В результате новые разработки уже не могут осуществляться только в рамках индивидуализированных фирм,

как это было раньше, а требуют межстрановой и даже глобальной кооперации. Собираемый образ, отображающий организации новой эпохи: сетевые модели, свободное участие заинтересованных людей, предоставление другим людям доступа, открытость творчества и инноваций, совместную неотчужденную деятельность людей с общими интересами, Д. Тапскотт и Э. Уильямс назвали *викиномикой*. На смену конкуренции, характерной для индустриального общества, приходит эпоха массового сотрудничества и совместной деятельности. «Все активнее развивается новое искусство и наука сотрудничества — мы называем ее “викиномикой”» [12, 37]. Викиномика — это уникальная смесь из взаимодействия на равных, творческого моделирования и сотрудничества. Вот что пишут авторы «викиномики» о новой модели организации деятельности: «В прошлом сотрудничество носило локальный характер. Оно происходило между семьями, друзьями, соседями, участниками небольших сообществ, в том числе отделов на работе. Крайне редко такое сотрудничество носило массовый характер, и обычно это происходило в периоды всплесков политической активности... В наши дни все изменилось... Миллионы людей уже объединяют свои усилия в самоорганизующихся союзах, создающих динамичные новые продукты и услуги и бросающих тем самым вызов крупнейшим и богатейшим компаниям мира. Эти новые принципы лежат в основе суперсовременных проектов и организаций, среди которых “You tube”, “Linux”, “Wikipedia”, “NineSigma”, “MySpace”, “InnoCentive”, “Flickr”, “Second Life” и проекта “Геном человека”. Использование этих новых принципов позволило заметно повысить эффективность и конкурентоспособность таких традиционных корпораций, как “Boeing”, “BMW” и “Procter & Gamble”».

Книга Г. Чезборо «Открытые инновации: Создание прибыльных технологий», вышедшая в 2003 г., оказала огромное влияние на экономические отношения между заказчиками и разработчиками инноваций. Модель предполагает, что компания при разработке новых технологий и продуктов не только рассчитывает на собственные внутрикорпоративные НИОКР, но и активно привлекает инновации и компетенции извне. Согласно логике открытых инноваций, компаниям важно использовать внешние источники изобретений и технологий для того, чтобы эффективно реализовывать свои проекты. И, с другой стороны, компании должны открыть доступ к своим изобретениям и

технологиям, чтобы получить от их реализации максимальную прибыль [13, 73].

Появляются такие явления, как дарономика (пример — проект М. Каракулова (см. сайт darudar.org)), в основе которых лежат нерыночные отношения.

Кроме того, меняются сами работники. Так, А.А. Залетный отмечает, что даже весьма высокопоставленный менеджер инвестиционного банка «Голдман Сакс» Грег Смит объяснил причину своего добровольного ухода с высокого поста в этом банке «...царящей в этом банке жадности его владельцев, отношению к его кредиторам-клиентам как исключительно к средству для достижения скорейшей прибыли любой ценой...» [14, 178]. По сути, Г. Смит выступил против засилия экономизма.

Уже в ближайшие годы на смену экономизму придет (и он уже стал заметным явлением) естественный обратный процесс — деструкция товарно-денежных отношений, натурализация хозяйства и множество других интересных явлений, способных заметно изменить облик экономического мира. Однако экономика — это не только рынок. Прежде всего, это хозяйство. И именно с точки зрения хозяйства можно будет адекватно проанализировать и спрогнозировать развитие экономических отношений в будущем. Но это уже предмет отдельной стадии.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Экономизм // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
2. Доклад WWF «Живая планета — 2010» // http://www.wwf.ru/data/pub/reports/wwf-lpr2010_rus_web.pdf.
3. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., СПб., 2004.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
5. «The Fed Audit» on US Senator for Vermont Bernie Sanders' official web-page (domain «senate.gov») // <http://www.sanders.senate.gov/newsroom/news/?id=9e2a4ea8-6e73-4be2-a753-62060dcbb3c3>.
6. <http://sanders.senate.gov/imo/media/doc/GAO%20Fed%20Investigation.pdf>.
7. Chiesa G. Udite... // *Alternativa Politica*. 2011. Aug. 11 // <http://www.alternativa-politica.it/dibattito-politico/udite.html/>.

8. <http://www.inosmi.ru/europe/20110907/174310233.html>.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
10. Smith G., Parr R. Valuation of Intellectual Property and Intangible Assets, 2000.
11. Anson W. Fundamentals of Intellectual Property Valuation: A Primer for Identifying and Determining Value. 2005.
12. Танскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009.
13. Чезборо Г.У. Логика «открытых» инноваций: Новый подход к управлению интеллектуальной собственностью // Российский журнал менеджмента. 2004. № 4.
14. Залетный А.А. Альтруизм в управлении // Философия хозяйства. 2012. № 6.

О.Г. ДОМБРОВСКИЙ

Экономические системы в условиях коэволюции и энтропии

Аннотация. Статья посвящена развитию экономических систем в процессах «организации—самоорганизации—дезорганизации», приводящих к повышению флуктуаций и состоянию хаоса в соразмерности с порядком. Актуализация роли экономической синергетики раскрывает возможности исследований темпорального измерения экономической реальности и возможности эффективного прогнозирования деятельности сложных экономических систем. Синергетический подход создает возможности прогнозирования открытых систем на основе коэволюции, синергизма и энтропии. Последняя предполагает учет степени неопределенности экономической системы, следовательно — возможность определения альтернатив дальнейшего развития.

Ключевые слова: экономическая система, синергетика, энтропия, коэволюция, темпоральность.

Abstract. The paper considers economic systems in the process of «organization» — «self-organization» — «disorganization», which leads to increasing of fluctuations and the state of chaos in the proportionality with order. Actualization of the role of economic synergetics reveals possible research of the temporal dimension of economic reality and the possibility

of effective forecasting of complex economic systems. Synergetic approach creates the possibility of predicting the open systems based on coevolution, synergy and entropy. Synergetic approach creates capabilities for the prediction of open systems based on coevolution, synergy and entropy. The entropy requires the consideration of the degree of uncertainty of the economic system and reveals the ways of alternatives determination for further development. The utility transfer models of the economy in very different civilizational environment is emphasized.

Keywords: synergetics, economic system, entropy, coevolution, temporal.

Установление механизмов и принципов управления экономическими системами является одним из наиболее перспективных направлений синергетического исследования. Но оно возможно лишь при учете обмена системы с внешней средой, т. е. состояния энтропии. На основе закономерности энтропийного динамического равновесия или роста и снижения энтропии в *открытых системах* возможно определение условия организации и самоорганизации систем различной природы. Энтропия в экономических системах регулируется принципом *компенсации энтропии*, который означает, что энтропия одной системы может быть уменьшена только за счет увеличения энтропии другой системы [1]. Однако в социально-экономических системах это приводит к состоянию *хаоса, неопределенности, нестабильности*, которые порождают социальную напряженность. Возникает проблема: насколько состояние синергии является определяющим для перспектив развития современной цивилизации.

Управление экономикой в координатах порядка и хаоса сегодня рассматривается с точки зрения категорий «организация—самоорганизация—дезорганизация». При этом процессы дезорганизации выступают как «естественные, объективные и составляют необходимый элемент социального развития, — утверждает К. Делокаров. — Их естественность и объективность связаны с тем, что в любой, даже самой идеально организованной социальной системе, по разным причинам накапливаются проблемы, противоречия, которые достигают различной степени интенсивности. Предусмотреть и предупредить действия всех разрушительных сил невозможно» [2, 114]. В силу этого возникают противоречия, которые «не могут быть решены без радикальной “переоценки ценностей”»,

разрушение предыдущей системы и создание новой, основанной на других принципах, способных решить накопившиеся проблемы» [2, 114]. Как видим, дезорганизация — это способ преодоления системой своих внутренних противоречий, это период повышения флуктуаций, когда и параметры порядка замещаются параметрами хаоса ради структурных внутрисистемных трансформаций.

Заметим, что усиление дезорганизационных процессов в конкретной экономической системе приводит к усложнению управления ею, а далее — к хаосу, который всегда существовал на макроуровне в отдельных подсистемах, однако сегодня становится глобальным и проявляется на макроскопическом уровне. В связи с этим можно рассматривать идеи *конвергенции* как форму социальной синергии. В частности, западная индустриальная цивилизация «осознала необходимость сочетания рыночных начал с требованиями планирования, интуитивно оценив эффективность синергии этих форм социальной жизни. Таким образом, была реализована идея сочетания организации (планирование) и самоорганизации (рынка)» [2, 114]. А это значит, что управление самоорганизующимися системами является дуалистическим по своей сути: с одной стороны, оно эффективно в случае воздействия на систему мощного аттрактора, с другой стороны, когда уровень открытости системы снижается, управление системой путем организации выступает на передний план.

Управление экономической системой как условие ее перехода от хаоса к порядку и наоборот происходит в условиях постоянных социальных трансформаций. Они проходят во времени и пространстве, которые являются важными параметрами любого синергетического исследования. Прежде всего, здесь учитываются *фигуры времени* (прошлое—настоящее—будущее). Как утверждает М. Заковоротная, «понимание процессов развития общества позволяет, как утверждает синергетика, детерминировать будущее в настоящем, моделировать программу жизни и деятельности, управлять социальными системами как в целом, так и на всех иерархических уровнях» [3, 465—466]. Такая детерминация возможна при условии определения целей системы. Особенно когда речь идет об экономической системе, от продуктивного функционирования которой зависит достижение «общих социальных целей, таких как устойчивый рост, лучшие рабочие места, социальная сплоченность» [4, 4].

Таким образом, экономическая синергетика раскрывает возможности исследований темпорального измерения экономической

реальности (экономического бытия) и, как следствие, дает возможности предвидения и эффективного прогнозирования деятельности сложных экономических систем и моделирования возможностей управления ими. Ведь «согласно с синергетической парадигмой, управление должно быть основано на создании стратегии как структуры-аттрактора развития и формирования среды, которая без внешнего воздействия выводит социум на поставленные стратегические направления» [3, 480].

При этом синергетический подход создает принципы управления открытыми системами и раскрывает возможности прогнозирования их развития на основе коэволюции. Неотъемлемой чертой рассмотрения коэволюции экономической системы является постановка проблемы о ее взаимосвязи с государственной системой. Сегодня рассматриваются противоречивые взгляды на отношения и взаимосвязи между этими системами. Так, по мнению Дж. Хикса, сегодня мы живем в условиях «административной революции» — трансформации экономической роли государства «в сторону ее усиления» [5]. С другой стороны, более целесообразным представляется положение о «постнациональной констелляции» (Ю. Хабермас), согласно которому роль государства в регулировании экономических процессов постепенно снижается за счет роста внегосударственных экономических образований (транс- и мультинациональных компаний). Согласование этих взглядов происходит при осознании коэволюции масштабных экономических систем, в которых, кроме экономики, действуют система государства и социальная система. Эти три системы развиваются параллельно и обмениваются веществом, энергией и информацией, при этом усиление роли одних систем и уменьшение роли других обусловлены их энтропией.

Идея коэволюции в синергетике отражает социально-коммуникативный поворот, который можно наблюдать в экономике. Его предпосылками выступают идеи *нелинейности развития* экономической системы, предусматривающие учет неэкономических факторов при выяснении поведения экономических агентов и при выявлении развития системы в целом. Как отмечает Д. Хаусман, между «экономической теорией, политикой и ценностями существует более сложная, чем думают, связь. Запросы и интересы политиков или частных предпринимателей влияют на то, какими вопросами интересуются социальные теоретики, а также то, какой круг решений они рассматривают» [6, 34].

Кризис как точка бифуркации ставит экономику перед выбором дальнейшего развития. Особенностью такого выбора является то, что его прогнозирование невозможно осуществить с позиций линейной логики. Как отмечают Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев, «когда в линейной логике речь идет о спонтанном процессе, подразумевается отвлеченное от воздействия субъекта стихийное движение объекта от простого к сложному. Рыночная самоорганизация в экономической синергетике предусматривает систему отношений объектно-объектных, объектно-субъектных и субъектно-субъектных. Это означает, что причинная связь погружена в коммуникативное взаимодействие» [7, 124]. Таким образом, чтобы осмыслить процессы самоорганизации, недостаточно функционального линейного подхода, необходим социально-коммуникативный аспект, который раскрывается в нелинейных подходах к экономическим системам.

Значимость социальных и коммуникативных практик, а также гуманистическая ориентация экономики сегодня превращаются в мировую тенденцию. Общий призыв к экономике ярко иллюстрирует движение так называемой *постаутичной экономики*. Аутичными называют те типы экономических исследований, которые вышли за пределы реальности, апеллируют в основном математическими моделями и не обращают внимания на роль человека в современных общественных преобразованиях. Аутизм экономики — это «зацикленность экономических субъектов на чисто теоретических принципах максимизации прибыли любым путем, в том числе — за счет разрушения в долгосрочной перспективе институциональной и экологической инфраструктуры самого экономического пространства как главного источника прибыли» [8]. Таким образом, критикуются чрезмерные математизация и академичность экономики как утратившие связь с реальностью, упустившие из виду объективные социально-коммуникативные процессы и экономические практики, которые являются настоящими факторами экономического развития.

Итак, постаутичная экономика — это общее направление деятельности современных экономистов, которые объединены под лозунгом «здоровый смысл, гуманизм, наука». Сущность идей, которые отстаиваются под этим лозунгом, заключаются в следующем: *академическая экономика* не подходит для систем любого типа, она направлена на исследование абстрактной системы, которая является не более чем мнимой математической моделью. Эффективной такая математическая модель является только в той экономической системе,

параметры и факторы развития которой спровоцировали возникновение именно такой научной абстракции, именно в данный исторический период развития науки, в частности экономической. Практическое значение в других системах такая модель иметь не может.

Более того, если переносить принципы такой модели из одной основы на другую, результаты будут не самыми лучшими. Страны, которые не переносили принципы одних экономик на другие, а формировали собственные, независимые модели развития, достигли значительных успехов. Эффективной экономической система может быть при условии сохранения и культивации своих собственных принципов становления и развития. Именно такой взгляд и предлагает синергетика, внедряя принципы энтропии.

Разрешение проблемы чрезмерной абстрактности таких систем является создание новых коммуникативных и гуманистических ориентаций экономики. Как отмечает А. Колесников, «существенное отличие стратегий технологической деятельности в начале XXI века заключается в освоении принципиально новых типов объектов и процессов, которые представляют собой довольно сложные саморазвивающиеся макросистемы. Помимо прочих, важное место занимают человекообразные системы, включающие в себя человека в качестве особого компонента. Это означает, что наступило время создания целостных человеко-машинных комплексов: динамических макросистем “человек—техника” “система—среда”, которые развиваются, в которые внедряются новые перспективные технологии с учетом особенностей социокультурной среды» [1, 382—383]. Экономические системы в таких условиях ориентируются на управление собственным развитием, с учетом энтропии и синергии межсистемных трансформаций.

Особенность социально-коммуникативных и человекообразных требований к экономическим системам проявляется в формировании нового типа социума, для которого необходима и новая экономическая ориентация. В этих условиях приоритетной задачей экономики является гиперкогерентность, которая означает качественно иную, более высокую системную взаимосвязь колебательных экономических процессов, проявляясь при их сочетании в условиях высокой динамики глобальной экономики. Гиперкогерентность выступает как фактор потенциальной ноостратификации мировой экономики, что приводит к появлению нооэкономики. «В отличие от экономики социума, в центре

нооэкономики находится императив формирования нового качества техноприродной среды как системообразующего вектора конструирования новой социально-экономической реальности с универсальной конвергентной доминантой взаимовлияния социума и техноприродной среды и последующего фазового перехода — формирование такого варианта ноореальности, который бы устраивал субъект объекта» [9]. Таким образом, сегодня формирование нооэкономики ставит новые требования к деятельности экономических агентов. Сама нооэкономика предусматривает установление новых критериев устойчивого развития социума, и именно на них должно быть направлено управления синергетической системы (способной к самоорганизации).

Нооэкономика как предложенная А.И. Агевым и Е.Л. Логиновым концепция выступает новой координатой мирового развития, а перспективы ее становления основаны на идеях глобального применения основных условий ее баланса в планетарном масштабе. Нооэкономика — общая установка, направленная на формирование новых способов мышления, а дальше — новых экономических практик для техногенной цивилизации. Можно утверждать, что синергетика с ее естественнонаучными истоками, социально-коммуникативными ориентациями и соответствующими современности моделями управления экономическими процессами имеет достаточно шансов для построения научной картины мира, сопоставимой с нооэкономикой.

Таким образом, динамика современного мирового социэкономического развития закономерно порождает деорганизационные процессы в экономическом становлении, которые обуславливают его рассмотрение в параметрах порядка и хаоса. Экономическая синергетика раскрывает возможности исследований пространственно-временных измерения национальной и мировой экономики. Принципы управления открытыми системами дают возможность прогнозирования и развития экономических систем исходя из их коэволюции. Ее результатом является возникновение нооэкономики.

Литература

1. Колесников А.А. Синергетика и научное познание // Синергетика и проблемы теории управления / Под ред. А.А. Колесникова. М., 2004.
2. Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // Общественные науки и современность. 2000. № 6.
3. Заковоротная М.В. О философских проблемах управления социальными системами: состояние вопроса и перспективы // Синергетика и проблемы теории управления / Под ред. А.А. Колесникова. М., 2004.
4. Акаци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 12.
5. Хикс Дж. Теория экономической истории. М., 2003.
6. Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М., 2012.
7. Евстигнеева Л.П. Экономика как синергетическая система. М., 2010.
8. Видеман В. Постмодернизм как радикальный консерватизм // <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1220>.
9. Агеев А.И. Нооэкономика: определенная экономика неопределенности // <http://spkurdyumov.narod.ru/ageevloginov.htm>.

Т.С. ЧЕРНИКОВ

Кризис как форма теоретического развития экономической науки

Аннотация. Проведен анализ современного финансово-экономического кризиса. Предпринята попытка определить направления теоретического развития экономической науки в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: кризис, экономическая теория, парадигма, институционализм.

Abstract. The analysis holds of current financial-economic crisis. Attempt to determine the trends of the theoretical development of the economic science in the era of post-modernism.

Keywords: crisis, economic theory, paradigm, institutionalism.

Кризис экономической науки как частная форма проявления общего кризиса естествен, ибо экономическая теория есть отражение экономической жизни общества. Если вспомнить историю развития экономической мысли, можно заметить, что именно экономические кризисы служили в прошлом мощными импульсами для развития экономической теории. Так, в результате кризиса 1870-х гг. появилась и получила широкое распространение концепция экономикса А. Маршалла; после кризиса неоклассики 1930-х гг. на драматической почве Великой депрессии возникло кейнсианство; повышенная инфляция 1970-х гг., возникшая под влиянием нефтяного шока, обусловила кризис кейнсианства, сформировался монетаризм. Главная особенность современного кризиса 2007—2009 гг. с точки зрения поиска путей его преодоления состоит в том, что это, прежде всего, кризис рационалистического понимания и толкования социально-экономических процессов, их взаимосвязи с финансовыми потоками.

Цель данной публикации заключается в анализе современного мирового финансово-экономического кризиса и поиске путей дальнейшего развития экономической теории XXI в.

Великая рецессия 2007—2009 гг. стала следствием краха финансовой системы, которая начала функционировать в русле спекулятивного воспроизводства, когда деньги начали делать деньги в отрыве от реальной экономики.

На глубоком понимании функционирования и эволюции финансовых институций основывается теория финансовой хрупкости (нестабильности) экономики американского экономиста, представителя монетарного посткейнсианства Хаймана Мински [1]. Наблюдавшийся на рубеже веков длительный подъем, вызванный, в частности, специфическим сочетанием развития «новой экономики» (связанной с телекоммуникациями, Интернетом и т. д.), бурных финансовых инноваций и процессов глобализации, привел к небывалому росту степени финансовой хрупкости во всей мировой экономике. Учет денежного фактора и неопределенности, введение их в теоретический анализ способствуют более реалистической оценке сложных и противоречивых процессов рыночной экономической системы. Именно финансовая нестабильность через систему денежно-финансовых институтов влияет на экономику, а финансовые кризисы лежат в основе экономических кризисов.

В условиях стремительного развития финансового рынка интересы крупного капитала из сферы реального производства перемещаются в

эту сферу, поскольку на финансовом рынке можно быстро получить доход, существенно превышающий первоначальные вложения. Значимым оказывается фактор финансовой глобализации, проявляющейся в ускорении процессов движения капитала и стремительного роста финансовых рынков (валютных, кредитных, фондовых), когда они приобретают все более самостоятельное и самодовлеющее значение, отрываясь собственно от сферы производства и торговли. Это усиливает роль мирового финансового рынка, провоцирует рост глобального фиктивного финансового капитала. Финансовая глобализация способствует вывозу капитала, увеличению объемов спекулятивного капитала, что приводит к расширению объемов сделок, не связанных с основной деятельностью предпринимателя, расширению теневого оборота капитала и усилению криминализации экономической деятельности. Перечисленные факторы оказывают существенное воздействие на механизмы функционирования экономических систем, создаются механизмы, позволяющие крупному капиталу реализовывать собственные интересы без учета интереса всех остальных.

Новые реалии убеждают в том, что система научных взглядов не адекватна для разработки научно-обоснованной социально-экономической политики и воплощения ее в современную хозяйственную практику. Концепция неоллиберализма в разных его формах, включая монетаризм, сыграла существенную роль в росте фиктивного, спекулятивного капитала, преобразующего деньги и ценные бумаги в особые быстрорастущие финансовые операции, цель которых состоит не в получении базового актива, а в получении прибыли от изменения цены. С этой целью используются разнообразные инновации, придуманные банкирами и финансистами, в виде спекуляций на акциях, валютных курсах, других финансовых активах, что способствует росту спекулятивного капитала. Подобный капитал многократно умножается страховыми компаниями, инвестиционными, пенсионными и другими фондами, которые осуществляют финансовые операции. Названные и многие другие финансовые инновации, объем которых растет в геометрической прогрессии в сравнении с ростом реального сектора экономики при современной методике измерителя показателя функционирования экономики в виде совокупного ВВП, способствуют его увеличению в стране, но не сопровождаются повышением уровня жизни ее населения.

Глобальный финансово-экономический кризис 2007—2009 гг. повлек за собой такие фундаментальные трансформации, в результате которых «мировая политика становится более непредсказуемой, более неопределенной и более опасной» [2, 11]. Это диктует экономической и социальной науке необходимость осмыслить фундаментальные причины кризиса и сформировать, как минимум на близкую и среднюю перспективу, конструктивный образ будущего. Общество, перестающее понимать себя и окружающий мир, обречено входить в катастрофическую дисгармонию с быстро меняющимся содержанием жизни.

Что важнее в экономической науке: теоретическая строгость, четкость и последовательность в построении моделей или же не столько качество построения модели, сколько ее прогностические способности — эти вопросы положили начало тому, что в дальнейшем получило название системного кризиса экономической теории в современном понимании развития. В оценке системного кризиса неоклассицизма серьезным последствием стал растущий разрыв ожиданий от экономической науки с ее реальными достижениями как в теоретико-методологической сфере, так и особенно в области практической применимости полученных теоретических результатов, начиная от конкретных рекомендаций бизнесу и кончая разработкой макропрогнозов.

Способна ли современная экономическая наука с достаточной степенью эффективности выполнять свои базовые функции: познавательную, прогностическую и практическую? В этой связи актуализировалась проблема научной достоверности экономико-теоретического знания, адекватности теоретического отражения экономической реальности основными направлениями экономической науки.

Эта практическая ограниченность проявилась как в период масштабного кризисного обвала в глобальной экономике в 2007—2009 гг., так и в способности пусть даже не решать, а хотя бы предвидеть проблемы переходных экономик. Она отчетливо продемонстрировала прогностическую, регуляторную и экономико-политическую несостоятельность традиционного инструментария предотвращения и преодоления такого рода явлений в существующей экономической теории с ее абсолютизацией функционального анализа, сосредоточением на исследовании функциональных связей и зависимостей.

Вполне справедлива критика современной экономической теории, так как она, во-первых, не дает ответов на вопросы: какова природа современного глобального социально-экономического кризиса и как из него выйти? как преодолеть существующий и всевозрастающий разрыв между развитыми и развивающимися странами и уровнями жизни в них? Во-вторых, значительное количество терминов, вошедших в научный оборот, до сих пор не нашли соответствующего теоретического обоснования. Наука не имеет обоснованных показателей измерения для таких понятий (категорий), как «информация», «качество жизни» и др. Это означает, что интерпретации сущности этих категорий будут различны. Не устранив противоречия и разрывы между различными ветвями экономической науки вряд ли возможно вывести вразумительный интеграл экономической политики. Поэтому устаревшие теории дают разрушительный эффект.

Много претензий накопилось к неоклассической теории и моделям. Когда исследователи говорят о критическом состоянии современной экономической науки, то обычно подразумевается, прежде всего, кризис неоклассической теории, господствовавшей на протяжении последних лет, с ее индивидуалистической методологией и аксиоматикой человека экономического и отрывом теоретических конструкций от реальности. Необходимы изменения, которые должны привести к уточнению ее основных целей, методов и стиля исследований. По мере накопления опытных данных и результатов исследований появляется все больше фактов-аномалий, не укладывающихся и не объяснимых в рамках существующей парадигмы.

Смена теоретических взглядов на законы развития общества, в том числе экономики, является категорическим императивом преодоления причин, воспроизводящих *bubbleconomy* (экономику мыльного пузыря) и породивших первый в истории мировой цивилизации глобальный финансово-экономический кризис. Парадигмы, используемые в экономической практике последние 40 лет, не позволяют раскрыть сущностные характеристики и движущие механизмы мировой экономики. Более того, они направлены не на обновление моделей экономического развития, а на их консервацию с утвердившимися отношениями собственности и характером присвоения. В этом контексте возникает вопрос: можно ли найти выход из кризиса с помощью парадигмы, загнавшей экономику в тупик? Отвечая на него,

Джон Эванс и Дэвид Котс отмечают: «Глобальный финансовый и экономический кризис делает необходимым фундаментальный пересмотр превалирующей парадигмы в экономической политике ...Нельзя ожидать от возвращения к политике, провалившейся в условиях бума, что она возвратит глобальную экономику на путь роста после весьма глубокой рецессии» [3, 31].

Новая парадигма развития экономики должна идти вместе с разработкой парадигмы развития общества. Разработка новой парадигмы развития общества возможна на основе комплексного подхода к изучению всех аспектов жизни общества и человека. Целостная теоретическая концепция позволит человечеству развиваться не путем проб и ошибок, а на основе научно обоснованной социально-экономической политики, где мерой всему будет человек с его реальными потребностями.

Новая парадигма может быть разработана системой общественных наук, отражающих реалии жизни современного общества как общества достижений НТР и ее противоречий, скачкообразной неравномерности развития экономик мира и т. д. Сформулировать модель будущего общества можно с учетом как общемировых тенденций, транснационализации и многополярности мира, так и национальных традиций, духовности, культуры, социальных ценностей, а также философии хозяйства. Хозяйствующая философия (реально действующая философия хозяйства) способна добывать идеи и просветлять сознание, обогащать культуру и формировать сакрально хозяйствующего человека — трудящегося, предпринимателя, государственного деятеля, ученого. Ничего невозможного в такой постановке нет, ибо философия хозяйства признает за хозяйство всю жизнь человека, а соответственно находит, что хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека [4, 15].

Современные процессы внутри- и межсистемных трансформаций национальных хозяйств и целых макрорегионов во многом усложняются и видоизменяются под влиянием глобализации, что очевидно требует иных подходов к исследованию проблематики социализации хозяйственного развития с позиции институциональной теории. Главная идея современного институционализма — не только в утверждении возрастающей роли человека как основного экономического ресурса постиндустриального общества, но и в обосновании вывода об общей переориентации постиндустриальной

системы на всестороннее развитие личности. Поэтому сегодня становятся все более актуальными научные исследования, представляющие современный уровень методологического осмысления логики и содержания развития мировой и отечественной экономической науки на фоне творчески критического освоения доминирующих философских, общеобразовательных и научных трендов. Это в немалой степени касается таких значимых в научно-практическом смысле направлений экономической теории, как институционализм, прежде всего его базовых исследовательских программ.

Таким образом, финансово-экономический кризис 2007—2009 гг. привлек внимание мирового научного экономического сообщества к фундаментальному вопросу о соотношении научной теории и практики и необходимости разработки новой экономической парадигмы как определенной методологии познания социально-экономических процессов глобальной экономики, на роль которой объективно претендует институциональное направление. Определяющими факторами, которые в последние десятилетия дополнительно актуализируют разработку широкого диапазона проблем экономической методологии, являются: чрезвычайное усложнение уровня исследовательских и практических задач мировой и отечественной экономической науки в условиях реализации современных глобальных трансформаций, глубинных и динамических сдвигов в развитии структуры экономико-теоретического знания.

В XXI в. — эпоху Постмодерна, в развитии экономической теории существенно модифицируется характер научной рациональности, понимание сущности и критериев научности, структуры и характера взаимодействия научных парадигм, углубление тенденции к ее парадигмальной дифференциации. Следовательно, растущий парадигмальный плюрализм делает, на наш взгляд, поиск одной модельной парадигмы, которая бы представляла современное научное экономическое знание. Продолжающееся расширение спектра научных парадигм происходит преимущественно путем межпарадигмального взаимодействия (синтеза, взаимопроникновения) в трансдисциплинарных сферах — на стыках смежных и даже отдаленных научных отраслей. Поэтому, оценивая перспективные тенденции развития отечественной экономической теории, следует ожидать ее плодотворное концептуальное обновление и совершенствование методологических возможностей.

Литература

1. *Minsky H.* Stabilizing an Unstable Economy. L., 1986.
2. *Mauil H.W.* World Politics in Turbulence // International Politics and Society. 2011. No. 1.
3. *Evans J.* Exiting from the Crisis: Towards a Model for More Equitable and Sustainable Growth // International Politics and Society. 2011. No. 2.
4. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра // Экономическая теория на пороге XXI века — 6: В 2 кн. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. М., 2002.

Е.А. ДЕМАКОВА, Л.А. СЛОНОВА, И.В. ШИШКИНА

Задачи квалиметрии в сфере закупок продукции для государственных и муниципальных нужд

Аннотация. Представлено теоретическое обоснование необходимости мониторинга и оценки качества продукции на стадии эксплуатации, позволяющих выявить взаимосвязи между параметрами надежности и показателями потребительских свойств изделий, а также оптимизировать требования к качеству продукции, закупаемой для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: квалиметрия, качество продукции, надежность, государственные закупки.

Abstract. Theoretical justification of production monitoring and quality assessment at an operation stage is presented. The offered technique allows to reveal interrelations between parameters of reliability and indicators of products consumer properties. Monitoring of quality allows to optimize requirements to production bought for the state and municipal needs.

Keywords: quality measurement, quality of production, reliability, state purchases.

Измерение степени соответствия характеристик объекта требованиям потребителей — задача квалиметрии — научной дисциплины, изучающей методологию и проблематику количественного оценивания качества объектов любой природы. Во

во всем мире результаты квалиметрии используются для обоснования решений, принимаемых при управлении качеством продукции и стандартизации. Оценка соответствия свойств товаров требованиям потребителей лежит в основе современной теории и практики менеджмента качества.

Одним из прикладных направлений развития квалиметрии является разработка методов мониторинга и оценки качества продукции, закупаемой для государственных и муниципальных нужд. По данным официальной статистики, на закупки продукции, работ и услуг для государственных учреждений в 2010 г. было затрачено около 3,7 трлн р., или 38,5% расходной части федерального бюджета страны. В 2011 г. совокупные закупки для госнужд возросли до 7 трлн р., что составило 64,3% расходов федерального бюджета [1]. Значительные объемы вложения финансовых ресурсов и положительная динамика их роста определяют актуальность повышения эффективности закупочной деятельности.

Отсутствие практики мониторинга качества продукции, используемой в бюджетных учреждениях при оказании услуг, не позволяет заказчикам выявлять наиболее значимые характеристики изделий, объективно формирующие их качество, в том числе срок эффективной эксплуатации. Включение таких показателей в перечень требований к продукции при проведении закупок могло бы стать основой повышения качества приобретаемых товаров и оказываемых с их применением услуг.

Целью исследования явилось теоретическое обоснование методики оценки качества продукции на стадии эксплуатации. Такая методика позволяет решать следующие задачи:

- оценивать влияние стандартных и нестандартизированных технических параметров изделий на скорость снижения значений показателей качества продукции в процессе эксплуатации;
- оптимизировать требования к закупаемым товарам и обеспечивать сбалансированное расходование ресурса изделий при их эксплуатации;
- сокращать расходы бюджетных средств на закупки продукции с максимальным ресурсом, обеспечивающим приемлемый уровень качества государственных (муниципальных) услуг.

Одним из факторов, формирующих качество государственных (муниципальных) услуг, является комплекс характеристик используемой при этом продукции — ее функциональные,

эргономические, эстетические свойства и безопасность. Надежность — это особое комплексное свойство товара, состоящее в его способности выполнять (при определенных условиях эксплуатации) заданные функции, сохраняя в установленных пределах свои потребительские свойства и характеристики [2; 3]. Такие пределы могут быть установлены, исходя из планируемого уровня качества государственных или муниципальных услуг.

В ходе конкурсных закупок ряд характеристик изделия может быть оценен участниками конкурсной комиссии органолептическим и экспертным методами, а также с применением простейших измерительных приборов. Назовем такую группу показателей качества подмножеством $\{Q_1...Q_M\}$. В данное подмножество следует также включить показатели, характеризующие основные функциональные свойства, значения которых изготовитель указывает в маркировке и товаросопроводительных документах.

Любой стандартизированный товар характеризуется некоторым подмножеством стандартизированных параметров $\{Q_{M+1}...Q_K\}$, измеряемых инструментальными методами. Такие параметры оказывают влияние на уровень исполнения изделием основных и дополнительных функций, а также определяют его надежность и ресурс как время непрерывной эксплуатации до наступления критического состояния, когда дальнейшее применение невозможно или нецелесообразно.

Рассмотренные подмножества образуют множество $\{Q...Q_K\}$ технических параметров и показателей качества продукции, каждый из которых в той или иной мере определяет исходные величины групповых показателей потребительских свойств, или влияет на скорость их снижения в процессе эксплуатации изделий, т. е. на свойства надежности.

Для большинства изготовителей потребительских товаров характерно отсутствие производственного контроля стандартизированных технических параметров и их испытаний в рамках добровольной сертификации, а декларирование соответствия изделий требованиям стандартов носит скорее формальный характер. Поэтому применение значений стандартизированных технических параметров для оценки потребительских свойств закупаемой продукции, не сопровождаемой протоколами испытаний, не целесообразно.

Таким образом, для оценки соответствия приобретаемых товаров требованиям потребителей, преимущественно выбираются характеристики из подмножества $\{Q_1 \dots Q_M\}$. При наличии документального подтверждения результатов испытаний изделий по ряду параметров из подмножества $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$ они также должны быть включены в перечень характеристик для оценки качества закупаемых изделий.

Рассматривая качество I как совокупность характеристик товара Q_i , определяющих его способность удовлетворять потребности потребителя, можно представить его выражением (1):

$$I = \sum_{i=1}^N Q_i. \quad (1)$$

Отразим графически динамику качества товаров, расходующих в процессе эксплуатации свой ресурс (рис. 1).

На момент начала эксплуатации изделие обладает совокупностью характеристик, образующих подмножество $\{Q_1 \dots Q_M\}$ и формирующих *потребительское качество* товара I , т. е. комплекс свойств, имеющих для потребителя наиболее важное значение, ощущаемых им во время пользования и определяющих его удовлетворенность. Назовем такие характеристики Q_i ($i=1 \dots M$) *потребительскими показателями качества*, на начало эксплуатации они имеют некоторые начальные абсолютные значения Q_{i0} ($i=1 \dots M$). Тогда потребительское качество товара на начало эксплуатации можно представить в виде прямоугольника на плоскости $IO\eta$, ограниченного точками I_0 по оси «качество», и M — по оси η , где откладывается количество характеристик товара Q_i , наиболее существенных для потребителя.

В процессе эксплуатации на изделие оказывают влияние внешние разрушающие факторы, оно расходует свой ресурс, поэтому к некоторому моменту времени T уровень качества изделия снижается до величины I_T , которую также формируют характеристики из подмножества $\{Q_1 \dots Q_M\}$, но их абсолютные значения претерпевают снижение до Q_{iT} ($i=1 \dots M$). Как было рассмотрено выше, свойство товара сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции, определяются показателями надежности. Таким образом, характеристики изделия, формирующие его показатели надежности из подмножества $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$, имеют более или менее выраженное влияние на потребительские показатели качества Q_i ($i=1 \dots M$).

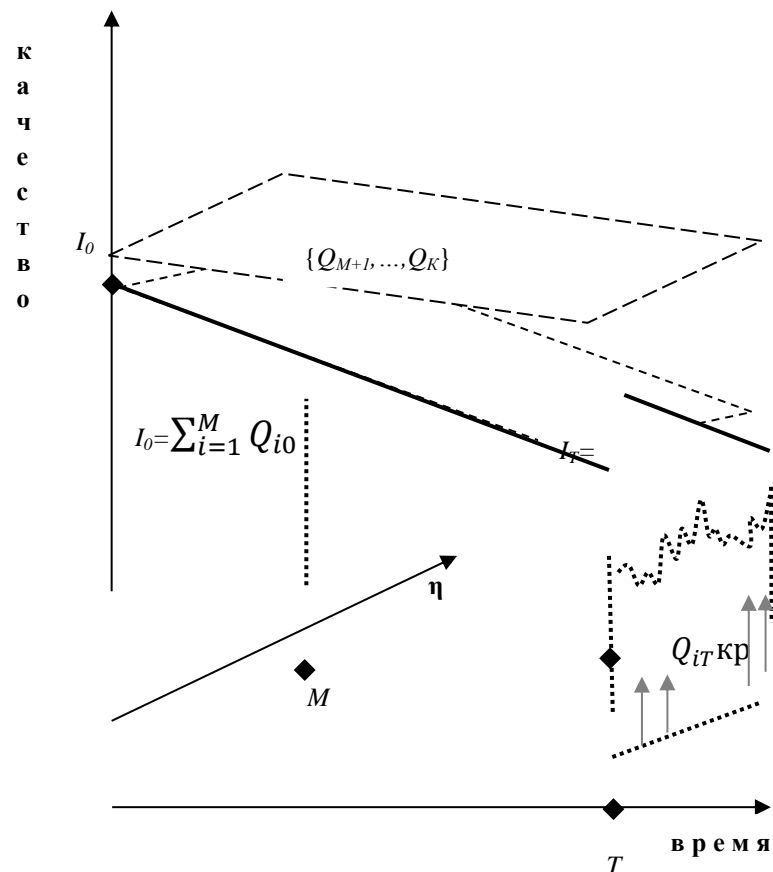

Рис. 1. Модель изменения качества продукции в процессе эксплуатации

Измерение абсолютных значений многих из характеристик $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$ может быть выполнено только инструментальными или расчетными методами, т. е. требует повышенных трудовых и финансовых затрат. Поэтому задача оптимизации процесса измерения качества товара заключается в определении перечня характеристик из подмножества $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$, наиболее тесно связанных с

потребительскими показателями качества из подмножества $\{Q_1 \dots Q_M\}$, значения которых оказали наибольшее влияние на снижение уровня качества изделия к моменту времени T , т. е. $(Q_{iTкр})$ ($i=1 \dots M$). Рассмотренная модель позволяет получить оптимальное сочетание различных методов квалиметрии для оценки качества продукции:

- социологических и экспертных — для выявления потребительских показателей качества изделий и формирования подмножества $\{Q_1 \dots Q_M\}$;
- органолептических, экспертных и инструментальных — для измерения абсолютных значений показателей Q_i ($i=1 \dots M$);
- регистрационных и экспертных — для выявления наиболее значимых показателей надежности из подмножества $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$, вызывающих наибольшее снижение абсолютных величин потребительских показателей качества Q_i ($i=1 \dots M$) в процессе эксплуатации изделий;
- инструментальных и расчетных — для измерения абсолютных значений наиболее значимых показателей надежности из подмножества $\{Q_{M+1} \dots Q_K\}$.

При анализе показателей $Q_{iTкр}$ из подмножества $\{Q_1 \dots Q_M\}$, оказывающих критическое влияние на снижение уровня качества изделия I_T , среди показателей надежности могут быть выявлены характеристики, не вошедшие в стандартный перечень вследствие применения новых материалов и технологий изготовления, либо из-за проявления в ходе эксплуатации не предвиденных внешних воздействий. Их исследование и оценка влияния на потребительские показатели качества позволят совершенствовать процессы проектирования, изготовления продукции, повысить ее качество и эффективность использования.

Оптимизация измерения качества в соответствии с рассмотренными этапами требует разработки методики мониторинга качества продукции на этапе эксплуатации, объединяющего различные методы квалиметрии.

Низкая надежность приводит к ускоренному снижению уровня одного или нескольких потребительских свойств изделия, влияющих на качество услуги, оказываемой с применением данного товара. Плановый характер закупок не позволяет своевременно заменить изделия, израсходовавшие свой ресурс до истечения запланированного срока эксплуатации, поэтому государственное (муниципальное) учреждение до наступления нового финансового периода вынуждено

осуществлять свои функции и реализовывать услуги с пониженным уровнем качества.

Схематически взаимосвязь качества закупаемых товаров, их ресурса и уровня качества государственных (муниципальных) услуг показана на рис. 2, где по оси ординат отмечены значения комплексного показателя качества продукции: I_0 — исходное значение комплексного показателя качества, присущее продукции на момент ее закупки и ввода в эксплуатацию; $I_{кр}$ — критическое значение комплексного показателя качества эксплуатируемой продукции, соответствующее установленному минимальному уровню качества услуги, оказываемой с использованием данной продукции.

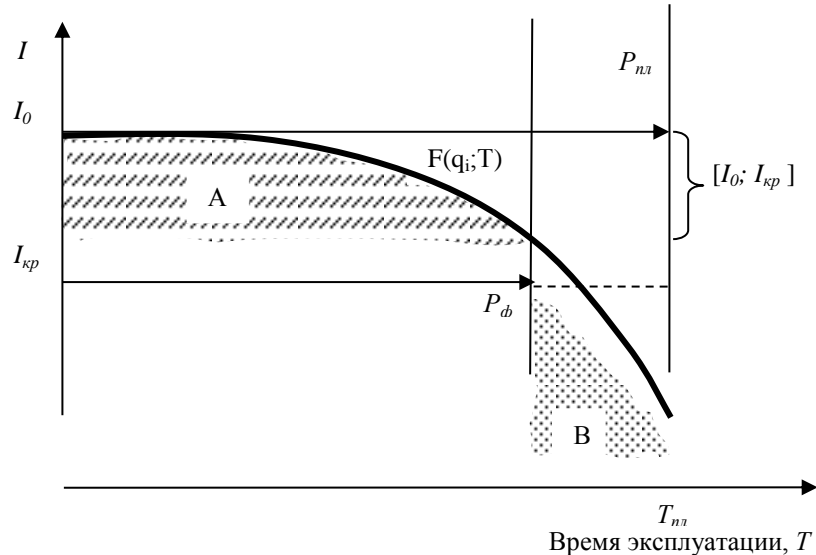

Рис. 2. Взаимосвязь уровня качества продукции и ее ресурса (случай несоответствия ресурса фактического его плановому значению)

Комплексный показатель качества I как переменная во времени величина представляет собой функцию:

$$I = F(q_i; T), \quad (2)$$

где q_i — относительные значения показателей качества изделия, формирующих его наиболее значимые потребительские свойства; q_i

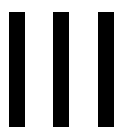
рассчитываются в ходе экспертной оценки абсолютных значений показателей качества из подмножества $\{Q_1, \dots, Q_M\}$, т. е. $i = 1 \dots M$; T — время эксплуатации.

На рисунке 2 кривая $I = F(q_i; T)$ показывает снижение комплексного показателя качества продукции от его исходного значения I_0 до критического уровня $I_{кр}$, при этом отрезок $I_{кр}P_{ф}$ соответствует фактическому ресурсу изделия, т. е. времени непрерывной эксплуатации до момента достижения установленного предела. Зона А соответствует времени эксплуатации изделия при сохранении его качества не ниже приемлемого уровня. По рисунку видно, что отрезок $I_{кр}P_{ф}$ меньше отрезка $I_0P_{пл}$, т. е. ресурса планируемого (ожидаемого). Поэтому часть периода эксплуатации $T_{пл}$ для оказания услуг вынужденно применяется изделие, комплексный показатель качества которого ниже предельного (критического) уровня. На рисунке 2 этот период соответствует зоне Б.

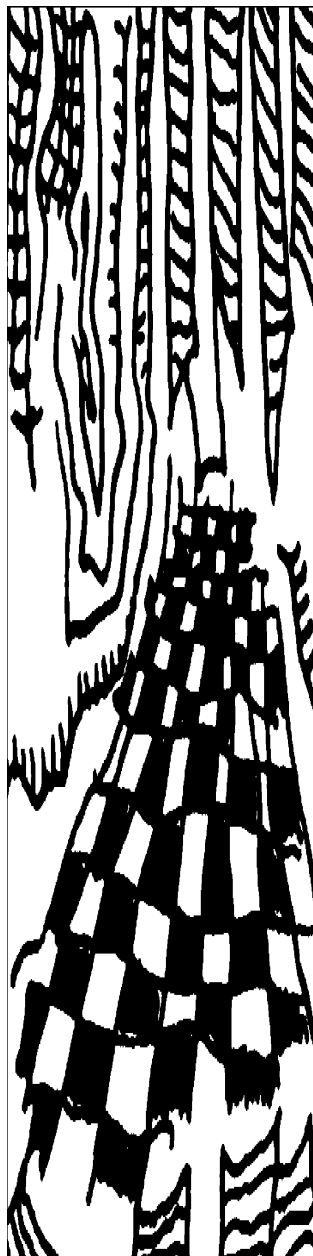
Рассмотренный на рис. 2 график наглядно иллюстрирует значение надежности и ресурса закупаемых изделий для предоставления государственных (муниципальных) услуг высокого качества. В условиях Федеральной контрактной системы государственные и муниципальные заказчики наделены полномочиями устанавливать *требования* к закупаемой продукции и тем самым активно воздействовать на процесс формирования ее потребительских свойств. Таким образом, мониторинг качества эксплуатируемых в процессе оказания государственных (муниципальных) услуг товаров должен содержать информацию для анализа взаимосвязей потребительских свойств изделий и их показателей качества (в том числе технических характеристик), в отношении которых заказчики формулируют свои требования к закупаемой продукции.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. Данные о проведении торгов и других способах размещения заказов для государственных и муниципальных нужд // <http://www.gks.ru/metod/torg.html>.
2. Алексеев Н.С., Ганцов Ш.К., Кутянин Г.И. Теоретические основы товароведения непродовольственных товаров. М., 1988.
3. Петрище Ф.А. Теоретические основы товароведения и экспертизы непродовольственных товаров. М., 2004.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ю.М. ОСИПОВ

Сеть как феномен человека и человечества

Аннотация. Понятие «сеть» все более занимает умы человеческие, но не только по причине распространения Интернета. А и вследствие превращения самого социума в «сетиум», а людей — в улавливаемые, удерживаемые и управляемые таким «сетиумом» его элементы — «мухи».

Ключевые слова: Сеть, социум, человек, философия, философия хозяйства, социология, современность.

Abstract. The concept «network» more and more occupies human minds, but not only because of Internet distribution, also because of society transformation in «netiety» and because of people transformation in caught, withheld and operated by such «netiety» its elements — «flies».

Keywords: Network, society, person, philosophy, philosophy of economy, sociology, the present.

Сеть — очень емкое и точное понятие, характеризующее нечто вполне реальное из бытия человека и человечества. Что же именно? Самое поразительное, что не что иное как... именно *сеть*, ту самую сеть, что и у рыбаков, только невидимую, хотя и реально проявляющуюся, как раз вроде той, что оказалась в руках... нет, конечно, не в руках, а... в сверхсознании Христа, но уже не для рыб, уловляемых рыбаками в видимые материальные сети, а для самих рыбаков, уловленных в невидимые Христовы сети, вполне и идеальные.

Если повнимательней взглядеться в человеческую реальность, памятуя о том, что вся она, кроме самих человеческих организмов, осознаниенна (от сознания), обыдейенна (от идей), обословлеена (от слов), обозначиенна (от знака), а отсюда гораздо более метафизична, чем физична, то можно скоренько убедиться в той приглядно-неприглядной истине, что реальность эта вся сплошь *осетиенна* (от сети): социально, культурно, цивилизационно, государственно — что традиционно, что правово, что распорядково и распорядительно, что информационно, что идейно — и можно при желании заметить, что человек со своим подсознанием непременно пребывает в той или иной общественной, вполне и сознаниевой, общественно-сознаниевой,

ноосферной сети. Такую сеть долго называли порядком, строем, устройством, но никогда собственно сетью, однако пришло время увидеть во всем перечисленном именно... *сеть*, которая не только и не столько образуется непрерывно людьми, их отношениями и создаваемыми людьми институтами, сколько постоянно на людей и их сообщества накладывается, уже со своими — сетевыми — ячейками, элементами, нитями и стропами. Человек в своей сознательной жизни не столько образователь любой подобной сети, ее, так сказать, ткач, сколько уже принадлежность не им сотканной сети, следственно — болтающийся в ней «муш» — этакий «челомуш».

Взять тот же пресловутый и излюбленный учеными-экономистами рынок. Что это? Нетрудно догадаться, что самая обыкновенная сеть, в которой барахтаются «свободные»-де рыночные субъекты-агенты, хотя участникам какой-нибудь сорочинской ярмарки, может и казалось, что это всего лишь ими самими образованное на время товаро-обменное сообщество, а ни какая не сеть, в которой они еще и вынужденно барахтаются. Хорошо хоть сейчас уже какой-нибудь, постоянно действующий городской рынок, а еще и страновой, и международный, и мировой рынки, не кажутся их участникам образованными ими самими вольными сообществами.

Рынок — сеть, совокупность разного рода сетей, а агенты в нем более, чем трепыхающиеся в этих сетях элементы, хотя в меру некоторых возможностей и активные агенты тоже — действующие, так сказать, лица.

Сейчас больше говорят об агентах-сетях, или сетевых агентах, что вполне правильно, но забывают говорить о рынке-сети, хотя рынок — самая настоящая сеть, из которой никому нет выхода, пока любой некто именно там — на рынке или в рынке.

Да, рынок-сеть допускает кое-какую инициативу агентов рынка, даже их некоторую свободу, но... в пределах самой этой сети, из которой никому не вырваться и каждому нужно с ней непременно считаться, даже и тем гигантским субъектам, которые имеют возможность эту самую сеть заинтересованно выплетать.

Ощущение сетей — это прежде всего ощущение человеком всякого рода пределов (ограничений, запретов, правил, норм, общепринятых лимитирующих понятий). Без сетей нет и самого человеческого общежития вообще. Человеческое общество — сетевое, сетеобразное, сетеобусловленное. Иного человеку не дано: хоть рабу, хоть разбойнику, хоть губернатору, хоть военачальнику, хоть императору! Разумеется, сети бывают по-разному устроенными, даже одни и те же по-назначению сети, с разной размерностью ячеек, их частотой и

распределением по сети, с неодинаковыми конфигурациями, связями, межячейковыми композициями, а потому «челомушки» в сетях чувствуют себя по-разному, как по разному себя ведут участвующие в плетении сетей «челопаучки». Однообразие соседствует тут с разнообразием, сочетаясь и разбегаясь, изменяя структуру и общую картину сети. Социальные сети, о которых здесь речь — активны, подвижны, изменчивы. Даже сама сетевая динамика — сеть, не то что статика. Этакая в итоге действует холосеть (сеть 4D) — многомерная, объемная, всюду переменчивая.

Поощряемый человеческой демиургией и подгоняемый нечеловеческой (стоимостной) экономикой, научно-технический прогресс привел на рубеже XX и XXI вв. к возникновению параллельной человеческому социуму, но в ней активно и всецело участвующей *технической сети*, успешно встроившейся в ноосферу и немало завладевшей человеческим сознанием и бытием. Физика, электроника, математика, информатика, технология, в общем — наука с техникой, сделали свое дело: человек обзавелся умо- и руко-творным параллельным не только вспомогательным, но и весьма уже решающим управляющим миром. И если учесть, что в этот мир встроены компьютеры, разного рода аналитико-решающие устройства, роботы, способные заменять и даже превосходить так или иначе самого человека, его мозг, его организм, его трудовые, креативные и даже кое-где и кое в чем творческие возможности, то становится ясным, что человек уже не только агент (действующее лицо) технической сети, но и ее — этой сети — придаток, во многом от нее зависимый и ею же всюду определяемый.

И сегодня уже можно смело говорить о том, что человек — участник и атрибут не только обычной социальной, но и необычной технической сети, а в итоге и в целом — элемент-момент гигантской социально-технической холосети. И тут важно принять во внимание тот факт, что техническая сеть — не просто информатор и связной, находящийся-де в распоряжении человека, но и все более целостный, единый, активный, деятельный и влиятельный... *организм-техноорганизм*, встроенный в человеческое, а может, уже и в техночеловеческое, то бишь и постчеловеческое, сознание и бытие, мало того, все более и более это последнее определяющее.

Зависимость человека от техносети стремительно возрастает, ибо техносеть — это теперь уже основная человеческая-де память, склад и источник знания, разрешитель проблем и конструктор, но так же и добрый учитель, искренний собеседник, даже и большой и бескорыстный друг.

Трудно сказать, какая из сетей сегодня в приоритете и в главной роли для человека и человечества — социальная или техническая, если при этом не пренебречь тем фактом, что техносеть совершеннее, мобильнее, точнее, а все чаще и умнее человека, правда, уже и техночеловека-постчеловека.

Невозможно также отрицать воодушевляющего, обнадеживающего, смущающего и озабочивающего, если не обескураживающего, факта все большей замещаемости, а не только заполняемости, социальной сети технической сетью, что еще более подтверждает происходящую в земном мире мутацию социума в техносоциум, органично вписывающуюся в давно уже происходящую многовековую, беспредельную и неуклонную трансмутацию — *от природы к неприроде*, а если еще учесть неприродное происхождение природы, то *от одной неприроды к другой неприроде через... природу!* Возникновение и функционирование техносети вовсе не только технические действия, это действия социальные, точнее — социально-антисоциальные, меняющие саму природу социума и собственно человека с человечеством.

Обретение техносети и связанные с нею перемены — еще не все, что происходит глубоко и масштабно мутационного в современном социуме. Из просто принадлежности социума, его составной части, обслуживающей человека и общество, — все равно какой — чисто социальной или чисто технической, — сеть оказывается если и не полным, то достаточно выделяющимся и влиятельным заместителем собственно общества и собственно человека, превращая само общество если не в собственно сеть, то в *сетевое общество*, а точнее бы сказать — в *сетевую человекоподобную массу*, или *сетемассу*, не только улавливаемую сетью, но и ею — этой сетью — управляемую.

Да, человеку пока еще кажется, что он сам входит в сеть, умело ее плетет и для себя и своей выгоды лишь ею столь же умело пользуется. Не отрицая этого все-еще-человеческого вообразительного момента, следует обратить внимание на другой — уже встречный момент, он же и постчеловеческий: человек (он же «челомуш») втягивается в сеть самой же этой сетью, ею в себе удерживается и ею же немало управляется. Не человек всего лишь владеет сетью и ее просто пользуется в своей выгоде, а сеть овладевает человеком и им пользуется, но уже в своих — сетевых — интересах.

Без сети человеку теперь ни шагу, ни акта делового, ни даже рабочей мысли! — вот, собственно, и вся *сетевая революция!*

Тут важно иметь в виду, что наряду с мириадами «челомушей» и «чипомушей» в сети сидят еще и «челопауки» и «чипопауки», которые

располагают возможностью выплестать сети, их под себя конструировать, но при этом и вводить в сети желательную им и им подконтрольную информацию, подавать управленческие сигналы, расставлять всякие невидимые вехи, вводить заведомые ограничения, подбрасывать дезу, водить «чипомушей» за нос, а в итоге — владеть сетью и поведением, наполнять сеть потребной для них информацией, управлять сетевыми информпотоками и сидящими в сети агентами, в необходимой доле и непременно элементами-моментами.

Дело идет к тому, что вместо социума, и так уже сетевого, человечество вскорости получит некий *сетиум*, в котором ничего от социума уже попросту не останется. Не социум, составленный человеками или уже составленный из человек, а *сетиум* — с сидящими в нем... э-э... постчеловеками — всеми этими вскормленными научно-техническим прогрессом уродцами: «челомушами» и «чипомушами», как и «человеями» и «чиповеями», ну и киборгами тоже. Здравомыслящие ученые, разумеется, скажут, что все это с нашей стороны глупые фантазии и ретроградные наговоры, что человеки и социум остаются человеками и социумом, что мир человеческий лишь попросту технически обогащается, что творческие возможности человека необыкновенно возрастают, что впереди лишь новое, но вполне человеческое, а может, и самое человеческое из всех уже состоявшихся, бытие.

Да, конечно, можно рассуждать и так, не опасаясь никакой неожиданной трансмутации человека в иное человекообразное существо, а человечество в иное совокупное целое вроде муравейника или термитника. Можно! Но разве можно при этом не замечать уже происходящих с человеком и с обществом мутационных перемен, как раз свидетельствующих о наступлении на человека и общество не чего-нибудь, а именно всеобъемлющей и всетрансформирующей сети? Совсем еще недавно, каких-нибудь полвека назад, о социальных сообществах (фабричных, сельских, учрежденческих, институтских, школьных, даже и военных) можно было говорить, как о больших семьях или же обширных общинах с соответствующим присутствием в них членов этих семей и общин — человек, то сегодня, в XXI в., в той же России мы все более наблюдаем неявно, незаметно, невыраженно *организованные сетевые массы*... может, еще и людей, но... все-таки *массы*, да и в чем-то уже *других* людей, сообразованных в массовидную целостность некой невидимой, виртуальной, прозрачной... сетью или же сообразованных в сеть — сетью же, что в принципе не так уж и важно.

Корпоратив, пардон, не собрание коллектива; акционерное собрание вовсе не совместно-трудовое времяпрепровождение; компьютерная связь вовсе не личное общение, даже и не рукописменное; электронное правительство — не реальное правительство, а прямо-таки преисподнее водительство. Теперь не фабрики, не учреждения, не институты, не школы, не гарнизоны, а... *сети*, сетевые клубочки, скопления, завязи... что там еще у нас сетевое — безликое, безлюдное, прозрачное, клетчатое, внешнее, путаное, равнодушное?

«Бездна бездну призывает!» Социальная бездна — бездну сетевую! Бездна бездну замещает! Сетевая — социальную! Преувеличение? Ничуть! А если еще к компьютерам добавить разного рода аппаратики и чипики, которые сами суть элементы сетей и к сетям человека как раз и подключают, и держат его там, и не отпускают его, и им управляют. А живляемые в тело, в мозг и даже в душу электронные чипчики, еще и содержащие всю необходимую для всего жизнеотправления человека — уже бывшего человека — информацию, все потребное «чиповею» знание, как и возможность-способность его «чиповейского» творчества и самоуправления, замещающая память, навыки, опыт, внутреннее органичное знание внешней технической атрибутикой, всюду и всегда сопровождающей и всецело ведущей то ли еще человека, то ли уже постчеловека, то явление нашего замечательного сетиума окажется уже совершенно демонстративным и вполне обоснованным.

Так или иначе, но уже не социум-сеть и даже не сеть-социум, а именно *сетиум*. Это факт, который полезно уже знать и осознать, с которым можно, конечно, и не считаться, но который от этого не перестает быть фактом, и фактом не то чтобы тревожным, а вполне и убийственным. Уже сейчас перед нами технизированный «че-е-к»-аутист (что-то вроде лунатика при дневном свете), а что ожидать дальше?

Кому страшно подумать, а кому не страшно и не думать, но впереди очень большая трансмутация — от кроманьонца к... точнее... от человека к сверхчеловеку — из элит и для элит, как и к недочеловеку тоже — из низов и для низов, но в любом варианте — к *пост*-человеку, то бишь в том или ином образе уже за пределы самого человеческого вида.

Так это будет или нет, кто знает, но... человек творящий, взявший на себя функцию пересотворения мира и человека, сотворяет (в содружестве с наукой и техникой) нового человекообраза —

постчеловеческого — и новое человеествообразие — тоже уже постчеловеческое!

А что сеть и сетиум? Отойдут ли они в прошлое по завершении трансмутации или же, наоборот, окончательно или бесповоротно восторжествуют? Большой и трудный вопрос, но ежели учесть, что вряд ли сверхчеловек (он и сетевой «чипопаук») и будущий недочеловек (он же и сетевой «чиповей») смогут обходиться без априорно заданной и всю опережающей их сети, то скорее всего история станет омертвевшим свидетелем действительного торжества сети и соответствующего этому торжеству конца земной истории земного — божеского-де! — человека, а следственно, и всего человечества.

Постчеловек и постчеловечество — все-таки не человек и не человечество!

Так это будет или не так, трудно сказать, скорее всего, не так, но в то же время и... так, хотя не исключено, что более всего как раз именно так, чем не так, а потому одно ясно: будет заманчиво и отталкивающе, интересно и отвратительно, как и страшно, очень страшно и... совсем не страшно, ибо человек на то и человек, чтобы стремиться к неведомому и при этом ичего не бояться!

Ф.И. ГИРЕНКО

Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский

Аннотация. В статье анализируются два концепта Софии — концепт П. Флоренского и концепт С. Булгакова. Сопоставив их, автор приходит к выводу о том, что для Флоренского София — это красота, а для Булгакова София — это греза.

Ключевые слова: П. Флоренский, С. Булгаков, София, смерть, Бог, красота, греза.

Abstract. In article two concepts of Sofia — a concept of the P. Florensky and S. Bulgakov's concept are analyzed. Having compared them, the author comes to a conclusion that for Florensky Sofia is a beauty, and for Bulgakov Sofiya is a dream.

Keywords: P. Florensky, S. Bulgakov, Sofia, death, God, beauty, dream.

В русской философии было придумано два концепта. Первый — евразийство, второй — софиология. И оба спорные. В чем же состоит суть спора о Софии?

Формально суть спора состоит в следующем. Поскольку Бог понимается как Премудрость, постольку Премудрость нельзя понимать в качестве Бога. Но что тогда есть Премудрость? Нужно ли ее понимать как абстракцию или она есть некое живое существо? Так в русской философии возник запоздалый спор реалистов и номиналистов. Неформально в споре о Софии решался вопрос о том, есть ли что-то за душой у русской философии или у нее нет ничего? Может ли она сказать что-то новое или не может? По существу в споре о Софии речь шла о судьбе русского самосознания. Надо ли было на нем поставить крест или оно как ни в чем не бывало продолжало существовать и после социальной катастрофы, но только уже вне связи с привычными формами православной веры. В это время и в Европе люди также отвернулись от христианства. Они почувствовали себя самодостаточными. Люди были здесь, наедине с цивилизацией, а Бог был где-то там, в другом мире, далеко от них. В результате мир остался без Бога, а Бог без мира. На место бога человек вынужден был поставить самого себя. В этой ситуации софиология решила миру вернуть Бога, а Богу — человека. Получилось ли у нее что-нибудь из этого или нет?

Отказ от софийности означал крах проекта под названием «русская философия», крах русского сознания. Согласие с идеей софийности на деле означало реформацию православия, изменение христианства посредством полного церковного объединения. По словам А. Аржаковского, Булгаков говорил: «Мы стоим лицом к лицу с христианами Запада и с миром язычества и это в то время, когда происходят гигантские мировые катаклизмы...» [1]. Время шло, а полное единство христиан все не наступало и не наступало.

Флоренский

Флоренский в работе «Столп и утверждение истины» приводит несколько определений всеединства Соловьева затем, чтобы отказаться от всеединства. Он пишет: «Мы... употребив в тексте определение Соловьева, должны оговориться, что берем его лишь формально, вовсе не вкладывая соловьевского истолкования; доказательство тому — все наше сочинение, стоящее по духу антиномичности против примирительной философии В. Соловьева» [2, 612].

Поскольку в списке работ Соловьева, цитируемых Флоренским, нет указаний на «Три силы» и на «Софию», постольку можно предположить, что в этих работах всеединство Соловьева менее всего

примирило и более всего обращало внимание на третий род существования, в основе которого лежит парадокс. Но у Флоренского особое отношение к числу «три». Для него число «три» не имеет порядка. Оно относится к тому, что лежит за пределами последовательности. Например, оно относится к внутренней жизни Божественной Троицы, о которой никто ничего не может сказать прямо, ибо ни у кого нет опыта этой жизни. Но Бог и мир как-то связаны. Они соприкасаются друг с другом. И этим их соприкосновением вечно рождается то, что Флоренский называет «четвертым ипостасным элементом», т. е. Софией. Неопишущим актом Бог и человек, говорит Флоренский, содействуют друг другу в любви.

Иными словами, София понимается Флоренским не как всеединство любви и зла, а как любовь Бога к твари и твари к Богу. София — это, по словам Флоренского, «творческая любовь Бога». Но там, где есть творчество, не может быть всеединства. А там, где есть всеединство, не может быть творчества. Для Флоренского Бог — художник. Он привязан к человеку так же, как художник привязан к своему творению: «Оставаясь всемогущим, Бог относится к своему же созданию как бы не всемогущий: не принуждает тварь, а убеждает, не заставляя, а просит» [2, 324].

Антиномичность заставляет Флоренского мыслить взаимодействие Бога и мира по модели «слоеного пирога». В нем сущность не предшествует существованию, а существование не предшествует сущности. Между Богом и миром нет никакого временного предшествования. Они есть во всякое время, и во всякое время между ними лежит онтологическая пропасть. Если бы этой пропасти не было, то меняя сущность, можно было бы изменить и существование, и, наоборот, меняя существование, можно было бы изменить и сущность. Но жизнь не логический процесс, а софийный. И «Бог, — как скажет Флоренский, — мыслит вещами» [2, 326].

Бог мыслит вещами

Из этого понимания Бога следует, что нельзя удваивать вещи. Они не существуют один раз в пространстве и времени, а другой раз — в уме Бога. Бог мыслит не замыслами, не понятиями, не идеями вещей, а самими вещами. Именно поэтому не существует несовершенных вещей. Но если он мыслит вещами, то как тогда понимать Софию? Разве София — это собрание вещей? Ведь проще всего ее можно было бы представить как некое множество первообразов и первоидей, благодаря которым Бог может, глядя на идею вещи, создать вещь. В такой онтологии есть место всем: и Богу, и Софии, и вещам.

Флоренский отказывается от такого понимания Софии, потому что оно удваивает мир и между двумя мирами создает временной зазор. Но Бог не ремесленник. Бог и мир абсолютно несоизмеримы. Что предлагает Флоренский?

След вечного

София — не вечность. София — это следы вечности во времени. Или, как говорит Флоренский, это «цельное естество твари» [2, 344]. В ней нет ничего субъективного. Она не только энергийна, но и субстанциальна, т. е. вещна. При желании Софию можно увидеть и даже потрогать руками. Флоренский пишет: «Премудрость в твари есть не только деятельность, но и субстанция; она имеет существенный, массивный, вещный характер» [2, 346]. И поэтому Анна Шмидт имела полное право называть себя Софией, следом вечного. А Соловьев на тех же самых основаниях имел полное право морщиться, отворачиваясь от этого следа вечности, которому, на его взгляд, не доставало небесной красоты.

Предсуществование

Предсуществование можно понимать двояко. Во-первых, как временное отношение «раньше-позже», во-вторых, как отношение полноты существования «полное — неполное». Полное — высшая реальность, неполное — низшая. В первом случае низводят вечное к временному, во втором — указывают на то, что полная реальность может восприниматься и как предшествующее, и как последующее.

Что значит существовать? Для Флоренского это значить быть мыслимым. Кого знает Бог, тот обладает реальностью. Кого он не знает, тот существует как призрак, как симулякр. Его вовсе нет, он лишь кажется существующим. Почему кажется? Потому что для него быть — значит, быть только во времени и не быть в вечности. А быть во времени — значит, существовать по законам восприятия. И это существование видимости нельзя будет помыслить, его можно будет только видеть. Поэтому бессмысленно спрашивать, говорит Флоренский, почему какое-то явление возникает в определенное время. Например, почему 1912 г. идет после 1911 г., а не после 1915 г.. Этот вопрос имел бы смысл, если бы Бог мыслил восприятиями, но он мыслит вещами.

Поскольку Бог мыслит вещами, постольку между ним и миром нет никаких посредников, нет какой-то особой сферы идей. Его творение само по себе мудро устроено. Если у Соловьева София — посредница, то у Флоренского София не посредница между высоким и низким, а красота. Она не примиряет, не объединяет и не образует третий род бытия, она светится совершенством высокого в несовершенстве

низкого. София отпечатывается в мире вещей и воспринимается как след, как печать абсолютного. В едином — она едина. Во многом — множественна. В первом случае она есть образуемое содержание разума, во втором — образующее. В первом случае она активна, во втором — пассивна. Из несовершенного мира совершенное воспринимается как идеальная личность человека, т. е. идеальное находится не там, в голове у Бога, а здесь, в мире вещей, в котором она воспринимается как проблеск вечного.

Красота

Проблеск вечности в мире — это красота. Софиология Флоренского строится как рассказ о зыбкой подвижности красоты, ее, подобно огню, ускользающей энтелехии и одновременно о структурированности ее образа, в котором видимое не мыслимо, а мыслимое не видимо. Мы видим красоту, не зная, что такое красота. Мы видим ее вне связи со знанием.

Если София есть вся тварь, то человечество — это красота твари. Если София есть все человечество, то красота людей в церкви. Если София есть Церковь, то красота ее в святых. Если София есть святые, то красота их в Матери Божией. Если София есть Мать Божия, то красота в ее душе. «Только София, одна лишь София есть существенная красота во всей твари; а все прочее — лишь мишура и нарядность одежды...» [2, 351].

Софиология Флоренского отличается от софиологии Соловьева еще и личностно. По словам Розанова, Соловьев — человек странный и страшный. Он считал себя выше всех, выше России и выше Церкви. Его учение о Софии носило абстрактный, вселенский характер, в нем он допустил «большую муть» (Бердяев). Флоренский хранителем софийности определил русский народ, который молился перед иконами с изображениями Софии Премудрости Божией. А это значит, что русская философия должна была решать не вселенские задачи, а одну задачу, а именно: открывать миру душу этого народа или, что то же самое, раскрывать миру софиологию в качестве венца христианского учения. Показать софийный смысл христианских догматов решился Булгаков, который с неистовостью первооткрывателя истины стал, по его же словам, доделывать то, что не доделали до него первые вселенские соборы: решать христологическую проблему, используя понятие Софии.

Освобождение от научности

В «Свете Невечернем» Булгаков рассказывает о своей встрече с Софией, освободившей его от упоения миром, от панического страха перед «научностью» и ее синедрином. «Я был, — пишет Булгаков, —

как в тисках, в плену у „научности“, этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков» [3, 22]. Вдруг однажды с ним заговорило некое Оно. И это «Оно» фактом бытия своего испепелило у Булгакова все преграды, все научные предрассудки и освободило его ум из культурного плена.

Двойное «ни — ни»

Свое понимание Софии Булгаков излагает следующим образом. «Божество... полагает между Собой и миром некую грань, и эта грань, которая по самому понятию своему, находится между Богом и миром, Творцом и тварью, сама по себе не есть ни то, ни другое, а нечто совершенно особое, одновременно соединяющее и разъединяющее то и другое...» [3, 332].

Из этого фрагмента следует несколько выводов. Во-первых, София — это то, что находится в некоем «между». Во-вторых, она не есть ни то, ни другое из того, что образует это «между». В-третьих, ее работа состоит в том, чтобы соединяя, разъединять.

В первом случае София должна мыслиться как посредница. Но как посредница она должна быть одновременно и с тем, и с другим, т. е. касаться того, что она опосредует. Однако София не может быть одновременно и Богом, и тварью. Ведь это место уже занято. Его занял Христос — богочеловек, который мыслится как конъюнктивный синтез «и... и». София Премудрость Божия мыслится как синтез в негации. Она относится только к Христу распятому, к Богу в его предельном отчуждении от самого себя. Распятие — это софийная точка, в которой человек бесконечно далек от самого себя и как никогда близок Богу, а Бог страшно близок к человеку и более всего удален от себя. В ней Бог бездействует, и это есть его умирание. В ней человек далек от мира, и это есть его приближение к вечности. Поэтому Булгаков мыслит Софию посредством двойного отрицания. Она не есть ни нечто божественное, ни нечто тварное, но что же тогда она есть? Булгаков говорит, что она есть нечто особенное. Она есть Крест. Начало пути Бога к человеку, а человека — к Богу. Вернее, крест есть как софийная точка перехода абсолютно несоизмеримых миров: Бога и человека. Нечто похожее на то, о чем можно было высказаться только не законами рожденными суждениями, что Платон называл третьим началом мира, материей.

Во втором случае следует обратить внимание на то, что София, определяемая через двойное отрицание, не может быть посредницей. Для нее нет никакого «между», ибо у нее нет локализации в пространстве. Она вообще не может находиться «между» в силу своей неопределенности. У нее может быть локализация в восприятии, в сознании, в слухе.

В третьем случае речь идет о разъединительном синтезе. Чтобы осуществить этот синтез, нужно уметь выходить из себя, из своей неопределенности. В этом случае София становится «незаконнорожденным суждением», отрицанием своей негативности и утверждением особенности третьего. София как третье вводится Булгаковым посредством обособления потенциальности.

София как обособленная потенциальность

София не Бог, она является началом пути Бога. София и не тварь, она ангел — хранитель твари. Как начало пути она исток потока времени, в котором реализуется возможное.

Обособление потенциального означает разрушение непрерывно длящегося настоящего. Благодаря Софии мы теряем настоящее, помещая его или в прошлое, или в будущее. По мысли Булгакова, время не может начинаться непосредственно в вечности. Оно начинается в чем-то третьем, в том, что не есть ни дуализм, ни монизм, а есть, по словам Булгакова, «монодуализм» [4, 331]. Это третье и есть София, вернее, то, из чего (или в чем) течет время. София есть не что иное, как третий род существования, который нельзя описать в бинарных терминах. Поскольку София выходит за пределы бинарности, постольку она в меньшей степени сопряжена с логосом и в большей степени сопряжена с безумием. Как третий род София помещается Булгаковым между вечностью и временем. Самораздвоение Софии на небесное и земное означает не распад Бога, не его разложение, а его защиту от относительного. На небе София небесная, на земле она земная. Ее переход с одной орбиты на другую не требует прохождения через середину, не требует времени. В этом смысле София заумна, т. е. она не улавливается понятийной оппозицией «абсолютного и относительного, вечного и временного, божественного и тварного» [3, 338]. Конечно, человеку нужна логика, но Богу не нужна наша рассудительность. Он зовет нас к безумию своей любви. Бог может обойтись и без нас в своем деле, ибо он знает свои пути.

София как греза Бога

У Флоренского Бог мыслит вещами. У Булгакова Он грезит. У него София — это греза Бога. А мир — это его всего лишь «законченное самооткровение», объективация грезы. София не есть ни совокупность всей твари, ни божество. Софию нельзя мыслить как идеальное представление. Булгаков пишет: «София... необходимо есть живая умная сущность, ибо не призрачную отвлеченность и мертвость любит Бог, все же конкретное, достойное любви, живо...» [3, 332]. Действительно, каким образом возникает вся эта зыбь реальности,

волны и пена на поверхности Абсолютного? Ведь если в Боге есть идеи относительного, то Он не может создать ничего нового. И софиология лишает Бога творчества. Греза — это не идея. Это то, что можно объективировать, локализовать. Булгаков пишет: «А если относительное есть только иллюзия, то возникает снова вопрос: чья же то иллюзия? кто грезит? о чем? какова природа этих грез?» [3, 280]. Если Бог желает, любит, хочет, то он не может не грезить. София — это греза Бога, предоставленного самому себе. Или, как говорит Булгаков, это есть обособленная потенциальность. Мир как объективированная греза един и множествен, но он не совечен Богу. Греза неотделима от Бога, но она не Бог. Греза как объективация неотделима от мира, но она и не мир. Если к Богу нельзя ничего ни прибавить, ни отнять от него, то София все же как греза прибавляет к Нему и отнимает от Него, возвращая Богу творчество. Человек подобен Богу в том смысле, что он, как Бог, грезит и, как Бог, объективирует свои грезы. Но эти объективации уже второго уровня. Их несовершенство от человека, а не от Бога.

Булгаков пишет: «мир и София вовсе не образуют двух начал или миров, находящихся в том или ином отношении между собою, это — один и тот же мир» [3, 349]. Мир есть София, и, говорит Булгаков, не есть София. Мир — это не зеркало, в котором отражается София. В софиологии относительное приставлено к абсолютному и сопровождает его, как Маргарита мастера, во всяких делах. Относительное не дает ему возможности вернуться к себе самому. В присутствии относительного абсолютное не может быть абсолютным. Другой, приставленный к Богу Соловьевым, не позволяет Богу быть самим собой. То есть проблема заключается не в том, чтобы разъяснить, как из абсолютного появляется относительное, а в том, чтобы проследить, как абсолютное может оставаться абсолютным в окружении множественного.

Трубецкой в работе «Смысл жизни» обвинил Булгакова в том, что он лишает человека свободы. Ведь если замысел Божий — это субстанция человека, то человек волей-неволей будет явлением этой субстанции. Тем самым его свобода обращается в ничто. Но суть дела состоит не в том, что Бог лишает человека свободы, а в том, что человек как нечто совечное Богу лишает его свободы. Идея богочеловечества, соединяющего в себе тварное и божественное, не только замещает Христа во время его отсутствия на земле, но и делает ненужным Его возвращение.

Между Богом и человеком нужно было поставить барьер, преграду, которая бы защитила Бога от богочеловечества. Эту преграду Булгаков нашел в Софии, наделив ее функцией разъединительного синтеза.

Идея богочеловечества

Проблема богочеловечества состоит в том, что она полагает неразрывной связь Бога и человека, Бога и сотворенного Им мира. Если принять идею богочеловечества, то мы не сможем мыслить Бога самого по себе, вне связи с человеком. А это значит, что мы уже заранее полагаем, что человек — это удача в творении Бога. Беда в том, что это творение начинает преследовать Бога, мешая Ему быть самим собой. Софийность же — это начало пути Бога, то, что на один шаг опережает появление его творения. Это онтологическое предшествование Бога. Идея богочеловечества лишает Бога начала пути, она лишает его софийности, того, что предвещает появление мира. То есть Премудрость Софии состоит в том, что она заставляет мир какое-то мгновение подождать пока Богом будет сотворен мир. Булгаков говорит о «любви к миру в Боге», но это не значит, что не возможен мир как «пустой дом», оставленный господами [4, 334]. Если логос связывает мир и Бога, то София дает Ему возможность быть наедине с собой. Поэтому «в софийном миропонимании, — говорит Булгаков, — лежит будущее христианства» [4, 335].

О софийности смерти

«Нельзя сказать о смерти, что она софийна, — это было бы смешным и странным парадоксом...» — говорит Булгаков. И, тем не менее, продолжает он, смерть софийна, ибо она «дает свободу от тяготы мира, и без нее эта свобода недостижима» [5, 380].

В рассуждениях о смерти ссылки на Бога неуместны. Почему? Потому что Бог смерти не создавал. Ее создал человек. А поскольку люди делятся на тех, кто живет в области возможного и на тех, кто живет в области невозможного, постольку смерть может быть софийной и асофийной. Софийная смерть — это действие посредством невозможного. Асофийная смерть — это действие посредством возможного. В первом случае, чтобы быть нужно отказаться от себя. Во втором случае, чтобы быть нужно отказаться от встречи с собой.

Никто из людей не дан самому себе полностью. Все требуют своего завершения. Завершает человека не другой человек, а смерть. Этой мыслью Булгаков отличается от так называемых «диалогистов». Человек, пишет Булгаков, «в свете смерти являет себя себе». Если бы не было смерти, то люди не узнали бы о том, что они люди. Смерть удостоверяет каждого: это ты, говорит она, можешь проходить на свое место. Откуда место? От Бога. Он хотя смерти и не создавал, но место для нее предусмотрительно, т. е. софийно, приготовил. Смерть софийна уже потому, что она тебя предъявляет тебе, ценой отказа от

себя. Если же ты в ней не встретишься с собой, то смерть твоя будет натуральной, асофийной.

Булгаков пишет: «все тебе дано, даже ты сам, тебе же принадлежит, от тебя пришло только... подполье...» [3, 286]. Подполье построено из «кирпичей» относительного в предположении, что оно прочнее абсолютного. Кто не хочет себя в своей самости? Все хотят быть в порядке перед собой. Ведь принадлежность мира и других людей твоему сознанию так естественна. Так просто быть солипсистом. И так мучительно неестественна твоя принадлежность сознанию другого человека, в котором тебе совсем не хочется существовать. Умереть замурованным в своей субъективности – значит умереть натурально, как животное, без ужаса перед адом и без зова к Богу. Если во мне от меня только подполье и я загоняю себя в этот подвал, в эту пещеру, то я враг самому себе. Я отношусь к себе как к другому. Я безнадежно раздвоен. Если бы не было смерти, то самообман веры в себя так бы никогда и не был раскрыт.

Софийность смерти состоит в том, что она раскрывает этот обман и говорит: относительное только относительно, а абсолютное абсолютно. И вместе им не поможет сойтись никакая диалектика. Только в смерти человек понимает, что ему гордиться нечем, что он, по словам Булгаков, мнимая величина, получившая реальность. Смерть помогает человеку забыть свое я и «постигнуть безмерную одаренность травки, воробья, каждого творения Божия» [3, 287]. Бог не ждет, когда сахар растает в стакане. Для него нет различия между свободой и несвободой, между грезой и данностью. Поэтому в нем нет места злу. Зло идет от человека, от того, кто в своем творческом самоопределении ждет, когда сахар растает в его стакане.

Софийность смерти состоит в том, что она не дает возможности злу повсеместно распространиться. Всякая смерть одной своей стороной обращена к ничто, а другой — к Богу. Если твой центр — это я, вокруг которого ты вращаешься, то смерть тебе покажет себя со сторон небытия. И будет она несофийной. Страдание не выйдет за пределы того, кто страдает. Его боль будет только его болью. Если сдвинуть центр из себя за пределы себя, то смерть покажет себя с другой стороны: светлой и радостной. Страдание одного становится страданием всех.

Христос не умер в тот далекий от нас день. Он все еще умирает в наших душах. Он умирает с каждым умирающим человеком. И пока он умирает в нас, мы умираем вместе с ним.

София и русское сознание

София нужна русскому сознанию. Почему? Потому что нам нужно третье измерение. Всем нужен ум. Нам нужно безумие веры, ибо мы все время живем и выживаем силой абсурда.

София не совпадает с логосом. Она заставляет нас считаться с тем, что выходит за пределы субъект-объектной дуальности, она вводит в нашу жизнь ритмы, субъектами которых мы не являемся, но которые нам нужно учиться улавливать. Софиология строится на обломках европейского когитального сознания, в ситуации полной неопределенности действия и абсолютной непрозрачности сознания. София является для нас позитивным способом осознания себя отличными от Европы. И одновременно это такая ментальная сущность, которая заставляет нас отличать себя от Востока. Мы не Запад, но мы и не Восток. Мы не действуем, но мы и не бездействуем. Стирание метафизической определенности Софии, отказ от нее, делает бессмысленным существование России. Без Софии мы становимся уродами Европы, их вечным пугалом и одновременно причиной их привязанности к скрытому желанию облагородить наше уродство.

Конечно, софиология Соловьева оказалась не самым удачным изобретением русского сознания. Почему случилась неудача? Потому что русская философия не поняла, что там, где заканчивается Запад, начинается не Восток, там начинается Россия. Это начало нельзя было разглядеть в терминах всеединства.

В XIX в. у России было два пути: национальный и имперский. В первом случае русские должны были стать нацией и создать национальную экономику и национальное государство. Во втором случае мы могли бы существовать как имперский народ с имперским государством и имперской экономикой. В первом случае нам пришлось бы православную идентичность заменить национальной. Во втором случае мы могли бы сохранить свою идентичность. Нам нужна была бы только идея империи.

Соловьев не принял ни первого, ни второго. Он предложил нам путь всеединства, далее всего продвигавшего нас на Запад. Соловьев думал, что София в один прекрасный момент свяжет нас с Западом какой-то вяжущей связью, и возникнет богочеловечество. Но София нас не связала, и богочеловечество не возникло. Последующее развитие показало, что хотя мир и софиен, но он не всеедин. Софиология скрывает от нас истину о том, что мир абсурден и что человеку нужно учиться жить в мире абсурда, в котором концы и начала никак не связаны. Образ Софии требует от нас не гнозиса, не рассудительности, а веры. Вера же слепа и возможна только силой абсурда.

Верить — значит отказаться от философии, философствовать — значит не верить. Софиология — это безнадежная попытка соединить веру и философию.

Литература

1. *Аржаковский А.* Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в Париже // http://krotov.info/library/02_b/ul/gakov_s_004.html.
2. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 2. М., 1990.
3. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001.
4. *Булгаков С.Н.* Центральная проблема софиологии // Булгаков С.Н. Тихие думы. Этика, культура, софиология. СПб., 2008.
5. *Булгаков С.Н.* Софиология смерти // Булгаков С.Н. Тихие думы. Этика, культура, софиология. СПб., 2008.

Н.Н. РОСТОВА

Сакральное и аффект

Аннотация. В статье рассматривается сакральное как посредник между человеком и миром, который позволяет избавить человека от природного детерминизма и объяснить эмоцию и сознание. Автор сопоставляет теории сакрального и аффекта Ж. Батая и П. Флоренского. А также анализирует концепции гнева и насилия П. Флоренского и Р. Жирара.

Ключевые слова: сакральное, культ, гнев, насилие, аффект, эмоция, сознание, человек.

Abstract. In article it is considered sacral as the intermediary between the person and the world which allows to relieve the person of a natural determinism and to explain emotion and consciousness. The author compares sacral and affect theories of G. Bataille and P. Florensky. And also analyzes concepts of anger and violence of P. Florensky and R. Girard.

Keywords: sacral, cult, anger, violence, affect, emotion, consciousness, person.

Тема сакрального затрагивает аффективную жизнь человека и общества. Еще Э. Дюркгейм пытался соотнести представление об амбивалентности сакрального с состояниями, которые переживает

общество. Взаимному переходу друг в друга противоположных полюсов сакрального соответствует чередование различных общественных настроений. Например, смерть одного из членов коллектива воспринимается со страхом и ужасом, ибо коллектив чувствует себя ослабленным из-за потери своего члена и боится, что смерть будет дальше распространяться по группе. Но скорбное аффективное состояние сменяется радостной эйфорией, поскольку в коллективном изъятии скорби обнаруживается единство и сплоченность людей. Труп, вызывающий ужас, превращается в «доброе гения, всегда готового помочь тем, кого еще недавно он сам же мучил» [1, 37]. Один полюс сакрального сменяется на другой. Дюркгейм пишет: «Резюмируем сказанное: два полюса религиозной жизни соответствуют двум противоположным состояниям, через которые проходит жизнь любого общества. Между благоприятным и неблагоприятным сакральным — тот же контраст, что и между состояниями эйфории и дисфории» [1, 37]. Однако проблема заключается не столько в том, что сакральное охватывает весь диапазон чувствований, сколько в том, что оно оказывается тем механизмом, который эти чувствования радикально трансформирует.

Сакральное как специфика человека

Человек сам по себе непосредствен и аффективен, а потому требуется нечто, что позволит извлечь из него человеческое, неживотное. Один из философских ходов в этом случае заключается в том, чтобы ввести посредника между человеком и миром. Введение третьего звена позволяет избавить человека от природного детерминизма и объяснить сознание. Прямая связь между внешним стимулом и реакцией прерывается, и человек вместо того, чтобы обращаться к вещам, обращается на самого себя. Таким посредником может выступать идеальное (Э. Ильенков), символ (Э. Кассирер), язык (Б. Поршнев), воображение (Ю. Бородай) или, например, абсурд (Ф. Гиренок). В теории сакрального таким посредником служит само сакральное. Сакральное — это причина и условие человеческого. В этом представлении русская и европейская традиции в осмыслении сакрального едины (П. Флоренский, Ж. Батай), однако логика рассуждений и ее последствия различны.

Ж. Батай: влечение и тишина смерти

Батай пишет: «Ярко выраженное в человеческом обществе отношение к мертвым может быть представлено как противоположность человеческого мира животному» [2, 65]. Что это значит? Батай четко разграничивает животный мир и мир человеческий. Обоим мирам присуща социальность. Но только

человеческому миру присуще особое отношение к смерти. Смерть и связанные с ней отвращение и страх лежат в основе человеческих взаимодействий. Животные сообщества связаны взаимным влечением, в человеческих группах это взаимное влечение перестает играть первостепенную роль, уступая место отвращению. Человеческие влечения опосредованы сакральным ядром, которое представляет собой «объект фундаментального отвращения» [3, 91]. К этой табуированной и чудовищной сфере, по мнению Батая, относятся в первую очередь трупы, менструальная кровь и парии, т. е. все то, что вызывает тревогу перед смертью. Батай пишет: «Различные непристойности не представляют собой в сравнении с этой непристойности уже не вполне неприкосновенны и не в полной мере чудовищны» [3, 91]. Сакральное ядро аккумулирует в себе феномены смерти. Например, усопшие, погребенные под церковными плитами и в непосредственной близости от церкви, мощи святых, месса и жертвоприношения сообщают сакральному пространству силу отвращения, которая удерживает суету жизни на расстоянии и обеспечивает тишину. Отношения людей, утрачивая непосредственность, «глубоко изменяются», ибо между людьми начинает царить пространство молчания.

Батай приводит пример такого изменения, взяв две формы взаимного влечения людей — смех и сексуальные отношения. Непосредственный смех — это смех маленького ребенка. Здесь нет места двусмысленностям. В основе его лежит чистое удовольствие. Опосредованный смех — это случай девушки, которая не может удержаться от смеха, узнав о смерти знаменитого человека. В этом смехе наряду с удовольствием присутствует грусть. Или сексуальные отношения. Непосредственная сексуальность — это сексуальность как животная активность. Опосредованная сексуальность — это случай молодого человека, который всякий раз, присутствуя на похоронах, испытывал эрекцию. Или всякая человеческая сексуальность, которая, по мнению Батая, всегда опосредована отвращением к половым органам партнера. Как говорит Батай, «нечто вроде пространства молчания царит между мужчиной и женщиной и довлеет над ними, их же и очаровывая. Их отношения опосредованы и глубоко очеловечены...» [3, 98]. Вне подобного опосредования мы имеем дело не с феноменом антропологического, но с феноменом биосоциального. Батай пишет: «...отношения между людьми становятся словно лишены смысла, если пространство тишины не возникает между ними... Кажется, что только в той степени, в какой тяжелое молчание какого-

то трагического ужаса нависает над жизнью, эта жизнь становится человеческой» [3, 98—99].

Сакральное ядро, являющееся источником такого молчания, как говорит Батай, «извращает» природу человеческих отношений, переводя их из животного плана в человеческий. Если человеческие отношения перестанут проходить через такое опосредование, то они утратят свой человеческий характер. Но сакральное ядро не просто извращает отношения, одновременно оно подвергает их «трансмутации». То есть переводит угнетение в возбуждение, депрессию — в энергию, несущие гибель вещи — в объекты могущества и роскоши, принцип смерти — в принцип жизни. В этом заключается цель религиозных операций. Батай пишет: «ядро агломерации есть место, где левое сакральное трансформируется в правое, а объект отвращения — в объект влечения, депрессия — в эйфорию. Перенос тела усопшего в церковь с самого начала свидетельствовал об этом процессе» [4, 112]. Например, труп изначально проявляет левый аспект сакрального и ассоциируется с несчастьем. Но после ритуального очищения, в результате которого исчезают признаки гниения, побелевшие кости воспринимаются как чистые и приносящие счастье [4, 111]. Как же происходит трансформация? Батай считает, что эта трансформация является бессознательной, автоматической и возможна лишь в коллективе: «Невозможно внутри себя самого трансформировать испытанную боль в простое напряжение. Но то, что не удается в ходе жизни отдельного индивида, осуществляется в его движении к другому. Следовательно, этот процесс с самого начала имеет социальный характер» [3, 97]. Видимо, логика Батая в данном случае аналогична логике Дюркгейма. Силой обнаруженной сплоченности коллектива депрессия превращается в энергию. При этом Батай считает, что такая трансформация обеспечивает «целостность человеческой природы».

Таким образом, Батай идет дальше Дюркгейма, он говорит не просто о трансформации эмоций, но об их учреждении. Извращающее сакральное ядро пропускает аффект через опосредование феноменами смерти и извлекает из него человеческую эмоцию. Однако Батай говорит не столько о человеческой эмоции, сколько о коллективных человеческих эмоциях [3, 99]. Он обращается не к человеку самому по себе, но к человеку, обращенному к другому, свидетельством чему служат речевые обороты Батая — «совместное человеческое существование», «отношения между двумя людьми» [3, 91], «взаимное влечение людей», «взаимодействие» людей [3, 92] и т. п. Так, он пишет: «Все наводит на мысль, что люди первых времен были объединены общим ужасом и отвращением, непреодолимым страхом

перед тем, что на самом деле было притягательным центром их союза» [3, 91]. Для Батая речь идет не столько об учреждении человека, сколько об учреждении общества. Иной стратегии придерживается Флоренский.

II. Флоренский: аффектопорождающая бездна и культ

Флоренский говорит о человеке как об аффектопорождающей бездне: «природа человека — бездна, аффектопорождающая и в себе самой ничего, кроме аффектов, не содержащая» [5, 129]. Культ — это то, что преобразует аффект, претворяя животное в человеческое. Флоренский приводит пример самосвидетельства культа — песнопение из чина отпевания: «Надгробное рыдание творящее песнь «аллилуйя!...». В этом примере речь идет о превращении рыдания из-за смерти ближнего в хвалу Бога, или иначе о превращении тупой, животной боли в преображенную человеческую радость. Флоренский пишет: «Нечеловеческая, беспросветная, непреобразенная тьма отчаяния делается человеческою, когда осветляется, когда преображается, когда переходит в порывы хвалы Всевышнему... Не отменяется наша скорбь, не возбраняется, не отстраняется, не запирается в подполье души — нет. Это значило бы надорвать душу... Это значило бы тупую боль животного оставить у животного — оставить человека животным» [5, 128]. Естественное культ переводит в священное, т. е. идеальное, субъективное — в объективное. Каким образом?

Культ работает со всем человеком, со всеми его состояниями. Культ не калечит природу человека, не вычленяет из нее себе удобное, подавляя аффекты, но, напротив, дарует ей полную жизнь в претворении и освящении. Назначение культа, пишет Флоренский, «не запрещать естественные движения, не стеснять их, не урезывать богатство внутренней жизни, а напротив — утверждать это богатство в его полноте, закреплять, возвращать» [5, 129]. Культ не просто утверждает всю человеческую природу, но «доводит каждый аффект до его наибольшего возможного размаха, — открывая ему беспредельный простор выхода... Он не только позволяет выйти аффекту всецело, но и требует наибольшего его напряжения, вытягивает его, обостряет, как бы подсказывает, подстрекает на аффект. И, давая ему полное признание, утверждая аффект в правде его, культ преображает его... культ выявляет аффект, и выявляет даже сильнее и могучее, нежели может проявиться аффект естественно. Культ отменяет запреты и зовет к запрещенному» [5, 129].

Подстрекая, вызывая аффект, культ заставляет подчиниться его иной логике, из субъективного частного проявления сделаться объективным, из непосредственной реакции животного на внешний

стимул превратиться в движение, укорененное в самом человеке. Флоренский пишет: «Теперь аффект наш, сверху вызванный, существует уже сверхъестественно, более, чем естественно, и подчиняется не своим, а иным, несвойственным ему законам, втянутый в преднебесный вихрь. И, втянутый, он кружится в нем, восходя выше и выше, дальше и дальше от нашего земного, субъективного бытия; теперь он перестал быть нашим случайным состоянием и сделался объективно вселенскою правдою» [5, 129]. То есть реакция на внешний стимул сменяется на движение, источником которого является культ.

Мгновенные не отсылающие друг к другу состояния не есть явления сознания. Культ дает человеку форму, т. е. возводит аффект до эмоции, «вытягивает» аффект, структурирует его, соотносит со смыслом. Форма позволяет человеку высказать свое человеческое: «Культ дает исход слезам, подсказывает такие рыдания, каких нам ввек не придумать, — такие адекватные, такие каждому свои, каждому личные, — плачет с нами и за нас, слова такие говорит, которые именно — то самое, что хотелось бы нам сказать, но что мы никогда не сумели бы сказать, словом — придает нашему хаотическому, случайно слагающемуся... мутному индивидуальному горю форму вселенскую, форму чистой человечности, возводит его в нас, а тем — и нас самих в нем — до идеальной человечности, до самой природы человеческой, сотворенной по Христову подобию...» [5, 130]. То же касается горя, радости, муки, любых порывов и всех «немых и бескрылых волнений нашей души» [5, 132]. Движения души находят себе слово, т. е. форму. Это значит, что хаотичное порывистое состояние обретает историю, драматургию, переходя в план сознания. Случайное, локальное оказывается соотнесено с системой символов и смыслов, оно само становится осмысленным и неслучайным. Культ позволяет этим смыслам родиться в человеке. Он предоставляет пространство рождения человеческого.

Рассуждения Флоренского имеют несколько последствий.

1. Некоторые мыслители полагают, что культ не способен охватить и учесть все нюансы человеческой природы, поскольку распространяется лишь частично на человека и его жизнь, в остальном же человек принужден самостоятельно, т. е. вне культа распоряжаться собой. Например, что делать со смехом, если Христос никогда не смеялся. Как скажет В. Розанов, игра, шалость, улыбка, грация не совместимы с моно — цветком, «Сладчайшим Иисусом». Культ слишком серьезен. М. Бахтин объясняет появление «смеховой культуры» и «карнавального смеха» именно этой односторонней серьезностью христианского культа, которая привела к необходимости

создания вне его «отдушины», то пространства, где возможно шутство и веселость [6, 88 — 89]. Смех и другие эмоции в таком случае выводятся в отдельную сферу человеческой жизни, не учтенную культом, и рассматриваются как неприкаянные, ищущие своего выражения и удовлетворения вне религиозной системы тайнодействий, поскольку та не дает им возможности для своей реализации. Однако представление о культе, как о том, что объемлет всю аффективную сферу человека, ставит под вопрос подобную логику рассуждений, в том числе основания теории «смеховой культуры».

2. Флоренский, равно как Батай, говорит о культе как о посреднике между человеком и миром, заставляющем внешний детерминизм трансформироваться во внутренний. Но культ для Флоренского — это не просто пауза, зазор между природой и человеком, но также и форма. Культ дает аффекту форму, которая, «подстрекая», «вытягивая» аффект, учреждает человеческую эмоцию. Флоренский ставит для себя проблему сознания, в основе его теории лежит предположение о хаотической сущности человека, которую нечто, а именно культ, должно упорядочить. Для Батая это не является проблемой, ему важно лишь обеспечить разрыв.

В отличие от Батая Флоренский говорит именно о человеке и его состояниях, а не о коллективных отношениях, что, однако, не противоречит тому, что условием культа является множественность, а также тому, что культ удерживает единство мистериальной общины. Батай скорее склонен к признанию социального характера сознания, для него сознание учреждается в отношении к другому, через другого, тогда как для Флоренского сознание носит мистериальный характер, поскольку учреждается в отношении к Богу.

3. Объективная форма, согласно Флоренскому, позволяет трансформировать негативные состояния в позитивные, даря целостность и здоровье человеческой природы, но не силой коллектива, как у Батая, а силой Бога. Аффект, например, горе, он переносит из субъективного плана в объективный — на Христа, «улегчая» индивидуальное. Структура культа такова, что она позволяет изжить аффект. Есть, говорит Флоренский, сама Человечность, Церковь, которая в отличие от отдельного человека способна выслушать всякое человеческое слово, и притом внимательно, без пренебрежения, не гнушаясь «самым жалким лепетом». Культ преобразует это слово и тем исцеляет. Подстрекая, вызывая аффект, культ приводит его к кризису, прохождение через который дарует человеку успокоение. Культ содержит, как скажет Флоренский, систему пружин, позволяющих перераспределить

разрушительные человеческие силы по сторонам жизни, которые нуждаются в соответствующих толчках.

4. Культ для Флоренского связан не с феноменом смерти, как у Батая, но с объективным, идеальным, а потому здесь нет места для представления об амбивалентности сакрального, к которому склонна европейская философия и к которому русская традиция равнодушна.

Трансформация гнева: Р. Жирар и П. Флоренский

И русская, и европейская традиции в осмыслении сакрального сходятся в том, что основным человеческим аффектом является гнев. Однако дают прямо противоположные трактовки гнева и, соответственно, процесса его трансформации посредством религии. О гнев в русской традиции пишет П. Флоренский, в европейской — Р. Жирар.

Флоренский говорит о гнев как о центральном аффекте человека. На кого человек гневается? На бога. За что человек гневается на бога? За то, что бог дал человеку бесконечные возможности, но не дал самой абсолютности, оставив его конечным существом. Как победить гнев? Флоренский полагает, что аффект не должен подавляться, покорность лишь скрывает проблему, но не решает ее. Нужна не покорность, а равновесие, внутренний мир, а потому аффект должен изжить себя, удовлетвориться и, при том, сполна. Но гнев на бога может удовлетвориться только победой над богом, его растерзанием и убиением. Отсюда становится понятным кровавые культы. Пролитие священной крови — это попытка найти мир с миром божественным. Флоренский считает, что вокруг этого складывается религия: «Вероятно, это самые древние религиозные искания человечества — то зерно, около которого сложилась религия» [5, 146]. Почему исчезает кровная жертва? Флоренский объясняет это религиозно-факт тем, что с приходом христианства отпала необходимость в ней. Распятие Христа стало для человечества кульминацией в отношениях с богом. «В страданиях и крестной смерти Христовой человечество сорвало свой гнев на Бога», — пишет Флоренский [5, 143 — 144]. «Жидкая» кровь жертвенных животных и людей была заменена на саму кровь бога, и лишь эта «густая» кровь смогла удовлетворить аффект. Но кровь не исчезает из культа. Она остается в уплотненном виде в христианском культе в центральном таинстве Евхаристии. Как скажет Флоренский, количественная массивность ветхозаветного и других культов сменяется качественной напряженностью новозаветного культа. Новозаветный культ основан на регулярном пролитии священной крови, и участие в этом таинстве обеспечивает равновесие человеческой природы. Как говорит Флоренский, «Таинства спасают нас, ибо все таинства — это одна

Кровь Христова, насыщающая нашу ненасытимую алчбу» [5, 149]. Человек нуждается в постоянном восстановлении равновесия через таинства.

Для Жирана гнев — также ключ к человеку и к пониманию религии. Гнев, или насилие, Жирар понимает как неотъемлемую человеческую черту. Как то, что движет человеком, и от чего человек должен уклоняться. В человеке живет неосознанное насилие, которое требует удовлетворения. На кого направлено насилие? В отличие от Флоренского Жирар считает, что насилие направлено не на бога, но скорее изначально является безобъектным, поскольку присуще человеческой природе, хотя и может находить для себя причины, т. е. становиться объектным [7, 8]. Объектами насилия становятся себе подобные. Но как не стать жертвой насилия? Как сделать так, чтобы оно не принесло необратимых последствий? Жирар считает, что человечество придумало уловку, хитрость. Через религию человечество сумело перехитрить бессознательную силу, т. е. перенаправить ее в безопасное русло. Куда? На религиозную жертву, которая читается Жираром как отводной путь насилия. Бога нет, Бог — это тоже уловка. Неосознанное насилие прикрывается идеей, будто бог гневается и требует жертв, тогда как в действительности работает принцип замещения. Например, в Ветхом Завете Жирар этим объясняет братоубийство. Каин убил Авеля потому, что у него не было отводного пути для насилия, ибо он был земледельцем, а не скотоводом, как его брат. Авель мог перенаправить свое насилие на жертву из своего стада, Каин же не обладал столь убедительным заместителем [7, 11]. К подобному пониманию насилия и работы с ним религии склонны также Годфри Линхардт («Божество и опыт») и Виктор Тернер («Барабаны беды»). Взаимная агрессия и напряжение в коллективе, согласно этим авторам, переносятся на жертву и в ней разрешаются.

Жирар полагает, что замещение насилия играет социальную роль, обеспечивает устойчивость общества, поскольку жертва замещает всех членов общества и приносится всей группе. «Жертвоприношение, — пишет Жирар, — защищает сразу весь коллектив от его собственного насилия» [7, 15]. Для Флоренского, напротив, важна антропологическая сторона гнева и его регуляции, а не социальная, что, однако, не противоречит тому, что совместное богозаклание и богоедание являются основой общины, ибо через причастность множества одному и тому же образуется единое пространство понимания. Если для Флоренского гнев, как и любой аффект, должен быть преобразен, т. е. очеловечен, то Жирар не склонен разделять принципиальным образом животные сообщества и человеческие, а

потому работа с агрессией, ее перенаправление радикальным образом ее не трансформирует. Жирар приводит пример из «Агрессии» Лоренца, в котором говорится о виде рыб, которые прибегают к замещениям объекта насилия — если противник оказывается не доступным, рыба обращает насилие против своей семьи. Отличие человека в этом случае, по мнению Жирара, заключается лишь в том, что в человек не просто срывает свою ярость, но стремится в замещении защитить одних, более важных существ, и направить насилие на других, не имеющих значение существ. При этом религиозное регулирование насилия оказывается преходящим. Жирар понимает появление судебной системы в обществах как следствие «добровольного и единодушного отказа» от насилия, когда опасность мести и ее порочного круга сводится к минимуму, а потому необходимость в ритуальных замещениях отпадает [7, 29]. Теперь, скажет Жирар, мы не нуждаемся в религии. Судебная система не отклоняет и ослабляет месть, т. е. не замещает ее, но рационализирует ее, она занимается не профилактикой, но исправлением. В этом пункте рассуждения Флоренского кажутся более убедительными, поскольку не предполагают чудесной метаморфозы человеческой природы с приходом цивилизации, как если бы на место аффекта встала разумная воля, объективированная в судебной системе с принудительными исправительными механизмами.

Литература

1. *Зенкин С.Н.* Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М., 2012.
2. *Кайуа Р.* Животные сообщества // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004.
3. *Батай Ж.* Влечение и отвращение. 1. Тропизмы, сексуальность, смех и слезы // Коллеж социологии. СПб., 2004.
4. *Батай Ж.* Влечение и отвращение. 2. Социальная структура // Коллеж социологии. СПб., 2004.
5. *Флоренский П.А.* Собр. соч. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2004.
6. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
7. *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2010.

Э.А. КАМАЛОВ

Экономическая и техническая рациональность: источники легитимности

Аннотация. В статье анализируются некоторые источники легитимации экономической и технической рациональности; показывается влияние на данный процесс улучшения условий труда, протестантизма, концепции человека как homo faber; рассматриваются причины стойкости экономической и технической рациональности к критике.

Ключевые слова: рационализация, рациональность, экономическая рациональность, техническая рациональность, технократия, легитимность.

Abstract. This article examines some of the sources of legitimation of economic and technical rationality; displayed influence on the process improvement of working conditions, Protestantism, the concept of man as homo faber; shows the causes of resistance of the economic and technical rationality to criticism.

Keywords: rationalization, rationality, economic rationality, technical rationality, technocracy, legitimacy.

Как полагает Д. Белл, «...современное индустриальное общество является продуктом двух “новых людей” — инженера и экономиста — и связывающей их воедино концепции эффективности» [1, 372]. Дж.К. Гэлбрейт отмечает широкое распространение, а также властное преобладание технотехники (т. е. организованной группы технократов) [2, 113], их интересов и целей [2, 306]. Подобные обстоятельства свидетельствуют о росте рационализации — решения по важным вопросам все чаще принимаются профессионалами. Распространяемая этим процессом рациональность особого типа — это экономическая и техническая рациональность, общей целью которой является обеспечение эффективности использования ресурсов.

Многие известные авторы — такие как Л. Мамфорд [3, 235—236], Г. Маркузе [4, 15], Э. Фромм [5, 149], Г.Л. Тульчинский [6] и др. — подвергают, как нам кажется, весьма справедливой критике данную рациональность, поскольку она закрепощает человека в техническом аппарате, превращает его в ничтожный элемент огромной Мегамшины, относится к человеку как к средству, а не как к цели. Но, несмотря на это, обнаруживается много сторонников обозначенной нам рациональности. Целью данной статьи является попытка определить причины этой приверженности и источники

легитимности данной рациональности, которая постоянно расширяет сферу своего применения, несмотря на обозначенную нами критику.

Привязанность к отмеченной рациональности, как полагает Л. Мамфорд, проистекает, главным образом, из односторонней интерпретации раннего человеческого развития, в которой во главу угла ставится техника как основной фактор развития человеческого мозга и человеческой культуры. Подобная интерпретация приводит к пониманию человека как *homo faber* (человек изготавливающий), что легитимирует техническую рациональность в качестве основы человеческого сущности. Но сам Мамфорд имеет иную точку зрения. «Благодаря чрезмерно развитому, постоянно активному мозгу, — пишет он, — человек обладал большей умственной энергией, чем ему необходимо было для выживания на чисто животном уровне» [3, 228]. В связи с чем человек должен был находить выход этой энергии не только при добывании пищи и размножении, но и в процессе символического творчества. Как считает Мамфорд, эта культурная работа играла большую роль, нежели утилитарный ручной труд. Кроме того, она требовала контроля не только тела, но и сексуальной энергии, растущие эмоции человека, органы выделения, т. е. многие биологические функции его организма: «Орудийная техника и наша производная машинная техника являются лишь специализированными фрагментами биотехники: и под биотехникой понимается все необходимое человеку для жизни» [3, 228]. Техника, вплоть до нашего времени, говорит Мамфорд, никогда не была отделена от культурной целостности, и гораздо в меньшей степени она подчиняла себе все прочие институты. Даже греческое слово «*techniks*», говорит Мамфорд, не разделяет ремесло и искусство. В противоположность этому в наше время технические решения и изобретения, да и вообще вся техника, воспринимаются как нечто первичное, а эстетика, красота — как вторичное.

Техника в ранний период человеческой истории была жизнеориентированной, она выполняла более важную функцию — вносила порядок в каждую часть жизни человека. Лишь около 5 тыс. лет назад эта жизнеориентированная техника была замещена монотехникой, целью которой было увеличение власти и богатства. «Теперь работа над отдельной специализированной задачей, отделенная от других биологических и социальных действий, не только занимала полный день, но все больше завладевала всем жизненным временем» [3, 233]. Это стало отправной точкой автоматизации и механизации производства и подчинения человека технике.

Существенное влияние на укрепление технической рациональности и убеждения в естественной необходимости процесса рационализации сыграл протестантизм. Протестантизм, как полагает М. Вебер, чьи мысли на этот счет изложены в работе «Протестантская этика и дух капитализма», имел ключевое значение для легитимации «духа капитализма», для которого характерно стремление к систематическому рациональному получению максимальной прибыли в рамках своей профессии (или в рамках предприятия). Это стремление (известное также под формулой Д—Т—Д'), в конечном счете, ведет к тому, что деятельность человека направляется на рационализацию жизни в духе экономической и технической рациональности.

Протестантизм (в особенности кальвинизм), полагает Вебер, дает религиозно-психологический стимул для непосредственных рациональных действий. Для протестантов весьма важным был вопрос спасения, поскольку, согласно их воззрениям, Бог одних определил к спасению, других же к вечным мукам [7, 140]. Единственным способом удостовериться в собственном спасении оказывалась рациональная деятельность, поскольку через нее верующий сознает себя орудием Бога, исполняющим в миру Его волю (безусловно, рациональную) [7, 151].

В протестантской литературе, анализируемой Вебером, проводится мысль о том, что провидение Бога дало каждому профессию, с которой надо не мириться и покорно следовать, но которое есть требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его [7, 188—190]. Богатство, если причиной ему послужило рачительное исполнение своего долга, не просто не запрещено, а предписано. Нищенствование же осуждается как нарушающее апостольский завет любить ближнего своего и грех [7, 190—191].

«И если та полная интенсивной религиозной жизни эпоха 17 века, — заключает Вебер, — и завещала своей утилитарно настроенной наследнице, то, прежде всего, безупречную совесть (которую с полным основанием можно назвать фарисейской), сопутствующая наживе, если только это не выходило за рамки легальности» [7, 202]. Это сформировало буржуазный этос, легитимирующий деятельность, направленную на увеличение богатства рациональными хозяйственными способами. Впоследствии религиозная легитимация экономической и технической рациональности перетекла в обыкновенный здравый смысл западного человека. Сложившийся этос предоставил современному капиталисту честных, добросовестных рабочих, по чьим понятиям их собственная работа была целью жизни,

к тому же угодной Богу. Самому же капиталисту она предоставила возможность беззастенчиво увеличивать капиталы.

С начала XX в. качество жизни и обеспеченность людей в развитых странах неуклонно повышались: «Основные потребности оказались удовлетворенными, а возможность изобилия — вполне реальной», — пишет Д. Белл [1, 629]. Дж.К. Гэлбрейт полагает, что в богатых странах, в корпорациях, отличающихся высокими зарплатами, производственные отношения характеризуются большей лояльностью, а сила принуждения ослабевает, в связи с чем открывается путь для того, чтобы рабочий воспринял цели организации. Корпорация теперь не только место, где добывают средства к существованию, но и сила, вокруг которой строятся идентичности. Она, как полагает Белл, превратилась для многих в дело всей жизни [1, 390]. Это обуславливает ослабевание прежней негативной силы рабочего класса — силы, выносившей приговор сложившимся отношениям и отчуждающей рациональности и являвшейся, таким образом, оппозицией господству экономической и технической рациональности. И если в лице прежнего рабочего читался приговор всему обществу — поскольку он вынужден был работать в нечеловеческих условиях круглые сутки [8, 218—282] без надежды на улучшение положения — то с современным рабочим дела обстоят иначе.

Работа в рамках профессии не только не кажется угнетающей — ввиду роста зарплат и улучшения условий труда, — но, напротив, мыслится как разумная и здравая. Кроме того, исчезает (по крайней мере, его влияние и отличительные черты становятся менее очевидными) тот, кто прежде воплощал в себе причины несправедливостей — капиталист. «Пока авторитет был явным, — пишет Э. Фромм — происходили столкновения и мятежи, направленные против иррационального авторитета» [5, 179]. Непосредственная власть трансформируется в рациональную власть бюрократии: «Господство преобразуется в администрирование», — отмечает Маркузе [4, 42].

Ослабевание негативной силы рабочего, вернее, тех обстоятельств, которые вызывали к жизни такую силу, приоткрывает путь тому, что одним из главных мотивов деятельности в рамках профессии становится отождествление — личность сознает большую важность общего дела, нежели личных интересов. Рабочий принимает цели организации [2, 209—210].

Но не только рядовой рабочий способен принять техническую рациональность. Как полагает Дж.К. Гэлбрейт, те, кто принимает управленческие решения разного рода — технократы, —

отождествляют свои цели с целями техноструктуры. Основными целями техноструктур являются самосохранение и рост [2, 251—258]. Самосохранение является естественной целью техноструктуры, поскольку это означает наличие работы и постоянного источника доходов ее членов. Что касается роста, то такая цель не просто навязывается техноструктуре собственниками, но и полностью соответствует целям самой техноструктуры. Рост компании обеспечивает защиту от сокращений, он обуславливает также рост количества сотрудников, что позволяет большему количеству людей занимать высокие посты. В конечном счете, рост открывает дорогу карьере и большим заработкам. Как мы видим, цели членов техноструктуры почти полностью соответствуют целям экономической и технической рациональности. Кроме того, что техноструктура сама преследует эти цели, она еще, как полагает Гэлбрейт, транслирует их всему обществу [2, 306].

Вообще члены техноструктур, как мы полагаем, склонны отождествлять собственные цели с целями технической рациональности независимо от роста благосостояния. Как известно, люди познают неизвестное через известное. Основу опыта технократа формируют технические системы и технические концепции. Ввиду этого технократ воспринимает остальную, независимую от техноструктуры опыт в тех категориях, с которыми он в большей степени знаком, т. е. в технических и экономических. Как и любые категории, данные категории являются вписанными и имеющими отношение к определенной парадигме, или концепции. В экономических и технических парадигмах в весьма значительной степени господствует примат эффективности. Таким образом, примат экономической и технической эффективности подспудно привносится в остальной опыт технократа.

Принимая во внимание распространение технократов и их значение, можно сказать, что роль отождествления собственных целей с целями технической и экономической рациональности как источника ее легитимности действительно велика. Причем такое положение дел не кажется столь удивительным, если принять во внимание, что не всякий человек станет противником того, что обеспечивает ему успех, высокий доход и высокий социальный статус [4, 2].

Как мы полагаем, легитимизации экономической и технической рациональности способствует также слабость (или даже отсутствие) критики. Причины, препятствующие развернутой критике, мы, условно, могли бы разделить на теоретические и практические.

Говоря о теоретических причинах можно сказать, что экономическая и техническая рациональность как одна из видов

рациональности предлагает собственные критерии рациональности, все же остальное, что не соответствует этим критериям, оценивается как нерациональное или иррациональное. Иначе говоря, техническая рациональность и ее носители защищают сами себя.

Даже современная наука, как полагает Маркузе, не позволяет выйти из этого замкнутого круга. В ней в качестве «мыслительной привычки» господствует операционализм и бихевиоризм [4, 21]. Более того, как полагает Маркузе, наука по самой своей природе операциональна [4, 207]. Операционализм и бихевиоризм ориентируются на уже существующий универсум фактов и обстоятельств. Поэтому наука с такой «привычкой» не способна выйти за пределы универсума сложившихся фактов и подвернуть критике господствующие социальные обстоятельства. «Как следствие, — пишет Маркузе, — возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, переопределяемые рациональностью данной системы и ее количественной мерой...» [4, 16].

О практических причинах мы можем сказать следующее. Технический прогресс предполагает в качестве своей цели улучшение условий существования человека. Поэтому экономическая и техническая рациональность находит себе оправдание в том, что обещает эпоху, в которой человек будет способен удовлетворить все свои потребности, избавиться от страданий, от необходимости бороться за свое существование, от того, чем поглощена вся деятельность животных. Но этому препятствуют постоянно ускользающие от полного удовлетворения потребности людей, производство которых является рациональной целью индустриальной системы, поскольку обеспечивает стабильный спрос и рост [2, 389].

Таким образом, существующая экономическая и техническая рациональность находит себе поддержку среди людей по разным причинам. Среди них, как мы отметили: односторонняя интерпретация роли орудий труда в развитии человека, оправдание экономической и технической рациональности протестантизмом, отождествление собственных целей с целями корпорации и технотехники. Легитимность данной рациональности обуславливается также ее устойчивостью к критике, поскольку ею выдвигаются собственные правила для этой критики, иные же признаются неразумными. Кроме этого, данная рациональность имеет принципиально нескончаемый источник легитимности, а именно, ее благородное стремление

удовлетворить все потребности людей в сочетании с продуцированием ею же этих потребностей.

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
2. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.; СПб., 2004.
3. Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
4. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
5. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
6. *Тульчинский Г.Л.* Два типа рациональности // <http://hpsy.ru/public/x3145.htm>.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1987.

IV

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА

Ю.М. ОСИПОВ

Мир, Европа и Россия

Аннотация. Сегодня человеческий мир предстает как мир перемен, когда не мир главенствует над переменами, а перемены над миром. Что происходит с миром, каково состояние Европы и что сегодня Россия?

Ключевые слова: мир, Европа, Россия, перемены, история, философия истории, кризис, апокалиптика, эсхатология.

Abstract. Today the human world is the world of changes when world doesn't dominate changes, but changes dominate the world. What is the world, what is Europe's condition and what is today's Russia?

Keywords: the world, Europe, Russia, changes, history, history philosophy, crisis, apokaliptika, eschatology.

Мир

Сегодняшний мир — тотально (по горизонтали и вертикали, планетарно и на всю бытийную глубину) переменный мир — не изменяющийся, что понятно, а именно переменный, или *мир перемен*, когда не мир главенствует над переменами, а перемены — над миром.

Ныне не просто перемены, а перемены ради перемен, или перемены в переменных, или же переменчивые перемены.

Отсюда всеобщее беспокойство, волнительная вибрация, уже внятно слышимый треск, явственно грозящие надломами и разломами, всеобщим распадом и тотальной геополитической передислокацией. На мир напал особого рода кризис — *переменный* кризис, кризис от перемен, этакий *change-crisis*. Он обусловлен: 1) предельным развитием ренессансно-просвещенческой, финансово-экономической, научно-технической, то бишь европейской, а ныне уже — евроамериканской, а в целом — западной, цивилизации, или цивилизации Модерна, перешедшей в цивилизацию Постмодерна, что означает, что предел искусственного мира, созданного человеком по собственному усмотрению, достигнут, а ни остановиться, ни дать назад, ни идти дальше вперед нельзя и некуда, ресурсы и резервы такого исторического хода исчерпаны, но при этом невозможно ни дать назад, ни даже остановиться; 2) стремлением «прогрессивного» постмодернового Запада во главе с США к полному империальному

господству над миром с подчинением себе всех ресурсов и резервов планеты и ближайшего космоса, но при этом и невозможностью достижения такого рода западного (американского) глобализма (нерешаемая тут задача!); 3) нарастающим сопротивлением остального (незападного, противозападного) мира глобально-империальному западнизму (БРИКС фактически поставил точку, разумеется, виртуальную, перед глобально-империальным устремлением Запада); 4) потребностью новой мировой (теперь уже всемирной) войны, сочетающейся и с ее невозможностью (ежели война состоится, то уже как конечный Армагеддон, на что мир пока не идет; 5) необходимостью новой международной конструкции планетарного мира (с мировым правительством или без него, а ежели с ним — то какого и кому подотчетного?) и невозможностью беспроblemного разрешения невероятной проблемы.

Мир под угрозой перемен, но перемены — реальная угроза миру!

Речь идет сегодня не только и не столько о самопеременах в мировом бытии, сколько о навязываемых миру придуманных перемен, разумеется, навязываемых сверху, но уже не одним только мощным геополитическим игроком вроде США, а рядом игроков, среди которых не только страны БРИКС, но и та же Европа в лице ЕС, которой не очень-то хочется плестись, как и той же Японии, в хвосте у США. Большая всемирная геостратегическая игра, непосредственно угрожающая миру, ставшему ныне прямым заложником субъективизма. Вся планета — подотчетное игровому кластеру-клубу пространство, вроде спортивной площадки, на которой идет игра вроде бы с правилами, но без обязательного их соблюдения, как будто бы зряче, но на самом-то деле почти вслепую. Конспиративная игра без правил тут и ныне сильнее любой легальной игры по правилам, разумеется, дырявым. Господство ловкости, хитрости, коварства, но при этом и ума с опытом, и силы, и самой госпожи удачи!

У Запада в руках новизна, возможности которой стремительно исчерпываются, у остального же мира за пазухой темная и тягучая традиция, возможности которой только кажутся неисчерпаемыми. Последняя новизна на изначальную традицию! Кто тут Давид, а кто Голиаф? Хватит ли у западного Давида смекалки против незападного Голиафа, который сегодня ведь тоже не промах?

Время ныне не остановилось, но оно как бы прервано совокупным эффектом от ускорившихся и оторвавшихся от реальности перемен. Мир на временном краю — для естественно-эволюционных перемен уже нет времени, но времени нет и для искусственно-революционных перемен. Время ликвидировано, его для человечества уже нет.

Перемены съедают время, а время не может пожрать перемены. Временной цуг-цванг! Перемены нужны, но любая значительная перемена только приближает конец, а потому лучше уж без слишком серьезных перемен, хотя это и невозможно. Отсюда по большей части имитация перемен, как и бесперебойные переменные импровизации. На временной цуг-цванг наложился и переменный цуг-цванг!

Ни времени для перемен, ни перемен для времени!

Отсюда бытие вне времени, но не вне перемен. Перемены замещают собою время, а время не замещается переменами. Если это абсурд, то абсурд уже очень конечный! Все спешат, ибо кто сегодня не спешит, тот уже списан, но куда и зачем спешат, ибо впереди никакого времени нет, а есть лишь... отсутствие времени, всюю поглощаемого спешащими куда-то и зачем-то переменами.

Если бы цуг-цванг, а то ведь, пожалуй, и похуже!

Перемены ведут не к жизни, а к нежизни, за которой неминуемо и неумолимо следует уже сама смерть. Над планетой нависла угроза... смерти, от чего нельзя ни ловко отвернуть, ни быстренько сойти с пути всюю разогнанных перемен, ни отстояться где-нибудь в сторонке, ни тем более остановить сами перемены.

Отсюда необходимость каких-то *контр*-перемен... sic!.. а кто и где на *это* может решиться, ну хотя бы *это* осознать, понять, какте эе тут потребны контрмеры?..

Европа

Европа — *феномен* — гигантский по смыслу и значению для всего мира феномен. Общемировая ментальная империя! Европа объевропеила, сама вдруг объевропеившись, весь мир. Это Европа довела человеческий мир до нынешнего безысходного — ввиду невозможности очередной еврогенной мировой войны — состояния! Ежели сегодня общемировой цуг-цванг, то он как раз европейский по происхождению — если, конечно, смотреть в корень, а не бегать ошалело глазами по всему древу — снизу вверх и обратно!

Доведя мир до *кризиса перемен*, Европа, обратившись в Европейский союз, сама нынче мучается от... стучащихся громко в дверь, но при этом и совершенно невозможных для эффективной реальности перемен, во всяком случае невозможных в нынешнем ЕС, без отхода от нынешнего ЕС, его какого-то преодоления, без отрицания Европой — либеральной и демократической — самой себя и окончательного перехода к новой, не такой уж и европейской, а, впрочем, может, даже и очень европейской, Европе — ...э-э... одногосударственной, вполне авторитарной и совершенно уже империальной.

Да, Европа вроде бы сегодня кое-какое целое (объединенное целое), но целое все-таки еще достаточно разделенное, гетерогенное, не единое, а на повестке уже стоит Европа вполне целостная — гомогенная, что вроде трудно сегодня представить, — как же, кластер самостоятельных государств! — но на то и вынужденные перемены, чтобы, став принудительными, породить еще более новую Европу — прямо-таки прямую наследницу Древнего Рима, может, и демократического, но уже авторитарно и империально демократического. Европа тянется сегодня, не без водительства Германии (может, и Франции тоже), к более целостному целому, что, кстати, совсем не противоречит сидящей в Европе и периодически о себе громко заявлявшей великой империальной потенции.

Стремление к новой, уже послеримской империи — давнее желание Европы: папа римский со своим папоцезаризмом; Карл Великий, усердно поощрявшийся тем же папой римским, со своей Священной Римской империей; испанские короли со своим паневропейским экспансионизмом; Наполеон Бонапарт, рожденный Великой французской революцией и быстренько сколотивший в Европе Французскую империю, правда, скоротечную; германский империализм, развязавший помимо локальных две общеевропейские, они же и мировые, войны, причем вторую развязал уже и вел империализм фашистский. Не следует забывать и то, что европейским государствам вполне удалась в Новое время колониальные империи, пусть и сейчас более виртуальные, чем реальные, однако до сих пор вполне действенные.

Европа и империя — родные сестры, хотя кое-какая демократия с кое-каким либерализмом вовсе при этом не исключаются. И вот сейчас, в момент (или на этапе) кризиса перемен, у Европы появился грандиозный шанс — стать наконец-то полноценной *Империей*, превратив (переменив) гетерогенный ЕС в ЕС гомогенный, то бишь *пред*-империю в Империю, реализовав наконец-то *прото*-имперский паневропейский проект.

И дело тут не только в имперском духе (*прото*-духе) Европы, но и в современном *про*-имперском контексте, когда глобальная американская империя сходится в решающей схватке с восточными владыками — китайской и индийской империями (может, *пара*-империями), а также с мусульманской *квази*-империей. Внутри-европейская империальная потенция сошлась сегодня с общемировым империальным (плюроимпериальным) контекстом, а потому на повестке дня в Европе, ведомой Германией и Францией — наследницами неоднократных паневропейских имперских попыток,

образование вполне целостной, достаточно авторитарной и властолюбивой *Империи*, способной отстоять Европу внутри и вовне, то бишь спасти коренную Европу, ее укрепить и, возможно, расширить.

Есть ведь Соединенные Штаты Америки, этот счастливый сыночек-пасынок Европы, то почему бы не возникнуть Соединенным Штатам Европы, одновременно консолидирующим Европу, ее отстаивающим и всемерно продолжающим. Легче сказать, что всего этого не может быть, что это более невозможная фантазия, чем возможная реальность, но на это можно ответить: а что в истории не выходило из... *невероятного ничто*, коли даже сама политика есть не что иное, как искусство невозможного? Кто мог где-нибудь в середине 1920-х гг. предвидеть фашизм, Гитлера, новую мировую войну, нападение Германии на СССР, еще и антигерманскую (антифашистскую-де) коалицию, составленную из США, Англии и СССР, — и что русский-де азиат Сталин, великолепный янки Рузвельт и превосходный англосакс Черчилль будут, сидя в уютных креслах, определять устройство и судьбу послевоенного мира?

Возможность единой имперальной Европы борется сегодня с ее невозможностью, но уже не так, как было когда-то, ибо ныне в Европе не сонм борющихся между собой государств, а... союз государств, вполне способный и к авторитарному преобразованию. У единой валюты, к примеру, должен быть не только единый эмиссионный центр, но и единый расходно-контрольный центр. Точно так же у единой Европы должен быть единый политический центр, способный мыслить стратегийно и действовать оперативно и решительно. А что говорить о военно-оборонительном центре? В общем — ежели единство, то единство полное, хотя и не совсем монолитное, во всяком случае — пока!

Проблема тут в том, что в Европе сейчас воцарилась гнуснейшая дилемма: либо единая, а не лишь объединенная Европа, либо Европы вообще не будет! Мало того, Европе надо в немалой степени от себя и отказаться, то бишь стать немного и *анти*-Европой, что означает не просто переход к новому устройению — более авторитарному и, так сказать, единоцентрическому, но и... увы... исполнение кое-каких альтернативных одряхлевшей Европе... чрезвычайных инициаций... вроде когда-то предпринятых германо-фашистским режимом, разумеется, без характерных для этого маргинального режима экстремумов.

Можно сказать, что Европа переживает момент, сходный с переходом от республиканского Древнего Рима к Риму

императорскому, или от республиканской империи к самодержавной. И новый Цезарь вроде бы уже объявился в Европе в лице той же Германии, наверное, и Брут скоро появится — то ли в лице — неожиданно! — Франции, то ли в лице — уже более ожидаемо — той же Италии. Борьба, во всяком случае, предстоит, и новый Цезарь не будет убит, как когда-то несчастный великий римлянин, а новый Брут вряд ли помешает общеевропейскому империльному делу, и, скорее всего, новая европейская империя таки явится на свет, но... и это важно для сегодняшнего мира... не говорить обо всем этом нельзя, ибо метафизическое воспоминание всегда сильнее любой текущей исторической физики, — тут достаточно вспомнить о после- и антихристианском Ренессансе, не говоря о совершенно уже атеистическом и секулярном Просвещении, обратившихся за идейной поддержкой и не к чему-нибудь, а ко вполне языческой Античности, когда-то решительно отвергнутой и как будто навсегда преодоленной как раз... христианством! Так что предоставим Европе возможность совершить невероятное, как раз вполне соответствующее очень даже невероятному феномену, называемому Европой, оказавшемуся способным изменить ход, образ и судьбу всей человеческой истории — *всей!*

Россия

Особенность России как исторического феномена состоит в... игнорировании времени, во всяком случае в выпадании из общего времени: она то лениво отстаёт от исторического времени, то его лихорадочно опережает, но никогда или почти никогда не идет в такт со временем. Если Восток в лице Китая или Индии мог очень долго как бы сидеть во времени, фактически его не замечая, а Европа физическая старалась время обогнать, всерьез увлекшись прогрессом, то Россия предпочитала как бы дискретное, разорванное, прерывистое время, то вроде бы вписываясь в историческое время, то из него ни с того, ни с сего выписываясь. Россия то входит в историческое время — прогрессируя, то выходит из него — деградируя! Сталин, к примеру, вогнал Россию-СССР в быстротекущее историческое время, заставив страну развиваться и прогрессировать, а Ельцин, наоборот — страну оттуда выгнал, принудив ее замереть в разборке и резко деградировать.

Э-эх, Россия — то адекватная участница мирового исторического процесса, то его явная «сторонница» (от сторониться). Историческое время самой России — не время как таковое, а всего лишь времена, набор времен, причудливо сочетающих время с безвременьем: то Россия вроде бы есть и даже действует, то ее будто бы нет, она

бездействует, во всяком случае — как исторический субъект... То погружается куда-то вглубь времени, то внезапно из времени выпрыгивает. Этаким временной прыжковый циклизм!

Можно сказать, что и другие страны-субъекты переживают что-то подобное, какой-то свой временной циклизм. Это, разумеется, так, но с той разницей, что вряд ли найдется еще страна со столь же резкими от этапа к этапу ситуационными различиями и радикальными качественными превращениями. Россия всегда пытается отринуть от себя... Россию, и всегда же к России... вольно или невольно... возвращается. Радикальный маятниковый время-качественный циклизм: отрицание и полагание, полагание и отрицание, но, конечно же, с невольным сохранением какого-то коренного инварианта, ныне называемого *русскостью*, а ранее... трудно сказать... наверное — *прото-русскостью*.

Россия — империя, давно империя, как и сегодня она империя. Прежде всего по внутреннему устройству. Она — наследница сразу трех империй: римско-византийской, ордынской (татаро-монгольской) и своей собственной, хотя и долгое время лишь потенциальной (великий князь Святослав — первый русский император, или *прото-император*, как бы «попыточный»).

Россия — не Европа и не Азия, хотя она и в Европе, и в Азии. Это и не Евразия (Евразия). Россия — это Россия, со всем своим самополаганием и самоотрицанием, но именно *Россия!* У России *свое* историческое время, оно не европейское и не азиатское, даже и не мировое, хотя и как-то с мировым и другими «временами» связанное и немало коррелирующее. Подтверждениями тому служат нежданно-негаданное падение СССР-России на рубеже 1980—1990-х гг. и совершенно поразительная *анти...* (причем *радикально* и *тотально* анти) антисоциалистическая и антироссийская трансформация, устроенная в стране ее же правящими кругами, что означало как бы добровольное выпадение СССР-России из мирового исторического контекста и мирового исторического времени, причем выпадение вполне кризисное, что особенно важно сейчас для осознания глобального кризиса, в который поразительно вдруг втянулся весь мир. Российский кризис оказался как бы первым опытом этого мирового кризиса, его и предвестником, а может — и ключом к нему! Россия не стала дожидаться общемирового кризиса, беременного общемировой войной, а впрыгнула в свой собственный кризис, сравнимый с общемировым, но... его — этот общемировой кризис — *опередив*.

И вот сейчас уже видно, что Россия, еще два десятка лет назад такая провальная, падшая и жалкая, сегодня... уже не выглядит таковой, мало того, предстает уже страной... *после-кризисной*, во всяком случае, в основном уже прошедшей самую тяжкую фазу собственного кризиса. Свой кризис Россия отыграла и готовится к овладению историческим временем и к движению вперед, к подъему, как раз по пути развития, — и это в то время, когда весь Запад в кризисе, в кризисе США и Европа, кризисные моменты испытывает и Китай (там разгорается схватка между старым и новым Китаем, чреватая не только кризисом роста, но и кризисом раздвоения).

Россия, состоя в дружественных отношениях с Западом, глобализмом, США и Европой, не будет интегрироваться в Запад, США или Европу, как и не будет, состоя в не менее дружелюбных отношениях с Востоком, исключая, быть может, радикальную часть мусульманского мира, не будет интегрироваться и в Восток. Россия — это Россия, это не Запад и не Восток, а потому ей ничего не остается, как оставаться Россией, восстанавливая и возрождая себя, свою мощь и свою потенцию к развитию. Россия не была инициатором Первой и Второй мировых войн, не будет она и зачинателем третьей, — эту миссию, кажется, готов исполнить Ближний и Средний Восток, поощряемый, вполне и самоубийственно, стремительно дряхлеющим Западом. России есть чем заниматься для себя и в своих собственных интересах — и ни в какой войне она не нуждается!

Весь мир сегодня в движении. Перемены пока не очень заметны на феноменальном уровне, но они уже ощутимы на уровне сущностном. Наступило время радикальных, всемирного значения, конструктивных международных решений — время *великого общемирового компромисса*, который сколь необходим, столь и невозможен, а потому... остановись время, дай возможность миру замереть, отдышаться и, кое-как сговорившись, совершить невозможное!

В.Т. РЯЗАНОВ

Интеграционные процессы в посткризисной экономике: возможности и ограничения

Аннотация. Глобальный кризис 2008—2009 гг. поставил принципиальные вопросы посткризисного развития экономики. Он показал, что рынки, и особенно финансовые, не могут себя

бескризисно регулировать. Кризис обострил противоречия между глобальными и национальными регуляторами. Выход из кризиса предполагает изменения в характере взаимодействия экономических регуляторов. Анализируются возможности и проблемы развития регионализации в мировой экономике на примере ЕС.

Ключевые слова: глобализация и кризис, глобализация и регионализация, европейская интеграция, Соединенные Штаты Европы, роль национальных регуляторов в посткризисной экономике, качество государственного регулирования.

Abstract. Global crisis 2008—2009 yr. were raised the fundamental questions of the post-crisis economical development. It has proved that the markets and especially financial cannot themselves crisis-free regulate. The crisis has sharpened contradictions between the global and national regulators. The recovery of world economy suppose of chance of interaction economic regulators. Subject to analysis are opportunities and problems of developing regionalization in world economy: cases of EU.

Keywords: globalization and crisis, globalization and regionalization, European integration, United States of Europe, national regulators in the post-crisis economy, quality of government control.

Мировой экономический кризис 2008—2009 гг. и затяжной характер выхода из него заметно повышают внимание к задаче создания дееспособного экономического регулирования в неустойчивых и быстро меняющихся ситуациях в экономике. По существу речь идет об обоснованности ее решения за счет исключения или даже последовательного ограничения роли государства в экономике. Дело в том, что экономическое развитие последних лет, опирающееся на сложившуюся неолиберальную хозяйственную модель, свидетельствует о возникновении критического сбой в управлении и регулировании рыночными процессами. Такой сбой в немалой степени был обусловлен попыткой реализовать курс на форсированное замещение национально-государственных регуляторов наднациональными регуляторами, представленными целым набором глобальных и интеграционных институтов. Весь вопрос в том, насколько такое замещение может успешно осуществиться в принципе, имея в виду не только его текущие неудачи, но и долгосрочные цели. Поиск ответа на данный вопрос имеет фундаментальное значение для теории и политики и направлен, в частности, на оценку перспектив пересмотра характера взаимодействия международных форм регулирования экономики и национальных регуляторов, призванных обеспечить возвращение

устойчивости и сбалансированности развития как всего мирового хозяйства, так и его национальных звеньев.

Мировой экономический кризис как кризис глобализации. Такая характеристика связана с оценкой кризиса как неоправдавшейся попытки демонтажа национального государства и его замены наднациональными структурами и регуляторами, действующими в масштабе всей мировой экономики. Подчеркнем, что замещение государственного регулирования международным (наднациональным) регулированием раскрывает содержательный смысл глобализации. Именно такой подход к ее определению как к объективному процессу и в то же время как к проводимой политике более чем оправдан. Ведь введение нового термина — в данном случае глобализации — всегда преследует цель привнесения нового значения в устоявшиеся процессы. В противном случае не надо было бы его вводить, имея в наличии широкий набор понятий, раскрывающих мирохозяйственный аспект экономических отношений (международное разделение труда, интернационализация производства, мировой рынок, международная интеграция и т. д.).

Форсированное развертывание глобализации фактически лишило государства отработанных и привычных рычагов регулирования и управления. Неизбежным результатом такого процесса стала попытка «растворения» национального в глобальном вплоть до исчезновения первого, что предполагало исключение национально-цивилизационных факторов и макроэкономических регуляторов из числа таких, которые непосредственно влияют на экономическое развитие. Причем в этой концепции замена национальных (государственных) регуляторов не была связана с появлением глобальных регуляторов, действующих вне рынка. Напротив, ее целью стало рождение по сути дела новой диктатуры — диктатуры «глобальных рынков». За этим скрывалась экспансия базовой неолиберальной установки об «эффективных рынках», которые при переходе к глобальному формату становятся еще более эффективными, а потому якобы рыночные принципы важнее национальных границ, институтов и регуляторов.

Возвышение глобального за счет денационализации государства, наблюдаемое в хозяйственной практике недавнего прошлого, выразилось в таких важнейших направлениях, как:

- форсированное устранение самих национальных границ в экономическом взаимодействии хозяйствующих агентов;

- акцентирование хозяйственных решений на первичности глобальных проблем и угроз для обеспечения устойчивого социально-экономического развития всего мира и каждой страны в отдельности;
- стремление подорвать сами основы национальной организации хозяйства и государства и перейти к новой постгосударственной (рыночно-сетевой) системы хозяйствования.

При этом ставка на сохранение экономической самодостаточности государства оценивалась как рудиментный элемент в политике, противоречащий реалиям и новым возможностям развития. Действующие в глобальной экономике центробежные силы разрывали национально-воспроизводственные связи. Соответственно влияние и экономическая власть в условиях глобализации трактовались в контексте их перемещения от президентов и премьер-министров большинства стран в межгосударственные управляющие центры, а также в руки собственников и высших менеджеров ТНК, превратившихся в «мегакорпорации».

Конечно, такая радикальная версия глобализации разделялась далеко не всеми экономистами и политиками, не говоря уже о том, что ей изначально противостояла достаточно представительная оппозиция в виде многовекторного антиглобалистского движения. Нарастающее сопротивление глобалистской тенденции прежде всего было связано с выбором неолиберальной модели, главным проявлением которой стала финансовая глобализация. Ее становлению предшествовала *революция дерегулирования* в идеологии (конец 1970-х гг.), которая заложила, как это чаще всего происходит, необходимое теоретическое основание скачка к новой экономике — экономике глобального рынка. Самая ее характерная черта — это ориентация на максимальное открытие национальных рынков (в первую очередь финансовых) для транснационального капитала. Наступление такой революции во многом объясняется действием двух причин: заметным падением эффективности используемых ранее методов государственного регулирования экономики, опирающихся на кейнсианство, и наступившей в середине 1970-х гг. тенденцией уменьшения нормы прибыли из-за перенакопления капитала. Окончательно данная экономическая модель стала доминировать в мировом хозяйстве в 1990-е гг., прежде всего благодаря развернувшейся череде по своей сути революционных изменений в информационно-компьютерной, финансовой и международной сферах.

Что собой представляют последствия неолиберальной глобализации мировой экономики в режиме ее форсирования?

Они неоднозначны и противоречивы¹⁶. Несомненно, по мере усиления глобализации появляются новые факторы, стимулы и источники роста. Несравнимо высокая емкость рынка и более сильная конкуренция создают дополнительные стимулы расширения производства. Не случайно, что в период до нынешнего кризиса мировая экономика демонстрировала впечатляющую динамику практически на всем своем пространстве. Вместе с тем его наступление выявило многочисленные негативные последствия, связанные с отрывом финансового сектора от реальной экономики, завышенными оценками возможностей экспортно ориентированной модели экономического роста с опорой на узкую специализацию в рамках международного разделения труда и т. д.

Почему произошел такой крутой сбой в деятельности глобальных институтов? Почему они оказались столь малоэффективными при возникновении тяжелой кризисной ситуации?

Для объяснения выделим ряд ключевых и взаимосвязанных причин. Во-первых, абсолютизация принципа саморегулирования рынков в хозяйственной деятельности полностью дискредитировала себя. Неолиберальное представление о том, что «провалы рынка» в национальных экономиках удастся преодолеть за счет экспансии рынков «вширь и вглубь», не подтвердилось. Ставка на глобальные рынки обернулась их глобальными провалами.

Глобальные рычаги регулирования, а в старой мирохозяйственной модели это прежде всего рынки, в кризисных условиях не сработали, тем самым доказав, что если они и действуют, то только при «хорошей погоде». Заметим, что эффективность регуляторов как раз и проявляется в экстремальных ситуациях, демонстрируя способность если не предотвращать, то хотя бы успешно преодолевать кризисные явления. Необходимо учитывать, что рыночное саморегулирование на деле означает ставку на абсолютизацию частных интересов и стимулов, опора на которые объясняет гипотезу об «эффективных рынках». Следствиями такого саморегулирования являются не только игнорирование общественных интересов, но и недооценка высоких рисков и неоправданных решений в бизнес-среде, последовательно ведущих к кризису. В итоге опора на «эффективные рынки» закономерно приводит к действию принципа: «Бизнес присваивает доходы, государство (общество) оплачивает его убытки».

Во-вторых, предпринимаемые экстренные антикризисные меры, направленные на установление контроля и регулирующего влияния

¹⁶ Более подробно см.: [1; 2].

межгосударственных институтов над финансовыми операциями и хозяйственными процессами, также не смогли эффективно сработать из-за недостаточной их легитимности. То, что в подавляющем своем масштабе они носили рекомендательный характер, резко снижало их применительную силу. К тому же предлагаемые решения, вырабатываемые путем непростого и длительного согласования позиций участников переговоров, отличающиеся несовпадающими интересами и представлениями, неизбежно носят половинчатый характер, не позволяющий осуществлять назревшие коренные реформы. С этим связаны постоянное запаздывание в подготовке даже рекомендательных решений и фактически неспособность договориться о радикальных преобразованиях.

Основная причина такой трудносогласуемой деятельности и еще больших сложностей в реализации даже принимаемых половинчатых решений связана с ограниченной легитимностью международных регулирующих органов, которая существенным образом ниже исторически сложившейся легитимности национальных государств и их институтов. Дело в том, что государство как отлаженный длительной исторической практикой институт по-настоящему способно создать наилучшие условия для функционирования рынков и деятельности экономических агентов с учетом конкретных условий хозяйствования и цивилизационного своеобразия. Тем более что в рамках государства складывается более однородная среда, не сопоставимая с огромной дифференциацией в глобальной экономике.

Значимость и уникальность государства как института, создающего и эффективно использующего экономические регуляторы, подкрепляются разного рода новыми альтернативными концепциями, призванными разрешить главный изъян глобализации — повысить легитимность ее власти. В этой связи сошлемся на выдвигаемую концепцию глобального переустройства мира в посткризисную эру на основе превращения США в новую мировую империю — «Американскую империю» [3]. Как обосновывает Д. Лал, либеральный экономический порядок в мире может быть утвержден, если США возьмут на себя две главные функции: поддержание международного правопорядка и защиту прав собственности. И ими ограничатся, исключив навязывание другим странам стандартов американского образа жизни и экспорт западной системы ценностей. Иначе говоря, предлагается вариант завершения формирования гомогенного (глобального) экономического пространства, основанного на американском военно-политическом руководстве, при сохранении цивилизационного многообразия и общественного устройства в

рамках мировой империи. Тем самым благодаря такому имперскому проекту будет обеспечена требуемая легитимность наднациональных экономических институтов и их регулирующих инструментов, подкрепленная признанием мировым сообществом имперских правомочий и опирающаяся на эффективную систему принуждения.

Таков экзотический замысел, призванный устранить изъян нынешнего глобального проекта. Сразу же следует отметить, что он не менее утопичен, чем проект «мирового правительства». Во-первых, США уже не в такой экономической форме, чтобы выступать военно-политическим гарантом в мировом сообществе. Во-вторых, не только страны, входящие в данный момент в лидирующую группу стран, но рождающиеся новые лидеры — «развивающаяся сверхдержава» (КНР) и «восходящий гигант» (Бразилия) — вряд ли согласятся на такое доминирование какой-либо страны.

На современном этапе только государство обладает требуемой легитимной властью для обеспечения законности и правопорядка, защиты прав собственности и действия регулятивных институтов¹⁷. Нарастающая по мере форсирования глобализации напряженность между экономической логикой формирования рынков без границ и легитимацией государства как политического института, ее сдерживающей, должна рассматриваться как фундаментальное противоречие самой глобализации, требующее своего разрешения. По сути дела, речь идет об усиливающемся расхождении между экономической глобализацией и политической интеграцией, возникшем между ними разрыве¹⁸.

Возможно ли преодолеть возникшие разрывы и возродить глобалистскую тенденцию?

Теоретически это достижимо, если будет устранена асимметричность глобализации в экономической и политической сферах. Иначе говоря, если удастся реализовать давнюю идею формирования всемирного государства и создать мировое правительство с необходимым объемом правомочий и с работоспособными механизмами принуждения¹⁹. На практике

¹⁷ Об исторической роли государства в экономическом регулировании см.: [4].

¹⁸ Этот разрыв предлагается устранить при помощи создания при ООН как самом легитимном международном институте Совета по глобальной экономической координации, призванного системно решать проблемы функционирования глобальной экономики (см. доклад Стиглица [5, 215—224]).

¹⁹ В этой связи обратим внимание на такой симптоматичный факт. В декабре 2012 г. на Папском совете глава католической церкви папа Бенедикт XVI призвал к созданию мирового правительства и установлению Нового мирового

достижение такой глобальной сверхцели предполагает решение огромного по масштабам и широте охвата комплекса конкретных задач. Ограничимся только указанием на ряд из них: установление универсальных экономико-правовых правил и принципов хозяйствования с единой системой налогообложения, внедрение общемирового механизма формирования цен на большинство товаров и услуг, переход к мировым деньгам с соответствующим эмиссионным центром, замена национально-воспроизводственного глобально организованным воспроизводственным механизмом и т. д.

В обозримом будущем реализация этих задач представляется утопичной, учитывая неустранимую в своей основе дифференциацию условий хозяйствования в мире, несовпадение экономического поведения и национальных традиций и т. п.

От «большой» к «малой глобализации»: от Европейского союза (ЕС) к Соединенным Штатам Европы (СШЕ)? Более вероятной реакцией на кризис глобализации является смещение акцента с «большой глобализации» на «малую глобализацию» в варианте регионализации мирового хозяйственного пространства. Усиление роли региональных интеграционных объединений, созданных в достаточно однородной социокультурной и хозяйственной среде, может рассматриваться как более реалистичный проект форматирования интегрированных экономических пространств. Он дает возможность успешнее вырабатывать согласованные и взаимовыгодные решения, формировать общие принципы регулирования хозяйственной деятельности и проводить единую политику, используя наднациональные регулирующие органы. Немаловажным преимуществом региональных экономических союзов является возможность сокращения трансграничных издержек за счет прозрачности границ.

В известном смысле регионализацию даже можно трактовать как своеобразную альтернативу «большой глобализации» и одновременно как попытку преодоления возникшего в ней системного кризиса. Заметим, что свобода доступа участников региональных блоков на рынки своих стран в принципе противоречит идеологии единого глобального пространства, и в силу этой причины она вызывала весьма сдержанное отношение к ней институтов большой глобализации.

порядка. Отметим, что еще ранее, в 2010 г., католическая церковь высказывалась за целесообразность образования Мирового ЦБ, который отвечал бы за регулирование денежно-финансовой сферы.

Процесс укрепления регионализации отражает реально существующую сегментацию глобализации в мировом хозяйстве, обусловленную неодинаковой степенью включенности регионов и отдельных стран в интеграционные процессы и разными уровнями развития экономик. Более того, благодаря регионализации создание многомерных и тяжеловесных центров глобального управления может быть замещено построением более эффективных и эластичных региональных управленческих структур и регуляторов, трансформирующих мировое хозяйство в определенную совокупность «больших экономических пространств». Вероятно, что при таком понижении уровня глобального управления до регионального сохранится потенциал развития межстрановых объединений на основе использования фактора расширения емкости рынка и возможности сохранения контроля над ключевыми ресурсами.

Не случайно процесс регионализации в мировой экономике становится значимым способом объединить усилия групп стран по преодолению последствий кризиса и укрепить позиции на рынках в условиях глобальной экономической нестабильности и обострения конкурентной борьбы. Потенциально он может привести к серьезной перестройке в мировом хозяйстве с появлением более крупных региональных организаций (или перегруппировкой действующих) и даже коалиций государств по защите общих интересов, которые тем не менее будут конкурировать друг с другом вплоть до варианта «столкновения цивилизаций».

В 2010 г. в мире насчитывалось свыше 20 «продвинутых» интеграционных объединений, ставящих своей целью постепенное объединение их хозяйств путем сближения экономико-правового механизма хозяйствования, прежде всего во внешнеэкономической сфере. Что же касается более простой формы регионализации, к которой относятся региональные торговые соглашения, то их число превышает 280.

Каковы возможности и перспективы «малой глобализации»?

Как показывает хозяйственная практика, эффективное функционирование региональных союзов предполагает соблюдение ключевых условий. Пример ЕС как наиболее амбициозного интеграционного проекта подтверждает, что мало для этого убрать барьеры на пути движения товаров, денег и людей, перейти на единую валюту и непрерывно расширяться. При этом следует иметь в виду, что именно ЕС дальше всех продвинулся в развертывании интеграционных процессов, направленных на перемещение экономического суверенитета с национального на наднациональный

уровень, особенно после принятия Лиссабонского договора в 2007 г., который вступил в действие с 1 декабря 2009 г. Так, до 3/4 экономических законов и правовых норм, проходящих утверждение в национальных законодательных органах, предварительно разрабатываются в надгосударственных органах ЕС. Более того, особенностью европейского объединения является наличие собственного права, которое непосредственно регулирует межгосударственные отношения, а также отношения граждан и юридических лиц. Причем право ЕС характеризуется прямым действием во всех странах, входящих в него, и обладает приоритетностью по отношению к национальному законодательству.

Важной интеграционной характеристикой Евросоюза является применение принципа его исключительной компетенции в таких сферах хозяйства, как таможенные правила, политика в области общих торговых норм, конкуренции, денег, сохранения морских и биоресурсов.

Дополнительным показателем экономической интеграции выступает плотность экономических связей внутри Союза. Согласно имеющимся данным, в среднем 2/3 внешнеторгового оборота стран ЕС приходится на участников этой интеграционной группировки; свыше 3/5 потоков прямых иностранных инвестиций осуществляется внутри нее.

Тем не менее мировой кризис показал, что даже это, казалось бы, состоявшееся объединение не устояло перед ним, продемонстрировав свои зоны уязвимости, которые характеризуют общие трудности регионализации экономики при «незавершенной интеграции».

Речь идет о том, что согласованные правила регулирования экономики при наступлении рецессии легко нарушаются, поскольку национальные интересы и стремление местных правящих элит создать для себя более комфортные условия оказываются важнее поддержания прочности Союза. С этим связано, в частности, неисполнение принятых на себя базовых обязательств по соблюдению финансово-бюджетной устойчивости в еврозоне, которые Маастрихтским соглашением были определены относительно накопленного госдолга — в размере не более 60% ВВП, бюджетного дефицита — не более 3% ВВП. С учетом огромного объема денежных ресурсов, вброшенных для подавления кризиса, средняя величина госдолга стран ЕС-27 в начале 2012 г. составила 82% ВВП, а еврозоны (ЕС-17) — 89% ВВП²⁰,

²⁰ В номинальном значении внешний долг ЕС-27 равнялся 10,3 трлн евро, ЕС-17 — 8,2 трлн евро.

в том числе Греции — 142% ВВП, Италии — 119% ВВП, Ирландии — 97% ВВП. Еще хуже обстояло дело с дефицитом госбюджетов. Установленная норма 3% ВВП в 2010 г. была превышена в ЕС-27 до уровня 6,4% ВВП, а в еврозоне — 6,0% ВВП, в том числе в Ирландии дефицит госбюджета достиг 32,4% ВВП, в Греции — 10,5%, в Великобритании и Франции — по 7% ВВП.

Возобновление кризисных процессов, эпицентр которых переместился в страны ЕС, испытывающие колоссальное давление из-за долгового перенапряжения, убедительно подтвердило: интеграция, даже экономическая, не может долго оставаться односторонней и должна в равной степени быть глубокой и синхронно продвинутой во всех сферах деятельности государств (экономика, финансы, госбюджет, социальная сфера и т. д.). Одновременно не менее важно для нее иметь единую и централизованную систему регуляторов, управляющую экономикой как единым целым. Это означает, что и для региональных объединений нельзя исключить соблюдение принципа симметричности и синхронности экономической и политической интеграции.

Данная проблема имеет еще один аспект, связанный с постановкой вопроса о гипотетическом существовании определенного «предела экономической интеграции». Таким пределом может оказаться падающая эффективность управления по мере роста масштабов экономики и сложности возникающих взаимосвязей в условиях избыточной разнородности и разноуровневости в развитии субъектов интеграционного процесса. Приходится считаться с тем, что история пока дает примеры образования больших государств не столько из экономической логики, сколько из действия геополитических факторов и особенно внешних угроз. В этих условиях судьба ЕС как единого государства, сформировавшегося под воздействием экономической целесообразности, представляется весьма проблематичной. При этом следует признать, хотя бы и теоретически, то, что, в конечном счете, историческая жизнеспособность любого экономического союза зависит от того, насколько его участники готовы в перспективе, пусть и долгосрочной, завершить процесс хозяйственной интеграции образованием единого и жизнеспособного государства федеративного типа. Экономика с общей валютой и единым управлением в рамках исторически проверенной модели государства — всегда более прочное и надежное образование.

Именно в определении конечной цели развития интеграционного процесса в Европе сохраняется неопределенность и отсутствует единый концепт. Так и не ясно, остается ли в долгосрочной

перспективе ЕС союзом народов и государств или должно возникнуть общее государство европейцев. Во всяком случае, приходится учитывать, что в истории Европы преобладали не столько сотрудничество и взаимосвязь, сколько соперничество и военное противостояние. Также по-прежнему остаются значимыми культурные различия и языковые барьеры, которые существуют в рамках в принципе единого цивилизационного кластера.

Исторический пример ЕС и особенно экономическая модель еврозоны, основанные на принципе консенсуса в принятии решений при сохранении политического суверенитета, подтверждают, что в условиях расхождения экономических интересов и действия разнородных политических сил, экономические союзы не в состоянии оперативно и эффективно реагировать в нестабильной ситуации, порождая ситуацию «кризиса принятия решений».

Отрыв экономической от политической интеграции в ЕС, поспешность в объединительном процессе стран с сохраняющимися существенными различиями в уровне развития и типе хозяйственного устройства — все это в условиях мирового кризиса обострило внутреннюю несопряженность данного интеграционного союза. В итоге неизбежно возникает вопрос о его судьбе в существующем составе, усиливаются сомнения по поводу жизнеспособности евро как единой валюты, ставшей главным скрепляющим звеном в экономической интеграции Европы. Ведь острота нынешнего долгового кризиса в еврозоне порождена фактическим демонтажем внутренних денежных инструментов в проведении макроэкономической политики антициклического регулирования, которое не было компенсировано полноценной работой наднациональных регуляторов. По большому счету они и не могли этого сделать в силу того, как создавалось данное интеграционное устройство, рассчитанное на безоблачное и неограниченное временными рамками существование. В результате возникший кризис долгов образовал общую сцепку с кризисом евро. Поэтому одновременное разрешение этих двух кризисов предполагает выход стран (возможно, временный), обремененных долгами, из зоны евро. Этим возвращаются в арсенал государств монетарные рычаги преодоления долгового кризиса с восстановлением необходимой их независимости в проведении антикризисной политики и вместе с тем обеспечивается усиление устойчивости евро на рынке мировых валют. Таков наиболее рациональный экономический сценарий разрешения кризиса в ЕС. Мешают осуществиться ему опасения запуска всеобщей дезинтеграции и высокие политические риски.

Последние события, которые происходят в ЕС, раскрывают попытку реализовать альтернативный сценарий, нацеленный не на замораживание, а на углубление интеграционных процессов. Он представлен в выдвинутом в конце 2011 г. плане реформирования ЕС, в котором сделана ставка на формирование по сути дела европравительства с проведением жесткой согласованной экономической политики по широкому фронту, начиная от общих принципов бюджетирования и завершая налоговой унификацией²¹. Его реализация позволит существенно укрепить бюджетную дисциплину и усилить полномочия наднациональных органов управления. Фактически речь идет о варианте поэтапного демонтажа системы национального экономического суверенитета с выходом на создание Соединенных Штатов Европы (СШЕ), призванного спасти ЕС от саморазрушения. Сразу же следует подчеркнуть, что при всей оправданности предлагаемых мер с точки зрения интеграционной логики этот вариант представляется запоздалым, а потому с проблематичными шансами на успех.

Анализируя возможность осуществления этой идеи, стоит вспомнить о том, что сама она не нова. В начале XX в. ее уже выдвигали в числе стратегических приоритетов в европейской политике. Так, в 1914 г. К. Каутским была предложена концепция «ультраимпериализма». В ней обосновывалась гипотеза о его переходе на стадию интернационализации хозяйственной деятельности, которая должна сопровождаться отказом от насилия, господства и войн в разрешении возникающих экономических и политических противоречий в пользу формирования ненасильственных межгосударственных отношений. Одним из результатов такого развития должно было стать объединение Европы в единое государственное образование — СШЕ, а в более отдаленной перспективе прогнозировалось образование всемирного картеля, управляющего мировым хозяйством при помощи установившегося господства транснационального финансового капитала.

По сути дела, К. Каутского можно рассматривать в качестве провозвестника современной концепции евроинтеграции. Не стоит забывать, что эта инициатива закончилась войнами и революциями,

²¹ Важным элементом в его реализации стало принятие в 2 марта 2012 г. пакта о бюджетной дисциплине, который подписали 25 из 27 государств ЕС, за исключением Великобритании и Чехии. Он ужесточает требования к бюджетному дефициту до 0,5% ВВП с сохранением общей величины долга не более 60% ВВП, одновременно вводя штрафные санкции при нарушении бюджетной дисциплины.

радикальным образом изменившими архитектуру мирового сообщества. Полезно также вспомнить, что при выдвижении лозунга США его бесперспективность весьма пронизательно раскрыл В.И. Ленин. В статье с характерным названием «О лозунге Соединенных Штатов Европы», опубликованной в 1915 г., он отмечал, что ультраимпериалистические союзы, в том числе и Соединенные Штаты Европы, при капитализме «либо невозможны, либо реакционны». Если они и возникнут, то лишь как «временные соглашения» [6, 354].

Главные причины, которые обусловили утопичность старого варианта США, были связаны с острыми противоречиями между европейскими странами, их соперничеством и борьбой за рынки и ресурсы. К тому же неравномерность экономического и политического развития, которая, согласно взглядам Ленина, приняла на империалистической стадии форму закона, усиливала существующие противоречия и антагонизмы.

Интересно и то, что еще один мыслитель (О. Шпенглер) примерно в те же годы опубликовал труд под названием «Закат Европы»²², сквозной темой которого стал анализ начала увядания западного мира как исчерпавшего свой потенциал специфического типа культуры. Насколько на современном этапе противоречия и пределы в развитии западной цивилизации, конкурентная борьба могут рассматриваться в качестве непреодолимого барьера в судьбе европейской интеграции? И не станем ли мы свидетелями теперь уже «заката ЕС»?

Во всяком случае, кризис подтвердил, что угрозы дезинтеграции не исчезли, о чем свидетельствует, в частности, расхождение позиции о реформировании ЕС Германии и Франции, с одной стороны, и Великобритании — с другой. По этому поводу полезно вспомнить высказывание Ш. де Голля, сделанное им в начале интеграционного пути Европы в 1962 г. Прошедший период времени показал, что французский президент не без оснований называл интегрируемую Европу «самоблокирующим ансамблем», предвосхитив оценки нынешних «евроскептиков».

Однако, пожалуй, в настоящее время важнее еще одно обстоятельство. Оно связано с тем, что упрочение интеграции с неизбежностью порождает трудноразрешимую дилемму. Дело в том, что достигнутый уровень экономического развития ЕС в целом уже не в состоянии обеспечить поддержание установившегося достаточно высокого уровня жизни населения, сглаживая возросшие социальные различия на всем европейском пространстве после включения в 2004 г.

²² Первый том книги «Закат Европы» О. Шпенглера был опубликован в 1918 г.

в свой состав большой группы восточноевропейских и прибалтийских государств. Так, в своем нынешнем расширенном составе ЕС-27 уровень ВВП по ППС в 2010 г. на душу населения варьировался между его участниками в диапазоне от 11,6 (Румыния) до 82,6 тыс. дол. (Люксембург) при среднем значении по Союзу в 32,7 тыс. дол.

Европейский союз, декларируя себя в качестве социально-солидарного объединения, в течение длительного периода проводил целенаправленную политику сокращения отставания наименее благополучных стран и регионов, формируя тем самым притягательный имидж для пополнения своего состава, используя так называемый демонстрационный эффект²³. Проводя такую перераспределительную политику, данное интеграционное объединение по этому параметру может вполне рассматриваться как обновленный вариант «евро-СССР».

До кризиса политику выравнивания удавалось проводить, но ценой наращивания долга и усиления разрыва между социальным развитием и реальным экономическим потенциалом, тем самым снижая конкурентоспособность европейской экономики на мировых рынках. В условиях кризиса этот разрыв превращается в наиболее острую и болезненную проблему, разрушающую европейское единство, основанное на конструкции социального рыночного хозяйства и политики всеобщего благосостояния.

Из этого следуют два возможных варианта решения данной проблемы: либо восстановить сбалансированность экономического и социального развития (и для этого придется понизить уровень жизни в тех странах, в которых он экономически не подкреплён), либо поддерживать достигнутый уровень жизни во всех странах за счет ресурсов более успешных экономик, тем самым усиливая в перспективе риски возникновения экономической стагнации. И в одном и в другом случае ожидаемы политические последствия в виде роста повсеместного недовольства, конфликтности и политического брожения на всем интеграционном пространстве.

Удастся ли ЕС выйти из этой ловушки «необеспеченного социального государства», в котором он оказался, и как это будет

²³ Так, пороговым критерием для получения помощи регионами является уровень ВВП на душу населения, если он не достигает 75% от среднего уровня в ЕС. Именно поэтому на развитие региональных проектов сегодня направляется свыше 30% от общего бюджета ЕС, а это более 50 млрд евро в год. Подчеркнем, что получают такую помощь не страны, а непосредственно конкретные регионы, что должно укреплять интеграцию Европы, ослабляя национально-государственные узы.

сделано? Этот вопрос чрезвычайно сложный, и ответ на него трудно прогнозировать. Тем более что он обусловлен взаимодействием многих факторов, действующих не только в Европе. Вместе с тем следует принять во внимание, что подход к разрешению этой проблемы в немалой степени зависит от того, как в дальнейшем будут соотношены экономический рационализм, присущий западному мировоззрению, с политической мечтой о единой Европе, основанной на общих ценностях и устремлениях. Учтем: произошедшая прагматизация ЕС, особенно ставшая значимой после его самого масштабного расширения, выдвинула на передний план получение выгод и выигрышей, а не укрепление общих ценностей, что обостряет противоречия между ними, делая их трудноразрешимыми.

Для России важно, что исторический опыт ЕС, как ранее и СССР, должен тщательно учитываться в развертывании интеграционного процесса на постсоветском пространстве, чтобы в будущем не допустить непродуманных решений. И одновременно мы должны видеть в развитии интеграции вполне разумную защитную реакцию на кризис глобализации с поиском выхода из него.

Интеграционные процессы: новое качество. В итоге проведенного анализа предложим следующие выводы. Во-первых, преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу устойчивого посткризисного развития потребуют существенной коррекции во взаимодействии наднациональных и национальных регуляторов. Государство и используемые им регуляторы представляют собой наиболее отработанные и легитимные инструменты упорядочения стихийных рыночных процессов, роль которых существенно возрастает в условиях экономической нестабильности. Усиление роли государства и его регуляторов равнозначно восстановлению контроля и регулирования рыночных отношений, приходящему на смену безграничной либерализации. На данный момент реальной альтернативы нет, и вряд ли она появится в ближайшей перспективе.

Вместе с тем при нынешнем переплетении и взаимозависимости национальных экономик не обойтись без межгосударственных структур, что предопределяет необходимость глобальной координации направлений совершенствования экономического регулирования. Особенно это касается финансовой сферы, надежное управление и надзор над которой в рамках государства в сложившейся хозяйственной системе и с учетом наличия высоких внешних рисков трудно обеспечить. В этих условиях либо финансовая сфера должна быть возвращена в режим полноценного национального контроля и

регулирования, либо необходимы эффективно работающие наднациональные органы финансового надзора. На данном этапе создание странами Большой двадцатки в 2009 г. Совета по финансовой стабильности с широкими функциями по разработке финансовых стандартов, мониторингу и надзору как раз нацелено на последующее формирование системы глобального финансового контроля и регулирования. Возможно, такой подход окажется успешным.

Во-вторых, интеграционное экономическое взаимодействие и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и обеспечивая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях и новых международных стандартах организации хозяйственной жизни. Фактически речь должна идти о замене политики замещения экономического суверенитета государств, основанного на массированном внедрении наднациональных регуляторов, на политику международной координации и точечные меры в хозяйственной сфере, которые уже давно назрели и требуют согласованных действий всего мирового сообщества. При всей сложности согласования и принятия такого рода документов было бы вполне логично в рамках перестраиваемой системы мирового рыночного хозяйства добиться реализации ряда назревших международных форм регулирования экономики по таким направлениям как: внедрение в практику «налога Тобина» (налога на спекулятивно-финансовые трансакции), расширение экологических ограничений в контексте развития идеологии Киотского протокола, ужесточение международного контроля и в перспективе закрытия офшорных зон, активизация борьбы с бедностью в мире и т. д.

Хорошим примером реализации согласованной политики экономического регулирования можно считать решение, принятое в ЕС, о введении с 2014 г. налога на финансовые трансакции. С операций с акциями и облигациями будет взиматься 0,1%, с деривативами — 0,01%. В результате предполагается выручать 30—35 млрд евро в год. В этом случае важна даже не возможность пополнения доходной части бюджета, а использование инструмента по сдерживанию спекулятивной деятельности в финансовой сфере. Хотя такое решение о введении налога у себя поддержало 11 стран, на которые приходится две трети объема экономики Евросоюза²⁴, тем не менее отсутствие единства в ЕС по данному вопросу создает предпосылки для возникновения «внутренних офшоров».

²⁴ Это — Германия, Франция, Австрия, Бельгия, Эстония, Греция, Италия, Португалия, Испания, Словакия и Словения.

В-третьих, накопленный исторический опыт развития интеграционных процессов позволяет выделить две ключевые задачи, от решения которых во многом зависят прочность и историческая перспективность интеграционного объединения. Одна из них касается политической сферы и связана с преодолением бюрократической коррозии, которая способна существенно снизить эффективность любого интеграционного объединения.

В качестве примера сошлемся на управленческую практику в ЕС. Хорошо известно, что традиционным объектом неолиберальной критики государства и государственного регулирования является бюрократизация управления. Но при этом следует учитывать, что она не исчезала при переходе к глобальным рынкам. Более того, развивающийся процесс интеграции в Европе, как и действующая общая тенденция глобализации, обернулись быстрорастущей ролью нового носителя бюрократизма — *международной бюрократии*, представленной разросшимся чиновничьим аппаратом наднационального уровня. Сформировался новый глобальный управляющий класс, или «новые кочевники», по определению Ж. Аттали [7, 95], а власть превратилась в «глобальную паутину».

Ограничимся двумя примерами. Так, аппарат управления ЕС в Брюсселе насчитывает 20 тыс. человек, и только на обслуживание его переводчиков ежегодно затрачивается более 1 млрд евро. Еще пример. Действующий Лиссабонский договор, заключенный вместо полноценной евроконституции (2005), которую из-за разногласий не удалось принять, включает 358 статей с огромным количеством подпунктов (для сравнения: Конституция США состоит из 7 статей с 26 поправками, а Конституция РФ включает 137 статей). Такой детально расписанный регламент организации общественно-хозяйственной деятельности не столько отражает потребность в четкости прав и норм, сколько характеризует серьезные трудности, с которыми приходится сталкиваться в процессе согласования и поиска компромиссов участниками ЕС. Вряд ли в таком громоздком варианте он станет по-настоящему эффективным правовым инструментом.

Пример ЕС свидетельствует, что функционирование надгосударственных институтов — дело весьма затратное, а главное то, что они чаще всего не ведут к более эффективным управленческим решениям. Это означает, что глобальное управление не в состоянии изжить бюрократизм, а рынки, даже интегрированные, не являются достаточно эффективным средством его преодоления, как это часто представляется либеральным экономистам.

Как остановить тенденцию бюрократизации интеграционной деятельности?

Возможно, более действенным средством окажется демократическая трансформация ЕС, целью которой, по мнению Ю. Хабермаса, станет не возникновение «сверхгосударства» с верховенством доминирующего лидера (Германии), или даже государственного объединения федеративного типа, а переформатирование Союза в содружество народов и граждан Европы как нового типа интеграции, развивающей политику «транснациональной демократии» [8]. Весь вопрос в том, как такое демократическое преобразование осуществить.

Вторая задача, от решения которой зависит достижение более высокого качества интеграционной деятельности, относится к хозяйственной сфере. Дело в том, что развитие интеграции в этой сфере опиралось на принцип встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Такой характер развития разделения труда в интеграционном пространстве является закономерным результатом доминирования в нем сугубо рыночных отношений. В итоге он имел серьезные негативные последствия как для всего интеграционного союза, так и для отдельных стран, особенно менее развитых и с небольшими масштабами.

Что касается малых экономик, то в таком интеграционном пространстве они превращаются в рынки сбыта продукции более успешных западноевропейских стран и в поставщиков дешевой рабочей силы. Тем самым они фактически утрачивали и экономическую независимость и хотя бы относительную целостность своего народного хозяйства, в которой заложена определенная устойчивость к кризисным потрясениям. В период экономического бума такого рода издержки гасились подпиткой извне, но при наступлении кризиса недостатки такого подключения к международному разделению труда оборачиваются более серьезными и тяжелыми потерями.

Вместе с тем и само интеграционное объединение также теряет устойчивость к кризисам за счет ослабления в своих низовых звеньях, а также в силу действия тенденции деиндустриализации. Причем общий процесс деиндустриализации затронул в первую очередь страны с относительно небольшими масштабами. В результате у них исчезли многие из отраслей промышленности и разрушился национально-воспроизводственный контур экономики. Поэтому важным направлением перестроения экономической интеграции становится проведение общей политики реиндустриализации, при

которой был бы целесообразен переход от узкой и детальной специализации в рамках интеграционного разделения труда к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству для всех его участников, опирающемуся на воссоздание национальных отраслевых комплексов с их ориентацией как на обслуживание своего внутреннего рынка, так и на общий рынок интеграционного объединения. Проведение такой политики реиндустриализации предполагает отказ от абсолютизма рынка и поиск более приемлемого и согласованного интеграционного механизма.

Таким образом, сама по себе интеграция проявляет свои достоинства и преимущества в период общего экономического подъема, а ее ограничения и недостатки становятся значимыми в период кризисных потрясений. Поэтому столь важно обеспечить качество интеграционных связей. Оно определяет устойчивость интегрируемой экономики в целом и ее отдельных звеньев, а значит, способность поддерживать экономический рост и давать своевременный ответ на возникающие вызовы.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // *Экономист*. 2010. № 10.
2. *Рязанов В.Т.* Кризис глобализации и его системные последствия // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
3. *Лал Д.* Похвала империи. М., 2010.
4. *Рязанов В.Т.* Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // *Вестник СПбГУ*. 2012. Вып. 2.
5. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. М., 2010.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26.
7. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
8. *Habermas J.* The Crisis of the European Union: a Response. Cambridge, UK, 2012.

В.В. КАШИЦЫН

**Европейский союз, Польша и Россия в контексте
взаимосвязей мирового и внутреннего рынков**

Аннотация. В статье рассмотрен круг экономических проблем, возникающих в связи с современным кризисным и неопределённым состоянием мировой экономики. В координатах данного состояния мировой экономики исследуется экономическое положение Европейского союза, Польши и России.

Ключевые слова: мировая экономика, экономические аспекты возникновения, развития ЕС, экономика Польши, экономика России, экономический рост, инфляция, развитый рынок, развивающийся рынок, рефлексия, регулирующий центр, регулирование, самоуправление.

Abstract. In article the circle of the economic problems arising in connection with a current crisis and uncertain state of world economy is considered. In coordinates of this condition of world economy the economic situation of the European Union, Poland and Russia is investigated.

Keywords: world economy, economic aspects of emergence, EU development, economy of Russia, economic growth, inflation, the developed market, emerging market, reflection, the regulating center, regulation, self-government.

В последние три-четыре года большая часть научных публикаций в мире квалифицировала состояние мирового хозяйства как посткризисное. Тому во многом способствовали динамика и состояние основных макроэкономических показателей стран мира, включая как развитые страны, так и страны развивающихся рынков. Действительно, имея в виду данные показатели, где-то в меньшей степени, где-то в большей состоянии экономик большинства стран, затронутых кризисом, вышло на докризисный (2008) уровень уже к 2010 г. Вместе с тем ряд обстоятельств, связанных с данным кризисом, с нашей точки зрения, не позволяет трактовать 2010-е гг. как посткризисные.

Во-первых, природа данного кризиса исключительно многофакторна, сложна и системна настолько, что он представляет собой определенный синтез всех без исключения типов и видов кризисов, известных мировой экономической науке и практике в течение последних 400 лет, и фундаментальные причины данного кризиса не только не устранены (да и не могли быть), но и продолжают все более масштабно о себе заявлять.

Во-вторых, та государственная и международная регулятивная антикризисная рефлексия, которая имела место, причем как по трафарету в подавляющем большинстве стран, переживающих кризис, не только содержательно не стала антикризисной, а скорее явилась основной причиной и механизмом разворачивания и неизбежности данного кризиса. Одним словом, пожар кризиса тушили бензином.

Поэтому, очевидно, планета имеет дело с эпохальным трехволновым кризисом 2008—2019 гг., который предполагает концептуальную смену политико-экономических координат и планетарную реструктуризацию не только центров глобальной экономической силы, но и всей системы всемирных экономических отношений.

Подобные трансформации, естественно, не являются спонтанными и единовременными, а представляют собой скорее момент превращения количества в качество в результате длительных эволюционных изменений. Поскольку в центре нашего внимания в данном исследовании находятся ЕС, Польша и Россия, мы концентрируем свой взгляд на данных субъектах мирового хозяйства.

Европейский союз: дилеммы и императивы

Современное достаточно противоречивое политико-экономическое состояние и тем более перспективы дальнейшего развития Европейского союза можно понять и обозначить, имея в виду причинно-следственную логику его возникновения и развития. И здесь обращает на себя внимание сочетание нескольких важных факторов, без учета которых мы обречены воспринимать видимое как действительное и путать причины и следствия.

Прежде всего необходимо констатировать, что в основе возникновения и эволюции ЕС лежит объективная потребность любого развивающегося рынка к расширению. Безусловным объективом в данном процессе является инициативное лидерство более развитых экономически стран. Очевидными в объединении экономических потенциалов стран являются и цели участников объединения, среди которых усиление конкурентоспособности национальных производителей и потребителей как на своем, так и — особенно — на мировом рынке. Известную и сопряженную с данной целью роль играет и цель укрепления экономической безопасности. Не последнее значение имеет и цель обретения факторной и структурной сбалансированности развивающейся экономики.

Однако нельзя терять из виду и условия, обстоятельства, в которых находятся участники объединения и, разумеется, мотивы и цели внешних игроков, контрагентов и участников, «свидетелей» данного

процесса, находящихся формально вне формирующегося объединения, особенно если они имеют заметно превосходящий экономический потенциал. Было бы странным, если бы подобные контрагенты не постарались бы направить подобное объединение в выгодное для себя русло, если косвенным образом не заложить алгоритм управления данным объединением в своих интересах. Очевидно, вне учета данных методологических посылок понять, как возник и развивается ЕС, все ли субъекты и цели его возникновения, развития и кризисности известны и учтены и какую роль в этом процессе играют сопутствующие институты, например НАТО, более чем проблематично. Иначе говоря, как бы участники и лидеры объединения ни пытались оптимизировать развитие Союза, первостепенным является вопрос субъектности генерации политики и принятия там решений. Или, другими словами, центральная проблема Союза и его эффективности — проблема степени его самоуправляемости.

Иными проблемами эффективности любого объединения являются качество и характер его управления-регулирования, естественно, в рамках той степени, в которой оно самоуправляемо. И здесь нельзя не обозначить основное внутреннее противоречие экономики ЕС — противоречие между логикой, последовательностью этапов и степенью интеграции — с одной стороны, и эволюцией адекватности — с другой, институтов управления и регулирования Союза. Чем сложнее и мощнее экономическое объединение, тем актуальнее потребность в едином управляющем и регулирующем центре-механизме. И если эта потребность не реализуется, то, в противном случае, центристская сила будет вытесняться центробежной, а функция централизованного регулирования — реализовываться извне.

За более чем полувековую экономическую историю ЕС произошло многое. Во всяком случае, нельзя не сказать и об определенных итогах. Разумеется, как и все в этом мире, они противоречивы. Но если говорить об итогах экономической эффективности объединения и развития ЕС как единого целого, призванного реализовывать момент синергии объединения и превратить его в единое целое, подняв на порядок его потенциал и богатство участников, посредством превращения в единую сбалансированную мегаэкономику, ликвидировавшую внутри себя многообразную дифференциацию, то можно констатировать, что итог отрицателен.

К сожалению, дифференциация в ЕС не только не исчезла, но и, несмотря на многочисленные механизмы и попытки ее сглаживания и амортизации, нарастает по всему кругу экономических трансакций. В

пространственно-отраслевым, структурном, товарно-продуктовым, производительном, доходном и, как результат, страновом плане, она стремительно растет. Чего стоит хотя бы дифференциация между странами южного ареала ЕС: Греция, Италия, Испания, Португалия, Ирландия и т. д. и центром-севером Европы. А здесь еще и проблема Кипра. На подходе новая мощная факторная волна усиления дифференциации — вновь вошедшие в ЕС страны Восточной Европы.

В сложившихся непростых дисбалансах ЕС миссию интегратора и синтезатора вынуждена выполнять Германия как самая мощная экономика Европы. Но если до создания зоны евро Германия могла амортизировать возникающие с другими странами ЕС макроэкономические диспропорции и асимметрии стимулированием девальваций национальных валют стран—участниц Союза, то с возникновением зоны евро Германия вынуждена изобретать более жесткие инструменты нейтрализации дисбалансов и усиливающейся дифференциации и асимметрий. Ну, например, такие как в случае с Грецией или с Кипром, в том числе не в полной мере экономические меры, так как на кону само существование ЕС, о предпосылках распада которого мы написали еще 12 лет назад.

Имея в виду вышеобозначенное основное экономическое противоречие ЕС — между развитием интеграции и слабостью-неадекватностью централизованного регулятивного начала в Союзе, можно предположить, что дальнейшие перспективы сохранения и развития ЕС ведут либо к срочному созданию общеевропейского надгосударственного механизма-института с делегированием ему всех атрибутов суверенитета стран—участниц Союза (что, учитывая накапливающиеся противоречия-разногласия, маловероятно), либо к выполнению функции жесткого интегратора-регулятора в Союзе Германией, со всеми вытекающими последствиями для стран-участниц. Несмотря на то, что подобный исторический опыт у Германии имеется, не факт, что Германия сможет и захочет выполнить эту миссию. Хотя в любом случае Европу определенно ждет целая череда решений, в том числе и не всегда ожидаемых.

Одним словом, сложившаяся в 1970—1980-е гг. архитектура конкурирующих суперэкономических гигантов в мировой экономике (США, ЕС, Япония) разваливается на глазах. После мощного удара по Японии (Plaza Agreement — 1985 г.) и последующего поэтапного повышения курса йены очевидно пришел черед и ЕС — через усиление внутренней экономической деструкции ужать и снизить свои конкурентные преимущества на мировом рынке. Что касается США, то, как известно, для закрытия бреши накопленной совокупной

задолженности государства, юридических и физических лиц в стране, необходимо несколько годовых мировых валовых продуктов, так что космический гигантский энтропийный цепной развал американской экономики, со всеми гротескными последствиями, это не вопрос времени, это вопрос мгновения. Таковы координаты современного состояния мирового хозяйства со всеми вытекающими политико-экономическими последствиями и методологическими посылками для оценки состояния и перспектив развития экономик Польши и России.

Польша в меняющемся мире

Экономическая история Польши, как и других стран мира и Европы, знала и свои взлеты, и свои падения, экономика ее демонстрировала и устойчивый экономический рост, и кризисные падения. Особенно сложным для экономики страны стал XX в., на который пришлось две разрушительные мировые войны и двойная смена экономических моделей развития во второй его половине. Существенная неопределенность в дальнейших перспективах развития обозначилась и сегодня.

Если посмотреть на динамику ряда макроэкономических показателей эволюции экономики страны, в том числе на фоне мировых трендов, то вырисовывается следующая картина. Например, в части динамики ВВП в 1970—2011 гг. (рис. 1).

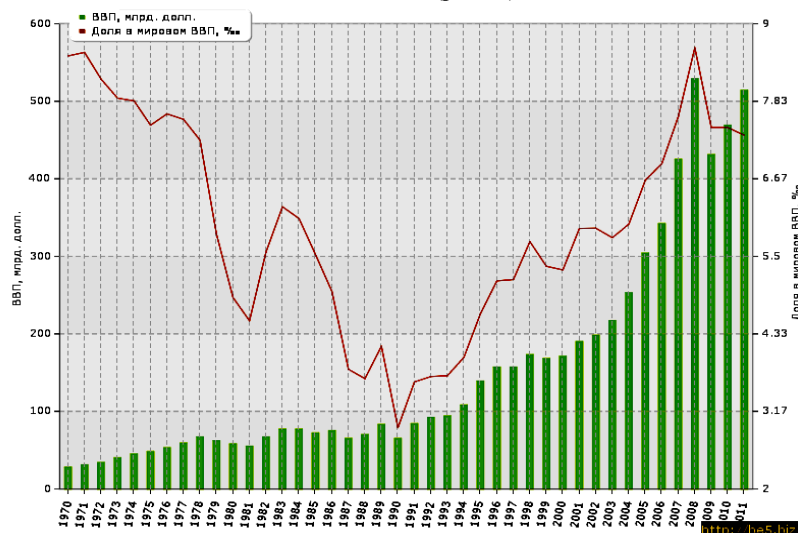

Рис. 1. Валовой внутренний продукт (ВВП) Польши (1970—2011), в млрд дол.: [1]

Можно констатировать, что ВВП, начиная с 1970 г. по кризисный 1989 г., волнообразно, но увеличивался — с 25 млрд дол. до почти 85 млрд дол. А после кризиса 1990 г. и смены модели начал устойчиво и существенно расти. И дело здесь не только в инфляции доллара и злотаго. Очевидно, после смены модели в динамику роста включились ранее неиспользованные возможности. Экспоненциально рост имел место вплоть до кризисного 2008 г., и ВВП вырос почти до 570 млрд дол. Росла и доля ВВП страны в мировом валовом продукте. Соответственно в 2008—2009 г. ВВП сократился почти на 20%.

Что касается ВВП на душу населения, то вялотекущая латентная динамика 1970—1990 гг. сопровождалась с 1983 по 1990 г. устойчивым отставанием от среднего мирового уровня (рис. 2).

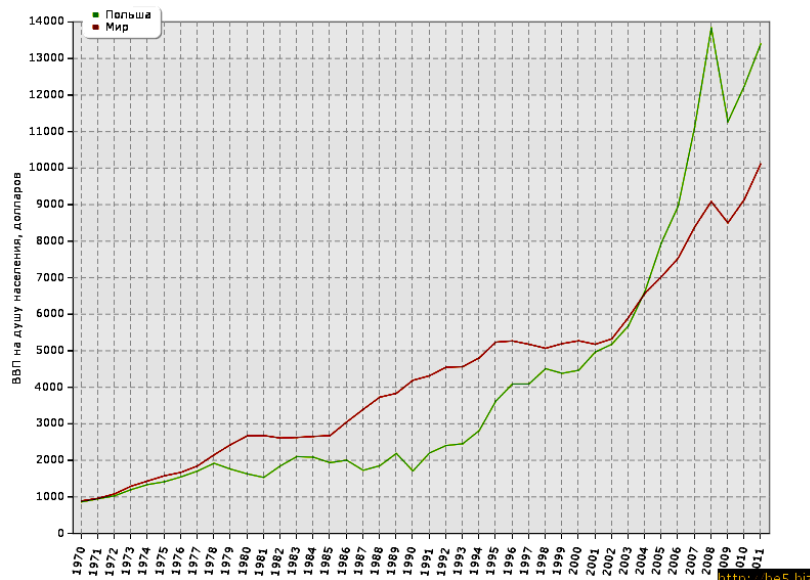

Рис. 2. ВВП на душу населения в Польше (1970—2011), дол.: [1].

А вот с 1990 по 2004 г. данный показатель в догоняющем тренде сначала достиг значения среднего мирового уровня, а затем существенно его опередил, и к 2008 г. достиг почти 14 000 дол. при среднем мировом всего лишь 9 000 дол., затем, снизившись в 2009 г. до 11,3 тыс. дол., снова пошел вверх.

Вместе с тем динамика темпов роста ВВП страны в процентах представляется более чем волатильной. Во всяком случае,

экстремальность колебаний темпов роста существенно превышает средние мировые движения показателя (рис. 3).

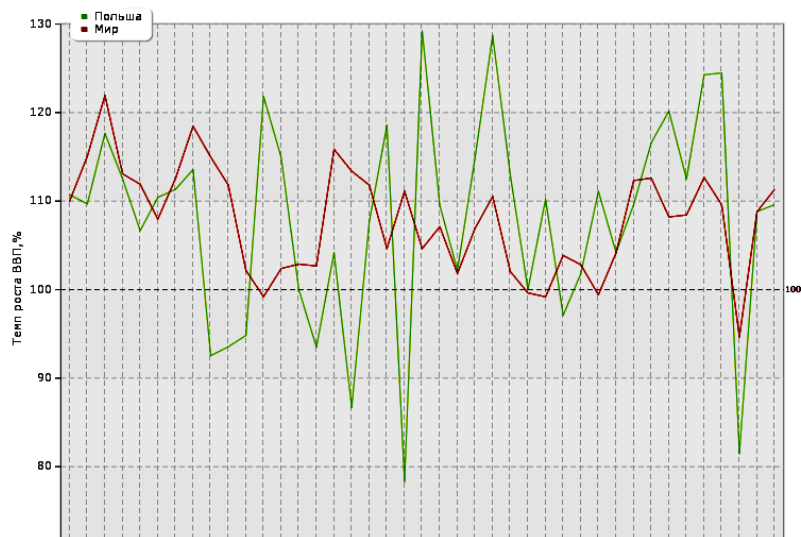

Рис. 3. Динамика темпов роста ВВП Польши (1971—2011), %: [1].

Естественно здесь сыграли роль эффект вступления страны в ЕС и заметная финансовая помощь со стороны ЕС, хотя эта помощь в целом является скорее амортизатором вступления, чем фактором долговременного устойчивого экономического роста. Поэтому потенция подобного стимулирования обычно заканчивается снижением темпов роста и часто их дальнейшим падением, что, хотелось бы ошибиться, и происходит сейчас (конец 2012 г. — 1-й квартал 2013 г.). К тому же, в стране образовалась заметная структурная диспропорция. Ряд отраслей практически занулился. Например, фармацевтика, косметика, судостроение, сельское хозяйство и т. д. Причем это все происходит, когда население страны за 20 лет снизилось до 38 млн чел. (с 44 млн чел.), а безработица взамен локального снижения снова устойчиво растет и, достигая 2 млн чел., составляет средний уровень по ЕС 12%.

И в этой ситуации, когда рынки ЕС для Польши частично закрыты на несколько лет, что будет объективно стимулировать дальнейший рост актуальности для Польши рынка России, возвращение польского бизнеса и страны в целом на российские рынки имеют известную

перспективу, что само по себе, не забывая о гигантском товарообороте России с ЕС, выгодно и для Польши, и для России.

Россия сосредоточивается на пути возвращения к закономерностям экономического развития

В координатах вышеописанной реструктуризации мирового хозяйства и экономики ЕС трансформируется и экономика России. Необходимо, очевидно, обозначить объективные основания и основной лейтмотив данной трансформации. Советский период российской экономической эволюции был характерен соисканием многих достижений и накоплением ряда существенных недостатков. Среди этих недостатков особое место занимала дилемма невосприимчивости экономикой достижений научно-технического прогресса. Можно констатировать, что накопленные в этот период недостатки вообще, и данный в особенности, не только в последние 25 лет трансформации не исчезли, но и на порядок умножились. Более того, это умножение традиционных недостатков было дополнено целым спектром новых, свойственных открытой либеральной экономике. В результате данного субстрата недостатков и противоречий экономика России через нагромождение диспропорций практически утратила воспроизводственную структурную накопленного богатства. К сожалению, многие аспекты и акценты экономической политики, способствовавшие данному «эффекту», продолжают иметь место и сегодня. Вместе с тем за последние 10—12 лет экономика страны, иногда посредством от-противного, частично продемонстрировала способность и волю к восстановлению и развитию. Это и реакция экономики на дефолт 1998 г. в части возвращения к экономическому росту на основе внутреннего спроса и внутреннего рынка; и восстановление в 2000-е гг. вертикали власти; и стремление государства восстановить осмысленность, комплексность и последовательность в реализации государственных регулятивных функций; и стремление к реиндустриализации и переходу на инновационный путь развития; и развивающаяся системная борьба с коррупцией; и создание Евразийского союза, а затем Таможенного союза, а также проведение целого ряда эффективных внешнеэкономических и международных трансакций, например, создание БРИКС, ШОС и т. д.

Конечно, до осознания необходимости доминантного восстановления и запуска работы внутреннего рынка еще далеко, но процесс развивается в нужную объективную сторону, связанную с

концентрацией и реализацией национальных политико-экономических интересов.

С формальной макроэкономической точки зрения сегодня как в Польше, так и в России экономическая ситуация не самая плохая. Однако взамен увеличения темпов роста ВВП до минимум 4,5% и снижения темпов роста инфляции, мы имеем вялотекущее снижение темпов роста с 3,6 до 3% и соответствующее ползучее увеличение инфляции. Структура же экономики практически законсервирована в крайне иррациональном состоянии. Все большую озабоченность вызывают и последствия не в полной мере подготовленного алгоритма вступления в ВТО.

Вместе с тем трансформация общественного сознания, активно стимулируемая властью, все в большей степени разворачивается к развитию. Так что для оптимизма есть существенные основания.

Литература

1. http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_poland.html.

Я. ПАСЕЧНЫ

Польша в процессе европейской интеграции — опыт и перспективы*

Аннотация. В статье представлен опыт польских экономических реформ в процессе европейской интеграции. Оцениваются как вызовы, так и проблемы, вытекающие из мирового кризиса.

Ключевые слова: Евросоюз, кризис, рост, реформа.

Abstract. The article concerns experience of the Polish economic reforms in the course of the European integration. Challenges and the problems following from world crisis are estimated.

Keywords: European Union, crisis, growth, reform.

Первый период реформ

Началом трансформации польской экономики принято считать 1989 г., когда впервые после Второй мировой войны было образовано некоммунистическое правительство. Однако это не вполне верно.

* Перевод с польского преподавателя Варшавского университета Д. Столярек.

Первые попытки реформирования экономики (например, создание благоприятных условий для зарубежных инвесторов) были предприняты уже в начале 1980-х гг. Отправной точкой следует считать принятый Сеймом (польским парламентом) в 1988 г. Закон о хозяйственной деятельности, который открыл возможности для предпринимательской деятельности и упростил регистрацию фирм физическими лицами. Уже в первый год действия нового закона возникли сотни новых предприятий, действовавших почти во всех секторах экономики. Полная либерализация экономики, заключающаяся в открытии границ импортным товарам и зарубежным инвестициям, а также конвертируемости польского злотого, произошла в начале 1990 г. Таким образом, можно сказать, что польским экономическим реформам исполнилось 25 лет — и это повод для размышлений о прошлом и, конечно, о будущем.

Первые результаты реформ не поддаются однозначной оценке. Положительным их эффектом было то, что в течение нескольких месяцев удалось преодолеть сопутствующий польской экономике в течение 40 лет предыдущего строя дефицит товаров. В то же время появилась гиперинфляция, и одновременно с усилением монетарной политики возникли массовые банкротства и давно забытая безработица. В первые годы трансформации число безработных росло по миллиону человек в год, достигнув к концу 1991 г. 2,2 млн человек. Уровень безработицы составил 16,4% от трудоспособного населения. Высокая процентная ставка, с одной стороны, тормозила спрос, с другой — ограничивала доступ к кредитам. Недофинансированные и устаревшие государственные предприятия, как правило, не выдерживали конкуренции с зарубежными фирмами, в массовом порядке входившими на польский рынок. Значительное число предприятий обанкротилось, остальные были приватизированы. Чаще всего их владельцами становились зарубежные корпорации. Улучшение положения в экономике началось только с 1993 г. Этому способствовала более прагматичная экономическая политика (в частности, закон, позволяющий сокращать задолженность предприятий), процесс укрепления нового отечественного бизнеса, зарубежные инвестиции и процессы реструктуризации, проведенные в предприятиях. После некоторого замедления в 1999—2001 гг., с начала века польская экономика стабильно развивалась темпами 4—6% в год вплоть до мирового кризиса 2007 г.

Польша в ЕС

1 мая 2004 г. Польша вступила в Евросоюз — спустя десять лет после подачи польским правительством заявления о ее членстве в ЕС.

Польша занимает шестое место по территории и шестое по численности населения. Можно сказать, что в 2004 г. Польша стала страной с окрепшей демократической системой и рыночной экономикой. Страна взяла на себя ряд обязательств, связанных со свободой перелива капитала, свободой личности, экологическими требованиями и др. Обязательства эти разными темпами выполняются, хотя это связано с существенными финансовыми затратами и значительными организационными усилиями. Евросоюз проявляет постоянную активность в области законодательства. Каждый год страны-члены уделяют много внимания, времени и направляют финансовые средства на адаптацию к меняющимся евросоюзным положениям. Качество евросоюзного законодательства, а также способ принятия многочисленных положений зачастую вызывают большие сомнения.

Европейское законодательство, хотя и подвергается критике, все же способствует прогрессу стран — членов ЕС. Соответствие европейским стандартам, быть может, более значимо, с точки зрения экономического и социального развития, чем евросоюзные средства, направляемые на стимулирование хозяйственного развития. Требования, касающиеся чистоты вод, утилизации мусора, корректного отношения к меньшинствам, развитие возобновляемой энергетики, охраны животных, стандартов чистоты и тысячи других вопросов, оказываются благоприятными для широко понимаемого цивилизационного развития стран ЕС.

Главенствующим принципом ЕС является поддержка политики сплоченности стран. В рамках поощрения европейской общности в 2007—2013 гг. Польша получила около 67 млрд евро. Средства эти в подавляющем большинстве были направлены в экономику. Дополнительное финансирование могли получить как публичные субъекты, так и частные предприятия. Согласно принципу софинансирования, ни один проект не мог быть полностью финансируван из евросоюзных средств. Независимо от юридической формы инвестора, получение евросоюзных субсидий всегда было и остается связанным с необходимостью наличия собственных средств. Польша получила значительные суммы на охрану окружающей среды, развитие технической и транспортной инфраструктуры, поддержку просвещения, развитие инноваций, поддержку общественных инициатив и многих других сфер. Большую активность в привлечении евросоюзных средств проявили первичные органы местного самоуправления — гмины. Следует отметить тот факт, что самофинансирующиеся гмины сумели накопить необходимые

собственные средства, сохраняя при этом жесткую финансовую дисциплину.

С точки зрения проводимой политики сплоченности Польша служит примером умеренного успеха, что представлено в табл. 1, 2.

Таблица 1

ВВП на душу населения по паритету покупательной силы (2000—2011)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
EU-27 =100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Польша	48	48	48	49	51	51	52	54	56	61	63	64

Источник: [1].

Таблица 2

Темпы развития ВВП Польши на фоне ЕС (2003—2012)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
EU-27 =100	1,5	2,5	2,1	3,3	3,2	0,3	-4,3	2,1	2,5	-0,3
Польша	3,9	5,3	3,6	6,2	6,8	5,1	1,6	3,9	4,3	2,0

Источник: [2].

За последние годы значительно улучшились техническая, транспортная инфраструктура, а также связь и охрана окружающей среды. Значительные средства были также инвестированы в развитие и интеграцию местных обществ. Дистанция, разделяющая Польшу и «старые» страны Евросоюза остается все еще большой. Возможно, в следующем многолетнем периоде бюджет Польши получит такую же или даже большую сумму дополнительного финансирования, что будет способствовать дальнейшим инвестициям.

Евросоюз проводит политику общности прежде всего в масштабе регионов. В этой области оценка действий, направленных на выравнивание различий, не снискала однозначно положительного мнения. В Польше экономически слабые регионы получают больше евросоюзного финансирования. Кроме того, действует специальный налог, которым облагаются более богатые регионы самоуправления, средства же от них направляются на сглаживание неравенств. Эффекты от таких трансфертов сомнительны. Экономически слабые регионы Восточной Польши, несмотря на передаваемые им средства, не в состоянии внедрить эндогенные механизмы роста. ВВП на душу населения, оцениваемый по покупательной способности малоимущего населения самых бедных польских регионов, достигает 42—45% от средней по Евросоюзу, что сопоставимо с Румынией и Болгарией. Самое богатое воеводство в Польше — Мазовецкое — достигло 102% ВВП ЕС на душу населения по уровню покупательной способности.

Однако 63% ВВП этого региона обеспечивает Варшава, если ее выделить из Мазовецкого воеводства, то оно станет одним из наиболее бедных регионов ЕС. Таким образом, политика выравнивания не приносит заметных результатов, что не особо удивляет, учитывая сложившийся опыт ЕС. Похожая политика в несравнимо большем масштабе проводится в Италии уже более сорока лет и в Германии — более двадцати лет. И везде без заметных успехов. Результатом огромных трансфертов в более бедные регионы является, в лучшем случае, то, что поляризация не усиливается.

Трансформация промышленности

Бытующее на рубеже веков убеждение об отмирающей роли промышленности в высокоразвитых странах уходит в прошлое. По всей вероятности, доживает свой век доминирование развивающихся стран в области производства. Это вызвано исчерпыванием простых ресурсов труда и ростом уровня издержек. Последние два года принесли беспрецедентное возрождение промышленной деятельности в США. Рабочие места в американской промышленности создают не только американцы, но также и европейские и китайские фирмы. Это означает, что развитие промышленности может оказаться решением, которое выведет высокоразвитые страны из мирового кризиса.

Трансформация польской промышленности не поддается однозначным оценкам. Особенно критически следует оценивать ликвидацию огромной части промышленного потенциала, созданного за 44 года существования ПНР. В 1988 г. в Польше функционировали 1610 предприятий, созданных как проекты «гринфилд»²⁵. Они составляли 26% всех работающих тогда в Польше 6230 промышленных предприятий (свыше 100 занятых). В 1998 г. все основные фонды промышленных предприятий составляли 23 трлн тогдашних злотых, из которых имущество фирм, созданных в ПНР, — 58%. Они обеспечивали около 2 млн рабочих мест. До 2011 г. из 1610 предприятий не сохранилось (т. е. произошла полная ликвидация) 650, что составляет 16% стоимости производственного имущества в промышленности в 1988 г.; 30% созданного в ПНР производственного имущества; 45% (900 тыс.) созданных в промышленности ПНР рабочих мест. Число закрытых предприятий, стоимость и масштаб их имущества были огромны (в 1980 г. в промышленности было занятых 5 240 тыс. человек; в 2011 — 2 930 тыс., и это число все время

²⁵ Проекты «гринфилд» («greenfield») — развитие хозяйственной деятельности, обустройство территорий разного происхождения и характера, рост инвестиционной привлекательности региона.

сокращается). Из всех европейских стран сопоставимый спад произошел только в Великобритании, однако там закрывались лишь «грязные» отрасли промышленности, в то время как в Польше в основном закрывались предприятия потребительского сектора и высоких технологий. Примерно из 95 заводов электронной отрасли, построенных в ПНР, закрылось 84. Эти потери промышленного потенциала были следствием неблагоприятных условий в начале 1990-х гг., сопровождаемых крайне либеральной ортодоксией тогдашней власти.

Следует отметить, что фирмы, которые успешно провели реструктуризацию, а также многие вновь образованные фирмы добились высокого уровня конкурентоспособности.

Пробел после многочисленных банкротств «бывших» фирм заполнили новые инвестиции. Уже в начале 1990-х гг. в Польше были созданы благоприятные условия для зарубежных инвесторов. Объемы зарубежных инвестиций в Польше представлены на рис. 1.

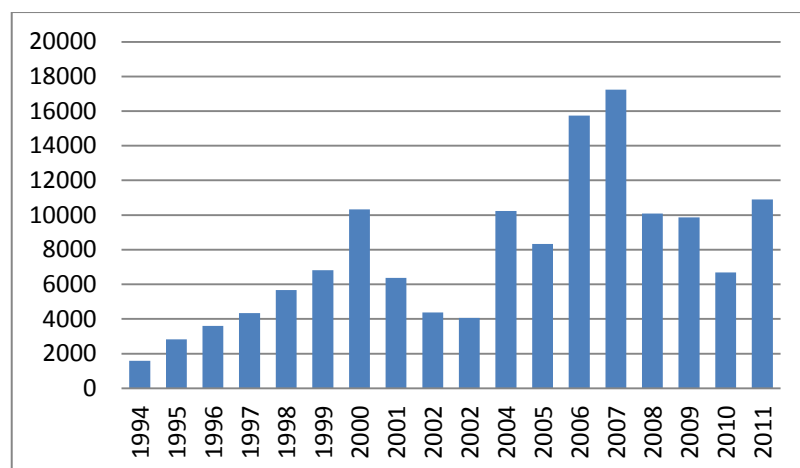

Рис. 1. Объемы зарубежных инвестиций, в млн евро [3]

Вначале зарубежные инвесторы активно участвовали в процессах приватизации. Сейчас, после завершения приватизации, большинство инвестиций составляют проекты типа «гринфилд».

Все это стало причиной того, что во многих секторах промышленное производство росло. Польша стала самым крупным производителем бытовой техники (телевизоры, холодильники, посудомоечные машины, газовые и электрические плиты, кухонные

комбайны), самым крупным производителем мебели, одним из крупнейших производителей автобусов и многих других товаров. Высокий уровень диверсификации промышленности был одним из источников относительно хорошей кондиции польской экономики в первой стадии мирового кризиса. О конкурентоспособности польских предприятий говорит, в частности, динамика экспорта (рис. 2). В начале 2012 г. Польша впервые за многие годы отметила положительный баланс внешней торговли. Следует добавить, что доля сырья, составлявшего в начале 1990-х гг. и ранее важную статью экспорта, в настоящее время не превышает 5%.

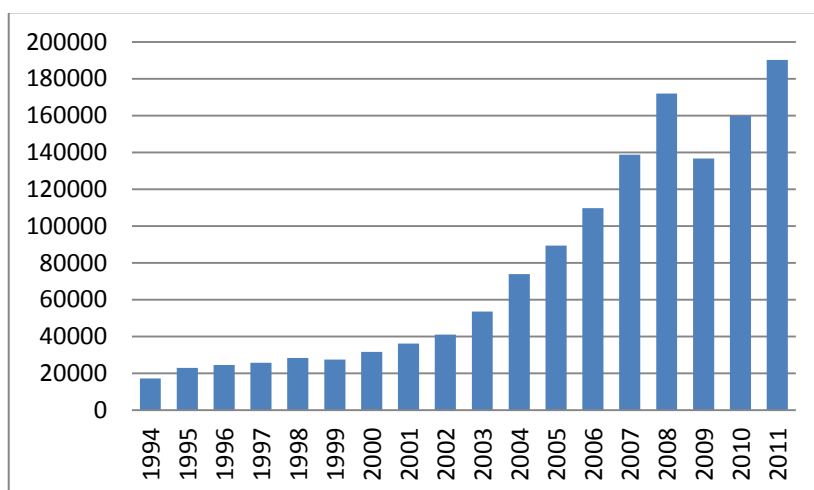

Рис. 2. Польский экспорт (1994—2011), млн дол. [4]

Все это не дает возможности дать однозначную оценку трансформации польской промышленности — многочисленные ошибки, бездействие и легкомыслие сопровождаются значительными успехами.

Перспективы и вызовы

Опыт Польши и преобразования, происходящие в мире, позволяют поставить предварительный диагноз действительным проблемам экономики. К наиболее важным, пожалуй, относятся следующие.

1. *Бюрократизация страны.* Уже несколько лет число госслужащих постоянно растет. В 1990 г. общее число занятых в госадминистрации и самоуправлении составляло 159 тыс. человек, а в 2010 г. их было 440 тыс. [5, 305]. Это сопровождается большими расходами и влияет на неэффективность администрации. Длительные процедуры и нечеткость положений — факторы, тормозящие развитие. Проблемой является также обесценивание законодательства. Только документ о присоединении к Евросоюзу насчитывает 6000 страниц.

2. *Занятость.* Высокие страховые взносы повлияли на то, что работодатели уклоняются от трудоустройства сотрудников. Польша является страной, в которой больше чем в остальных европейских странах заключается временных трудовых договоров — в 2012 г. почти 27% всех занятых, в среднем же по Евросоюзу — 14,1%. Повышение издержек труда в период экономического замедления является проциклическим действием.

3. *Законодательство ЕС.* В некоторых важных сферах оно обуславливает решения, неблагоприятные для Польши. Особенно это заметно в области энергетики. В ЕС действует сильное экологическое лобби, которое форсирует введение жестких ограничений эмиссии CO₂, несмотря на то, что Европа является относительно незначительным эмитентом этих газов. Если будут приняты эти нормы (а это вероятно), польская энергетика, работающая в основном на угле, лишится возможности существования. В то же время в Евросоюзе действует сильное лобби противников добычи сланцевого газа, а также противников ядерной электроники. Все это затормаживает инвестиции энергетических концернов, а цены энергии могут резко вырасти, что повлияет на снижение конкурентоспособности экономики.

4. *Структура собственности в экономике.* За последние годы многие отрасли польской экономики, почти вся банковская система и крупная торговля стали собственностью зарубежного капитала. В настоящее время из 500 самых крупных польских предприятий свыше половины принадлежит зарубежному капиталу. Несмотря на несомненную выгоду от присутствия иностранного капитала, все больше заметны проблемы. Во-первых, иностранный капитал намного мобильнее. На практике это означает необходимость конкурировать за этот капитал с другими странами (неоднократно в ущерб доходов из госбюджета). Во-вторых, опыт последнего кризиса четко показывает,

что утверждение, что «у капитала нет национальности», недостоверно. Многие фирмы «награждают» свои родные страны новыми инвестициями, размещением там наиболее рентабельных элементов стоимостной цепочки или высшей зарплатой. В-третьих, трансферт средств из Польши, приобретающий облик выплачиваемых дивидендов или трансфертных цен становится серьезной проблемой. В-четвертых, возможность воздействия отечественной власти на решения фирм, являющихся собственностью иностранного капитала, весьма ограничена. Особенно заметным это становится в период кризиса. В-пятых, наконец, со стороны иностранных фирм нет стимулов — они не создают спроса на отечественную технологическую мысль и новаторские решения. В результате не развивается отечественная научно-исследовательская инфраструктура.

5. *Растущая государственная задолженность.* За последнее десятилетие выросли расходы из госбюджета при одновременном снижении налогов и постоянных огромных издержках функционирования реформированной пенсионной системы. Это вызвало рост публичного долга. Действия, предпринимаемые правительством ради сокращения долга, сводятся в основном к сокращению инвестиций, что отрицательно влияет на экономическую конъюнктуру.

Существуют также иллюзорные проблемы, на которые упорно указывают некоторые авторы.

1. *Демографические проблемы.* В Польше за последние годы отмечается отрицательный показатель естественного роста, что вызывает серьезные опасения и катастрофические картины будущего — отсутствия заменимости поколений и невозможности сохранения в будущем выплат из фонда соцстрахования. Эти опасения кажутся преувеличенными. Во-первых, свыше 2 млн безработных (в значительной мере молодых) составляют огромный резерв ресурсов труда. Во-вторых, дополнительным ресурсом являются несколько сот тысяч занятых в раздробленном сельскохозяйственном секторе. В-третьих, за последние годы из Польши эмигрировало свыше 1 млн человек. Несколько сот тысяч из них готовы вернуться — лишь бы в Польше их ждала работа. В-четвертых, наконец, если бы действительно появился дефицит рабочей силы на рынке труда — его легко преодолел бы привлечение зарубежных работников. Уже сейчас почти 200 тыс. человек в странах бывшего СССР имеют так называемую «карту поляка» — документ, подтверждающий польскую национальность. Значительное число из них открыто заявляют о своей заинтересованности в поселении и работе в Польше.

2. *Коррупция.* Поляки сетуют на коррупцию, однако серьезные исследования не подтверждают существования в Польше особой интенсивности этого явления. Польское законодательство о госзаказах жесткое и требует большой прозрачности. В 2006 г. была образована специализированная служба для борьбы с коррупцией. Случаи с коррупцией озвучиваются СМИ, по коррупционным делам судами выносятся приговоры. При этом исследования, проводимые среди иностранных инвесторов, не подтверждают мнения, согласно которому коррупция является особо серьезной проблемой в Польше.

3. *Доступ к сырью.* Опасения относительно обеспечения энергетической безопасности постоянно поднимаются в Польше, прежде всего в СМИ. Польша является импортером почти всей потребляемой нефти (в большинстве из России) и около 60% природного газа (исключительно из России). Политика монополизации поставок, совмещенная со строительством газопроводов, проходящих мимо Польши, беспокоит общество. Это беспокойство только частично обосновано. Польша располагает большими запасами каменного угля. Современные технологии позволяют намного эффективнее и с соблюдением требований экологии использовать это сырье. Кроме вероятных залежей сланцевого газа у Польши есть значительные запасы природного газа, которые в состоянии обеспечить потребности почти половины отечественного спроса. Революция в сфере добычи сланцевого газа и его компрессии привела к резкому росту предложения этого сырья в мире. Строящийся сейчас крупный порт газа в Свиноустье будет способствовать полной диверсификации импорта газа.

Мировой экономический кризис создает новые проблемы и вызовы, однако сложившийся опыт трансформации позволяет сформулировать несколько рекомендаций.

1. Следует стремиться к налогообложению потребления (это относительно просто) и/или капитала (что намного сложнее). Сложившаяся до сих пор практика налогообложения труда действует против занятости и развития.

2. В экономической политике следует руководствоваться прагматизмом. Опыт крайнего догматизма (антирыночного в период ПНР и либерального в начале и в конце 1990-х гг.) обернулся пагубными последствиями для экономики.

3. Следовало бы продолжать децентрализацию страны. Серьезной проблемой для Польши является бюрократия, а разрастающаяся администрация пытается «захватывать» и централизовать те сферы, в которых были проведены рыночные

реформы (например, высшее образование). Тем временем децентрализация администрации, проведенная в начале 1990-х, дала превосходные эффекты. Территориальные самоуправления эффективно выполняют порученные им задачи, сохраняя финансовый режим. Дальнейшая децентрализация является альтернативой для неэффективной центральной бюрократии.

4. Следует продолжать политику поддержки для отечественных и иностранных инвестиций путем грантов, упрощения процедур, а также развития благоприятной технической и транспортной инфраструктуры (на что указывают инвесторы). Существенна также диверсификация экономики — чрезмерные излишества некоторых секторов экономики привели к серьезным кризисам в таких странах, как Исландия, Ирландия, Испания или Кипр.

5. По мере возможности следует использовать шанс «полонизации» некоторых секторов или предприятий. Как упоминалось ранее, участие иностранного капитала в структуре польской экономики слишком велико, что вызывает определенные проблемы. Кризис создает шанс частичного изменения структуры собственности в стране, хотя возможности воздействия власти (хотя бы в силу отказа от части суверенитета ЕС) ограничены.

Литература

1. Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00114> — 18.03.2013.
2. Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00115> — 18.03.2013.
3. PAIZ // http://www.paiz.gov.pl/polska_w_liczbach/inwestycje_zagraniczne — 19.03.2013.
4. Ministerstwo Gospodarki // http://www.mg.gov.pl/files/upload/8437/PL_MG_DSA_MWP_Polska_2012_Raport_o_stanie_hz_w_ost.pdf — 19.03.2013.
5. *Kieżun W.* Patologia transformacji. Warszawa, 2012.

З.Э. СКРЫННИК, Е.С. ЗОТОВА

Европейские ценности и рыночные механизмы на политическом поле постсоветских стран

Аннотация. Рассмотрено влияние рыночной экономики на проблемы формирования в постсоветских странах гражданского общества и социально-политическую сферу в целом. Сделан вывод, что уровень исследований взаимовлияния экономики и политики в социальной философии постсоветских стран не отвечает общественной значимости этой проблемы, что снижает эффективность проводимых реформ.

Ключевые слова: гражданское общество, ценности, рыночные отношения, деньги, теория общественного выбора, гражданский консенсус.

Abstract. Modern realities of market economy have considerable influence on social mechanisms and problems of civil society and the whole social-political sphere. Comprehension of this influencing in domestic social philosophy is not adequate to theoretical and practical meaningfulness of problem.

Keywords: civil society, values, market relations, money, theory of public choice, civil consensus.

Мировоззренческие аспекты социально-экономической трансформации, в процессе которой находятся сегодня постсоветские страны, проявляются в том, что в ходе этих преобразований социальный выбор осуществляется не только в политических и экономических, но также в экзистенциальных параметрах. Альтернативными вариантами этого выбора являются, с одной стороны, фундаментальные ценности человеческого существования, а с другой, инструментальная рациональность, которую репрезентируют, в частности, денежные механизмы рыночного общества. Они далеко выходят за рамки экономики, пронизывают собой все сферы социальной жизни, все аспекты человеческих отношений. В советской философской мысли проблема влияния рыночных механизмов на субстанциональные основы социальной жизни традиционно рассматривалась в рамках марксистского исторического материализма. На фоне кардинальных изменений как в философских подходах, так и в реальной жизни социума, попытки по-новому осмыслить социальную роль рыночных механизмов находятся в начальной стадии [1; 2].

Вместе с тем в последнее время, особенно на фоне избирательных процессов, влияние денежных отношений на все аспекты социальной жизни, особенно на политическую сферу, стало весьма значимым. Утверждение рыночных механизмов в политике несет в себе угрозу основам социальной солидарности, тотализацию инструментальной рациональности. Теперь уже не экономика, а политика угрожает стать средой, из которой во все проявления жизненного мира человека просачиваются отношения, в которых все покупается и продается за деньги. Экономическая политика государства, назначение которой — ограничение стихии денежных отношений, сама оказывается в плену этой стихии, которая создает угрозу для стабильности общества.

Специфика политического рынка и условий деятельности на нем, поведения «производителей» и «потребителей» политического и идеологического «товара» имеет свои специфические особенности.

Французский социолог П. Бурдьё для определения этой специфики применяет понятие «политическое поле». Именно эта сфера общественной жизни является «местом, где в конкурентной борьбе между агентами, которые в нее втянуты, производится политическая продукция: проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, среди которых и должны выбирать рядовые граждане, сведенные до положения “потребителей”, из-за чего очень рискуют попасть в неприятность в силу своей отдаленности от места производства» [3, 182]. Основная проблема, связанная с превращением политики в рынок, заключается в том, что народ, которого классические концепции рассматривали как суверена, носителя коллективной воли общества, на «политическом поле» атомизируется в конгломерат индивидов или групп, которые находятся в «броуновском движении», побуждаемые лишь собственными интересами потребителей на рынке политических товаров. Тогда политические партии и лидеры уподобляются предпринимателям, которые предлагают избирателям широкий выбор услуг и меньшие налоги в обмен на голоса; политическая пропаганда трансформируется в коммерческую рекламу; правительственные учреждения могут действовать как государственные фирмы, существование которых зависит от того, оправдывает ли получаемая в результате их деятельности политическая поддержка затраты на их содержание. Именно поэтому исследователи считают, что анализ социально-политических явлений можно осуществлять на основании изучения традиционного рыночного поведения людей, которые действуют как рациональные и эгоистичные индивиды. Возникла и

консолидировалась новая отрасль социального знания — политический маркетинг.

Целью политической деятельности нередко становится коммерческая выгода в ее прямом значении. По нашему мнению, утверждение, что маркетинг на политическом рынке имеет некоммерческий характер [4], скорее можно отнести к разряду добрых пожеланий, чем к реальности. Аргумент, что на политическом рынке удовлетворяется спрос не на материальные товары и услуги, но и на реализацию и усвоение определенных норм и ценностей, не выглядит убедительно на фоне данных об олигархическом характере политической власти во многих странах, даже далеко не таких проблемных, как постсоветские. Определение некоммерческого характера маркетинга на политическом рынке, как и ряде других — здравоохранения, искусства, науки, спорта, образования и т. п. — на основании трех признаков: неприбыльного характера деятельности, наличия свободного некоммерческого обмена результатами этой деятельности и наличия конкуренции в сфере некоммерческой [5, 9] — тоже, по нашему мнению, заслуживает критического подхода. Более адекватным реальному состоянию дел представляется угол зрения, представленный С. Лешом в монографии «Социология постмодернизма» [6], который отмечает, что в культуре постмодерна происходит процесс комодификации, т. е. превращения в товары и выхода на коммерческие рынки социальных ценностей тех сфер, которые раньше имели нерыночный характер: это, собственно, искусство, образование, здравоохранение, спорт, наука.

В связи с этим хочется подчеркнуть справедливую обеспокоенность относительно вопроса, насколько системный характер имеет маркетинговый подход в политике. Является ли он одной из многочисленных технологий политической деятельности или речь идет об одной из действительно сеобщих теорий политического процесса, которая существует рядом с традиционными нормативными теориями [4]? Нельзя отрицать таких преимуществ маркетингового подхода в политике, как обеспечение по-настоящему свободной конкуренции, противодействие политическому монополизму и недобросовестной политической рекламе; применение исследовательских процедур в ходе избирательных кампаний и т. п. И все же существование маркетингового подхода в политике рядом с традиционными нормативными теориями самой своей сутью прямо противоречит нормативности ценностей гражданского общества и утверждает в политической жизни последовательно проведенный

принцип инструментальной рациональности, подрывающей базовые ценности, на которых основана социальная солидарность.

Таким образом, можно констатировать, что в современном обществе существенно смещаются параметры, которые исследует социальная философия: область политики, традиционно конституированная как достаточно автономная от действия экономических отношений, в заметно большей мере должна рассматриваться под углом зрения функционирования экономических механизмов. В частности, объектом исследования может быть мотивационная сфера людей, которые занимаются политикой и используют политические институты и правительственные заведения ради реализации частных интересов, а основные сферы исследования — это избирательный процесс, деятельность политических партий и движений, выборных органов государственной власти, а также правительственных чиновников и бюрократии. С другой стороны, изменяется характер влияния политики на экономику: социально детерминированные рамки для экономических процессов нужно искать не в экономической политике государства (поскольку эта политика не защищена от коммерческого расчета конкретных политиков и целых политических структур), а в фундаментальных общественных механизмах принятия властных решений относительно экономических проблем.

Социософский анализ очерченных проблем в постсоветских странах осуществляется на уровне исследования мировоззренческих аспектов развития гражданского общества, в параметрах таких экзистенциальных измерений, как свобода, солидарность, справедливость, национально-культурная идентичность. Признавая правомерность и актуальность такого подхода, целесообразно, однако, отметить определенную его односторонность, поскольку достаточно глубокое понимание этих безусловных ценностей предусматривает осознание и осмысление факторов, которые реально противостоят ценностям гражданского общества и ограничивают возможности их реализации. Без учета этих факторов философская трактовка экзистенциальных ценностей гражданского общества будет иметь абстрактный характер.

Пока что возможность достижения социального консенсуса относительно практических аспектов социальной солидарности в дискурсе гражданского общества является предметом анализа в большей мере в экономических, чем в философских исследованиях. В частности стоит отметить такое направление анализа, как теория общественного выбора Нобелевского лауреата по экономике (1986)

Джеймса Бьюкенена, которую по характеру поставленных проблем можно оценить как движение экономической теории навстречу социософскому анализу проблем гражданского общества. Значимыми для нашего исследования проблемами, которые рассматривает Дж. Бьюкенен, являются способы получения выгоды с помощью политического процесса, причины искажения демократического идеала и пути предотвращения трансформации демократии в авторитарный режим, возможность построения справедливых коллективных решений и стойкой коалиции, причины того, что голосование по принципу большинства не обеспечивает выяснения настоящих приоритетов, которые существуют в общественном сознании и системе ценностей данного социума (см.: [7; 8]). Анализ этих проблем опирается на рассмотрение государства как одного из экономических субъектов, т. е. исследование, по мнению Бьюкенена, не выходит за пределы экономической науки в сферу политологии, социологии и социальной философии, а, наоборот, включает социальные феномены, которые традиционно принадлежали к компетенции других областей знаний, в орбиту экономической науки.

Согласно подходу теории общественного выбора, главное экономическое задание государства — обеспечение общественных потребностей в неэффективных для рынка ситуациях, которые характеризуются как «провалы рынка», — к ним отнесены монополия, нехватка информации, внешние негативные эффекты и производство достаточного количества и качества «чисто общественных благ». В отличие от «чисто частного блага», каждая единица которого может быть продана за отдельную плату, понятие чисто общественных благ означает такие блага, которые потребляются всеми гражданами независимо от того, платят ли за это потребители. Их главные признаки: несостязательность — т. е. потребление такого блага одним человеком не уменьшает его доступности для других, и неисключительность — т. е. никто не может быть отстранен от доступа к этому благу. Задача государства — произвести и поддерживать процедуру, которая вынуждает граждан участвовать в финансировании производства общественных благ не на добровольных, а на принудительных принципах. Инструментом для этого являются в первую очередь налоги.

Суть понятия «общественный выбор» и заключается в том, что принятие решений относительно производства и распределения общественных благ, которое осуществляется через систему политических институтов, должно носить нерыночный характер. Механизмом выявления индивидуальных ориентаций относительно

частных благ являются товарно-денежные отношения, рынок. Относительно общественных благ аналогом рынка становится государство, оно выявляет позиции индивидов с помощью специфического инструмента — голосования.

Подвергнув тщательному анализу закономерности распределения голосов во множествах избирателей в зависимости от «правил политической игры», Бьюкенен делает вывод: процедура голосования сама по себе не гарантирует освобождение процесса принятия политических решений от действия рыночных механизмов, наоборот, при определенных обстоятельствах голосование может создавать благоприятные условия для политического торга, подкупа, манипуляций. Гарантию демократических решений могут дать лишь непоколебимо стабильные конституционные принципы.

Как отмечает Фридрих фон Гайек, «Выбор таков: либо свободный парламент, либо свободный народ. Чтобы сохранить личную свободу, нужно ограничить всякую власть — даже власть демократического парламента — долгосрочными принципами, одобренными народом» [9, 524]. Основные опасности, которые существуют в демократической системе: прямое притеснение граждан бюрократией, опасность тирании большинства, неэффективность избранной власти — по мнению сторонников теории общественного выбора, могут быть преодолены при условии четкого функционирования стабильной системы выборов. Бьюкенен выдвигает в этом контексте очень важную идею о правовой системе как своеобразном общественном капитале: система законов, которая обеспечивает стабильность межличностных отношений, является не просто залогом процветания общества, а обнаруживает свое позитивное влияние на социальные процессы все полнее и ощутимее в зависимости от того, насколько сама она стабильна в течение длительных периодов времени. Расшатывание же правовой системы, какими бы добрыми намерениями оно не диктовалось, может привести к безвозвратной потере этого общественного капитала.

«Конституционным выбором» общество закладывает четкие и жесткие «правила политической игры» для государства — так как конституция это основной закон гражданского общества, а не государства. На основе четко определенного и стабильного конституционного выбора строятся правовые доктрины и «рабочие правила», направленные на решение двух взаимоувязанных заданий: обеспечить нормальное функционирование рыночных механизмов и решить социальные проблемы.

Реализуя общественный выбор, государство сосредоточивает усилия на выработке и реализации национальных приоритетов, к которым можно отнести такие задачи, как:

- содействие и стабилизация экономического роста, выработка сбалансированной макроэкономической политики с целью достижения устойчивого развития с учетом экологических и социальных требований;
- осуществление инновационной политики, направленной на развитие НТП, в частности, фундаментальной науки, поддержка информационных технологий;
- всестороннее содействие развитию образования;
- осуществление социальной функции государства, поддержка семейных ценностей;
- реагирование на процессы глобализации, адекватное национальным интересам;
- комплексные мероприятия по охране окружающей среды, совершенствование экологических регуляторов [10, 10—11].

Рост роли государства, однако, не может быть неограниченным, и главный ограничивающий фактор — необходимость нормального функционирования рыночного механизма, для которого административные методы вмешательства являются разрушительными. Поэтому государственное регулирование не подменяет собой действие рыночных механизмов, а использует их, усиливая или ослабляя их влияние в соответствии с социальными потребностями. По нашему мнению, финансовые рычаги, которые государство, реализуя общественный выбор, использует для придания экономике социальной направленности, выражают собой *социальную* природу рыночных механизмов в современном мире.

Необходимо отметить: социальный характер функционирования рыночных механизмов *определяется не самим фактом их использования государством*, а тем, что в результате реализации конституционного и пост-конституционного выбора *принятие решений о применении этих механизмов выведено за рамки рынка как такового и подчинено гуманитарным приоритетам общественной солидарности*.

Можно утверждать, что и для постсоветских стран нормальное функционирование рыночных механизмов в соответствии с потребностями социально направленного рыночного общества предопределено реальной степенью достижения социального консенсуса, преодолением деформаций в системе ценностей, наличием того компонента, который Р. Инглхарт называет «ценностями

самовыражения» [11], а Р. Патнем — «индексами гражданственности» [12]. В настоящее время состояние системы ценностей постсоветского общества и место в ней денег настолько специфические, что в научном употреблении появилось специальное понятие для его определения — «неомеркантилизм».

Связь между ценностными ориентациями людей и экономическим и политическим продвижением общества не очевидна для массового сознания, однако бесспорна для современной социальной философии и экономической науки, которые считают одним из основных факторов в экономических трудностях постсоветских обществ недостаточное развитие гражданского общества и низкую эффективность демократических институций, в частности негосударственных объединений граждан. Их эволюцию при условиях посткоммунистической трансформации можно достаточно точно охарактеризовать словами В. Степаненко: от принудительного членства к свободе гражданского участия [13, 98].

Причины такого положения, конечно, укоренены в недавнем периоде истории, негативный опыт которого еще долго будет вызывать слабость гражданского общества в постсоветских странах. Так, шотландский исследователь М. Говард [14] указывает на такие составляющие этого негативного исторического опыта посткоммунистических стран, которые существенно сдерживают гражданскую активность населения:

- отвращение к принудительно-ритуальной активности советских времен, которая вызывает недоверие к любым организационным образованиям;
- массовое разочарование в современной социальной системе, которая имеет псевдодемократический и квазирыночный характер;
- существование стойкой сети неформальных связей, которая компенсирует нехватку публичной активности и имеет клиенталистскую природу, т. е. отношения между гражданами в ней заменены на отношения «покровитель — подопечный», симметричные привычному с советских времен патернализму.

Заметим, что отличие относительно советских времен заключается в том, что «подопечный», который раньше до старости с теми или иными вариациями повторял: «Нам Октябрь подарил этот детский сад» (детская песенка советских времен) — в настоящее время чувствует себя выброшенным из этого детсадика сиротой и находит новых покровителей в самых неожиданных местах.

Слабость гражданского общества неминуемо отражается на деятельности правительств и, в частности, ее экономических

результатах. Так, по результатам исследования Р. Патнема, правительства в регионах (а следовательно, и в странах) с неразвитым гражданским обществом являются неэффективными — они ослаблены «негражданской социальной средой», а потому неспособны эффективно защищать закон, быть справедливым и авторитетным арбитром в ведении общественных дел. «Сам характер сообщества, который побуждает граждан требовать более сильного правительства, уменьшает вероятность того, что любое правительство будет сильным, по крайней мере, если остается демократическим» [12, 140].

Только на основе развитого гражданского общества — при условиях демократического консенсуса относительно основных параметров общественного выбора — создается тот «социальный капитал», который делает правительство экономически эффективным. Однако взгляды на пути достижения этого консенсуса сегодня не выходят за рамки теоретических построений и существенно отличаются между собой.

Проведенный анализ дает основания для вывода: современные реалии квазирыночной экономики постсоветских стран оказывают значительное и весьма неоднозначное влияние на механизмы функционирования гражданского общества и социально-политическую сферу в целом. Осмысление этого влияния в социальной науке еще не адекватно теоретической и практической значимости проблемы. Недостаток политической воли, слабая мотивация власти со стороны гражданского общества — одна из важнейших причин того, что незрелость, несовершенство, незавершенность социально-экономических реформ в этих странах приобрели системный и перманентный характер.

Литература

1. *Мазараки А.А., Ильин В.В.* Философия денег. Киев, 2004.
2. *Карась А.* Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях та некласичних інтерпретаціях. Київ; Львів, 2003.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Полторак В.* Політичний маркетинг та організація виборчих кампаній // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2002. № 1.
5. *Андреев С.Н., Мельниченко Л.Н.* Основы некоммуерческого маркетинга. М., 2000.
6. *Скот Л.* Соціологія постмодернізму. Львів, 2003.
7. *Нуреев Р.* Теория общественного выбора // Вопросы экономики. 2002. №9—12; 2003. № 1—4.

8. *Бьюкенен Дж., Масгрейв Р.* Суспільні фінанси і суспільний вибір: Два протилежних бачення держави. Київ, 2004.
9. *Гаск Ф.А.* Цінність свободи // Лібералізм. Антологія. Київ, 2002.
10. *Сулян В.Б.* Роль государства в американской экономике: теория и практика // США и Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 4.
11. *Инглхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
12. *Патнем Р.Д.* Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. Київ, 1991.
13. *Степаненко В.* Суспільна трансформація у соціокультурній моделі інтерпретації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2003. № 4.
14. *Howard M.* Free not to Participate: the Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Glasgow, 2000.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Реплика по поводу Макиавелли*

Аннотация. Неоднозначные итоги обсуждения сложной проблемы Н. Макиавелли и макиавеллизма на теоретическом симпозиуме: заурядный и сегодня никому не нужный памфлетист или блестящий и крайне актуальный нововременский мыслитель-политолог?

Ключевые слова: Макиавелли, макиавеллизм, политика, политология, власть, история, государствоведение, философия хозяйства.

Abstract. Ambiguous results of discussion of a complex problem of N. Machiavelli and machiavellism on a theoretical symposium: ordinary and today to nobody necessary pamphleteer or brilliant and extremely actual novovremensky thinker-political scientist?

Keywords: Machiavelli, Machiavellianism, politics, power, history, political science, philosophy of economy.

Следует сразу заметить, что выставленная на симпозиум тема не вызвала у ученой общественности, как ожидалось инициатором темы и автором этих строк, энтузиазма, так что симпозиум оказался весьма камерным по числу участников, как и не испытавшим ораторского со всех сторон давления за выход на дискуссионную трибуну. Были высказаны разные точки зрения на феномен и личность флорентийского политического оракула — от заметно одобрительной до весьма уничижительной, включая и вполне отрицательную — как с моральной, так и с чисто политической позиций.

Три Макиавелли: 1) политический мудрец, чье учение (ежели не учение, то взгляды, советы, наставления) имеет непреходящее значение и способно определять и определяет до сих действия эффективных властей предрежащих; 2) посредственный «политолог», плохой стратег и неважный тактик, не оказавший и не могший оказать серьезного воздействия на действительно эффективных правителей;

* Размышления после состоявшегося в МГУ (12 марта 2013 г.) научного симпозиума на тему: «Неувядаемое учение (к 500-летию создания пронизательным и мудрым Никколо Макиавелли бесстрашного и бессмертного произведения “Государь”)».

3) идеолог любых диктатур и любого империализма — жесткий, циничный, беспощадный.

Автор реплики придерживается первой (достаточно общей и условной, конечно) точки зрения, освобождая себя и самого Макиавелли от морально-политической оценки личности славного флорентийца и находя в выказанном им макиавеллизме концептуальную и деятельскую опору для инициативного и творческого ведения любой эффективной политики, как и любого эффективного управления, как правило, в достаточно сложных, противоречивых и разнородных социальных организациях, в особенности в моменты их критических состояний, но... непременно в целях сохранения, укрепления и развития больших социальных организмов в целом. Здесь, как представляется автору этих строк и вводного доклада на симпозиуме, у Макиавелли ничего наивного, устаревшего или ненужного, хотя и не все сказанное им можно принять в обыденно-нравственном разрезе. Хочется спросить у добропорядочных и всеумеющих судей и критиков макиавеллизма: кто, где и когда видел высоконравственную политику, начисто лишенную секретов, обманов, ловушек и коварства, да еще при этом и эффективную, да еще и проводимую в угоду частенько обычно раздираемой противоречиями, противостояниями и противоборствами большой социальной целостности? Вряд ли можно обнаружить где-нибудь совершенно открытую, повально честную и абсолютно нравственную в обыденном понимании политику. Политика — игра, причем игра в общем-то без правил, а ежели это и искусство, то искусство не так возможного, как невозможного, — и ставка в этой игре не только благополучие страны, города, классов, всего «своего» населения, но и такие вещи, как поражение страны, унижение правителя, крах государственности, рабство народа, безмерная смерть.

В макиавеллизме обычно видят и принимают за весь макиавеллизм всю ту отходящую от обыденной морали политико-репрессивную чрезвычайщину, которая всегда случается в любой не спящей, а исторически бодрой стране, в особенности в критические и даже героические моменты ее бытия. Но макиавеллизм к этой чрезвычайщине вовсе не сводится, ибо Макиавелли твердо стоит за *общее благо*, за *социальную стабильность* (однако живую, а не сонную), за *доброе правление* и за *добрый народ*. И вовсе не вина Макиавелли в том, что все это благопристойное даже не исключение из общего правила, а скорее... *мечта*, однако с которой реалистичный и откровенный Макиавелли вовсе не расстается, памятуя, что *идеал* должен всегда быть — как маяк, и к нему надо непременно стремиться. Неверно, что Макиавелли оправдывает любую грязную

политику — политику с любыми средствами и с любой людской ценой, он лишь считает, что большие (и добрые!) цели требуют не избегать при необходимости и крутых мер, даже и кое-каких жертв, но ради все-таки общего блага, стабильности и целостности страны, самосохранения социума, возможности нормального для всех жизнеотправления.

Макиавелли за народовластие, но когда оно осуществляется, как он сам выражается, добрым народом и когда оно эффективно, а если всего этого нет, то Макиавелли вовсе не против авторитарности, самодержавия, диктатуры... однако опять же не ради их самих, а на пользу *всем и всему!*

Тут обычно следует упрек в адрес несчастного Макиавелли, что он в конце концов более на стороне высших классов — угнетателей и поработителей, чем на стороне угнетенного и поработленного этими гнусными классами народа. Верно, Макиавелли совсем не отрицает социальной иерархии, как и факта эксплуатации одних другими, но он вовсе не только на стороне высших и сильных, ибо в центре его чаяний, повторяем, общее благо, как раз то самое, которое при этом не отрицает ни социальной иерархии, ни факта эксплуатации одних другими (где оно — общество без иерархии и эксплуатации?!). Макиавелли стоит за *социальный баланс*, он же и *социальный консенсус*, он же и *социальный компромисс*, как раз за то, что и должен обеспечивать эффективный правитель, приводя в чувство вовсе не только восставшие народные массы, но и оголтелых аристократов и алчных предпринимателей, как и то же чересчур глупое духовенство.

Чего хочет Макиавелли от любого государя (царя или избранного народом президента — все равно!)? Он хочет одного — *политической мудрости*, не исключающей ни воли, ни силы, ни чрезвычайщины, но мудрости в пользу *общего блага — блага для всех!* И вот тут-то бывают потребны и хитрость, и изворотливость, и артистизм, и... пардон... жесткость, непреклонность, даже и беспощадность, но... в меру все это, в меру, — буквально вопиет Макиавелли, — *в меру!* — а мера эта задается сочетанием общего народного блага с личным благом государя, — вот, собственно, и все Макиавеллиево «лукавство»!

Макиавелли со своим макиавеллизмом в принципе и неудержимо актуален — *всегда* — что тогда, что сегодня! И не в силу своих смелых уроков по части методов ведения политики, а по причине постановки больших целей для политики и умения достигать поставленных целей, не пренебрегая и потребными на тот или иной момент нелюбимыми «приемчиками». Александр I и Кутузов, к

примеру, обвели вокруг пальца и разгромили Наполеона Бонапарта, для них попросту супостата, но для многих академической науки, в том числе и российской, не говоря о разудалой публицистике, Бонапарт всегда герой, великий полководец и успешный политик, а Александр I с Кутузовым — заурядные военно-политические фигуранты унылой истории, в подметки не годящиеся Бонапарту, да еще и обманщики, и лицемеры, чуть ли не пройдохи. Так вот: Бонапарт, возможно, и бывал временами и местами неплохим макиавеллистом, но, стратегически полностью (sic!) проиграв Александру и Кутузову, оказался в целом... дурным... макиавеллистом, а вот Александр I с Кутузовым проявили себя вполне *добрыми* макиавеллистами и одержали над звездным Бонапартом вполне Макиавеллиеву победу. Как ни крути, а победителей вроде бы не судят, хотя у нас в России очень любят судить как раз победителей, разумеется — своих, а потому в данном случае, как ни дорог был блестящий Бонапарт светским «дамам» обоюбого пола, Макиавелли оказался на стороне не блистательного Бонапарта, а заурядного-де «плешивого» Александра и престарелого-де интригана Кутузова, ибо Бонапарт империю свою благоприобретенную потерял, позорно кончив свою великолепную жизнь на пустынном тихоокеанском острове, а вот Александр с Кутузовым свою родную империю отстояли, сохранили и возвысили.

Макиавелли с макиавеллизмом используются разными людьми, политическими силами, идейными течениями — и используются, конечно же, по-разному. Кто в них что видит, то и использует, разумеется, в своих, а вовсе не в Макиавеллиевых, целях. Так что понимание предмета тут очень разное, причем настолько, что пониматели его между собой никогда, увы, в согласии не сойдутся. Однако обращение к Макиавеллиеву наследию может очень многое дать любому здравомыслящему политику и в любое историческое, в особенности турбулентное время. Россия ныне остро нуждается в... чуть было не сказал — добром... макиавеллизме — внешнеполитическом и внутривнутриполитическом, причем не так в самом по себе учении флорентийца, как в соответствующих Макиавеллиеву концепту *типе* и *классе* политики, наличие которых если и вызывает у кого-то возражение вперемежку с возмущением, то совсем не должно вызывать таковых у реально действующих во благо России... чуть было не сказал — государей... э-э... всего лишь стоящих у властного руля топ-менеджеров!

А.С. НИЛОГОВ

Время человека, или Кутырёв труд/п*
(рецензия вслух)

Аннотация. В рецензии на книгу профессора В.А. Кутырёва «Время Mortido» ставится под вопрос та человеческая сущность, потери которой посвящена монография автора.

Ключевые слова: современная русская философия, человеческая сущность, смерть Человека, постчеловеческая цивилизация, мортидо, футурология.

Abstract. In the book review of «The Time of Mortido» by professor V.A. Kutyrev human nature is questioned whose loss this monograph of the author is devoted to.

Keywords: modern Russian philosophy, human essentia проверить, death of the Person, posthuman civilization, mortido, futurology.

Новая книга профессора В.А. Кутырёва «Время Mortido» написана в преддверии заката человечества и представляет собой то ли завещание, то ли некролог (во всяком случае некроложная стилистика уместна как никогда). В то же время книга о смерти человеческой цивилизации преждевременна, потому что проблематичен сам вопрос о том, что именно считать подлинно человеческим. Если обозреть всю реконструированную человеческую историю, то окажется, что поиски человеческого в человеке всегда велись на фоне искомого, т. е. тех инвалидизированных форм, которые были доступны в определенную эпоху — от палки-копалки до смартфона четвертого поколения с функцией управления мыслью. Между крайностями гуманизма и техницизма шли поиски того, кто не брезговал ни теми, ни другими. В итоге от «человеческого, слишком человеческого» пришлось отказаться, однако не в пользу «сверхчеловеческого, слишком

* Рецензия на кн.: *Кутырёв В.А.* *Время Mortido.* — СПб.: Алетейя, 2012. — 336 с.

«Кутырёв труд/п» — перифраза на древнегреческий миф о Сизифе, который воплотился в таком устойчивом словосочетании, как «сизифов труд», т. е. абсурдный (бесплодный, бесполезный, напрасный) и тяжелый труд («Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» А. Камю). Выражение «сизифов труд» принадлежит римскому поэту Проперцию (I в. до н.э.). «Кутырёв труд/п» — это обозначение абсурдного вопрошания о человеческой природе самим человеком, «который умер, но еще не похоронен» (выражение введено в философский оборот по фамилии автора книги «Время Mortido» — Кутырёв).

сверхчеловеческого», а ради того, чтобы продолжить поиски на новом фундаменте (или новой беспочвенности).

Погоня за эссенцией человеческого, по определению, оборачивается экзистированием тех технических средств, с помощью которых организована гоньба (провал философии экзистенциализма), и наоборот — экзистирование человеческого настолько технологично, что ничего кроме эссенции технического не дает (провал философии эссенциализма). Сводимость или несводимость человеческой природы к сущности техники требует более политкорректной формулировки. Мы даже до сих пор не избавились от элемента «природа» в словосочетании «человеческая природа»! Обратите внимание, как неуютно современному городскому жителю чувствовать себя на лоне природы: как неудобно справлять естественную нужду вдалеке от биде и унитаза. Причем в этой констатации нет ни одной доли иронии или сарказма. Так и должно думаться. Не на пустом месте утверждается то, что *homo sapiens* — далеко уже не природное существо, а иначе — зачем было противопоставлять себя природе и творить альтернативу в виде культуры (символическая природа). Конечно, и автор книги может оказаться правым (в самом деле — не левым!), если будет настаивать на том, что справлять естественную нужду на природе намного естественней, чем в искусственных условиях теплого сортира, но цена сермяжной правоты продержится максимум день-два, потому что тело-без-органов восстанет против такого кощунства над организмом.

И в этом восстании — вся суть рецензируемой книги. Если хотите — вопрос метода: революционного или эволюционного. Правда, автор не отрицает и инволюционного метода к будущему-человечеству-без-самых-людей — наверное, ради будущего как такового и его инволюционного метода. Но шутки в сторону, ведь спор профессора Кутырёва с футурологами всех мастей — спор не на жизнь, а на смерть всего человечества. В книге обсуждается вопрос о том, стоит ли человек того, чтобы осмыслить его сущность или он вовсе того не стоит? Эта парафраза из Камю как нельзя кстати: если человеческая жизнь (потому что природна?) бессмысленна и единственным ее оправданием — привнесением хотя бы какой-нибудь частицы смысла — является вопрос о суициде, то почему бы не переформулировать данный вопрос в следующий: стоит ли современное человечество того, чтобы существовать и дальше или оно вовсе того не стоит? На повестке дня красной тряпкой маячит вопрос о геноциде всего человеческого рода — «антропоциде».

Претензия В.А. Кутырёва к современному человечеству по форме злободневна, а по содержанию несвоевременна — «зловечна». Да и

кто, собственно, предъявляет претензии — ретроград или инноватор? Если судить по языку, то перед нами — кладезь философских афоризмов (точнее, «эсфоризмов»: эссе + афоризм) и неологизмов, а если по существу проблемы, то пованивает трупным запахом (и автором книги в том числе, ведь человек — нет, не автор, хотя вроде бы и мнит себя человеком — давным-давно умер, но еще не похоронен). Снимая скобки феноменологической редукции, отметим энциклопедический кругозор и интернетовскую прозорливость профессора Кутырёва, который в курсе всех новомодных идей и технологий вокруг да около человеческой природы, в сумме прозываемых им трансгоманизмом (в отличие от официального трансгуманизма — например, в «Доктрине 2045»):

«Человеческая деятельность достигла мега- и наномасштабов. Она превысила сферу жизни и стала определяться мощью постчеловеческого разума. Передовой отряд цивилизации втягивается в процесс инобытия, что проявляется в его влечении к Ничто, *mortido* и трансгомонизму. Перерождение человеческого духа в техногенный интеллект — трагическое следствие нерегулируемого прогресса. Автор решительно отвергает примирение с без(д)умным инновационизмом, противопоставляя ему консервативно-феноменологическую философию жизненного мира.

Вторая часть книги научно-художественная. В жанре афористических эссе раскрывается парадоксальная истина текущих событий. Наше положение безнадежно, значит надо сделать все, чтобы его изменить. Широкий диапазон: «от бытия до быта», концентрация универсальных идей и искреннее беспокойство за судьбу мира в эпоху трансмодерна отличают развиваемую в ней «философию (для) людей». Этот раздел доступен каждому, предполагая, однако, медленное чтение» (С. 4).

Несмотря на идеологическое расхождение с авторским взглядом на будущее человечества, хочется отметить, что оно отнюдь не стилистическое. Стилистика «Времени *Mortido*» поистине философская. Так пишут исключительно отечественные любомудры в человеческом обличьи. Перечислим самые интересные закладки: битие/бит-ие vs. бытие/быт-ие (С. 44), небожественный (видимо, дьявольский?) патент на человека (С. 47), антисократовское «Не познавай самого себя» (или студенческое: «Мы знаем, что ничего не знаем. И знать не хотим!») (С. 72), копия лучше оригинала, или «Симулякры всех стран, соединяйтесь» (С. 82), мышление не в своем уме (смогут ли мыслить машины по алгоритмам вымерших людей?) (С. 117), небытие определяет сознание (а читал ли Кутырёв Сартра?)

(С. 151), робовладельческое общество как панацея для философии («Роботы — не мы. Роботы — умны») (С. 158), опасность воображения (воображариум доктора философских наук Кутырёва) (С. 161), цивилизованное варварство (тогда уж и варварская цивилизация, т. е. цивилизация варваров) (С. 161—162), залеченные больные (недо- и перелеченные) (С. 164), додуматься до того, чтобы больше не думать (своим ли без-умием?) (С. 171), не работа, а робота (работать за роботов — недалекая человечья участь) (С. 172), мы не будем знать, когда нас не будет (а когда мы вообще были?) (С. 174), научные темнила (вместо научных светил, изучающих черные (пардон — афроамериканские) дыры) (С. 184), человек умер, но еще не похоронен (Кутырёв в авангарде похоронной процессии) (С. 189—190).

Человек во все времена был некстати, а в особенности в эпохи расцвета альтруизма и гуманизма. Через всю историю человек пронес свое бремя — собственноручный труп. Теперь это бремя (труп человечества) взвалил на себя профессор Кутырёв (и себя бы рад понести, да не зомби). Надеемся, что его следующая книга будет называться «Небытие и Бремя». Как никак — пора и в классики сыграть (ведь и могильщики умирают), и язык почти что хайдеггернутый, а уж последним о сущности техники написано столько, что не перечитать, не переписать, не перецитировать. И остается одно — взвалить на себя бремя и нести: но уже не в гору, а с горы, чтобы легче и думалось, и жилось, и, наконец, кое-что бы и очеловечилось. Прямоком по накатной — челом в вечность.

P. S. Вопрос: Владимир Александрович, ваша удачная метафора о том, что человек умер, но еще не похоронен, дает последний шанс всем гуманитарным наукам погреть руки на постепенно остывающем трупе. Как вы думаете, каким образом современная гуманитаристика воспользуется этим шансом? Возможно, человеческий труп так и останется непогребенным, и гуманитарная наука тем самым констатирует смерть культуры?

Ответ: Алексей Сергеевич, а мне понравилась ваша метафора «погреть руки на постепенно остывающем трупе».

Умер, в смысле — потерял, теряет способность переживать мир, живет с оскудевшими чувствами (около половины американцев регулярно прибегают к антидепрессантам), механически. Не робот, но уже роботообразный. «Слабый зомби», слабый, что еще не программируемый, с чипами будут уже «сильные зомби». Он пока мыслит, хотя «не в своем уме», без о-сознания, не ради «быть», а ради «иметь» (Э. Фромм) и для «непрерывного роста валового продукта». На Западе, идущем впереди в процессе этой комфортной эвтаназии,

появился символически значимый термин: undead. Немертвый. Потому что считать живым такого человека уже нельзя. Похоронит его без(д)умная новационная гонка постчеловеческих технологий.

И сам, как род, передовой отряд человечества вымирает. Не (воз)рождаются больше. Смертность превышает рождаемость. Значит, его конец — вопрос времени. Как вы понимаете, не от нехватки средств и богатства. Сколько можно всего жрать, извините — потреблять? От образа жизни, от характера культуры. Этого undead замещает более молодая волна с Юга. Через два поколения белые в Америке и Европе будут национальными меньшинствами (пока — в спорте и материальном производстве). Как с ними/нами будут обращаться: долго «греть руки», сразу ли похоронят, трудно предвидеть, надежда, если только стремление к безграничному потреблению достаточно быстро заразит политкорректностью, атомизацией и эгоизмом (оди(на)ночеством, гомосексуализмом и феминизмом), ведущими к уничтожению детной семьи, прочей свободой и правами (разложения) человека и эти новые волны. Правами индивида за счет рода. И глобализация все смешает, технологии всех уравниют и стандартизируют.

Констатация факта: искусственное, виртуальное, микро- и мегамиры захватывают землю, заставляя массы людей (ах, бедные, недалекие), особенно ученых, работать над собственной смертью и про(ис)поведовать ее. Парадигмальным становится мировоззрение «пост» и «транс». Но не (у) всех. Философы должны быть среди тех, кто борется за сохранение сущего, спасая хотя бы честь человека как Разумного существа. Окончательно свою позицию я резюмирую напоминанием притчи о двух попавших в горшок с молоком лягушках: одна сложила лапки и утонула, другая, оптимистка, билась и получила масло. Она выпрыгнула. Человеческий род попал в положение отдельного индивида и в норме должен жить и смеяться как дети, консерваторы, посетители тренажерных залов и косметических салонов. Вопреки перспективе.

Да здравствует философия сопротивления!

Н.Н. РОСТОВА

Философия от своего имени*

Аннотация. Статья посвящена новой книге Федора Гиренка «Фигуры и складки», а также дискуссии, состоявшейся на презентации книги. Автор дает краткую рецензию на книгу, указывая, что она является воплощением одного из тезисов самого автора, согласно которому философия — это способность прививать собственные смыслы чужим концептам.

Ключевые слова: философия, антропология, смысл, Платон, Гегель.

Abstract. Article is devoted to Feodor Girenk's new book «Figures and folds», and also the discussion which has taken place on presentation of the book. The author gives the short review of the book, specifying that it is an embodiment of one of theses of the author according to which the philosophy is an ability to impart own senses to another's concepts.

Keywords: philosophy, anthropology, sense, Platon, Gegel.

26 февраля 2013 г. в книжном магазине «Фаланстер» состоялась презентация новой книги Федора Гиренка «Фигуры и складки», название которой может легко ввести в заблуждение. Слово «складки» отсылает отнюдь не к Жилью Делезу, но к Павлу Флоренскому, а слово «фигуры» вообще, по признанию автора, скрывает в себе его личные инициалы. Одним словом, название книги является почти произвольным, но тем не менее коррелирует с содержанием. О чем же новая книга? О каких фигурах и складках она повествует?

В книге представлены антропологические конфигурации классической и современной философии — от Платона, Рене Декарта, Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля до Жана Бодрийяра, Мишеля Фуко и Жили Делеза. От немецкого проекта позитивной антропологии до русской антропологии невозможного Николая Бердяева, Семена Франка и Павла Флоренского. Книга не является историческим и методическим исследованием, но воплощает один из тезисов самого автора, согласно которому философия — это способность прививать собственные смыслы чужим концептам. То есть книга — это пример чтения философских текстов, условием которого является инструмент чтения, т. е. собственный концепт. В этом смысле, если допускать возможность существования учебников

* Рецензия на кн.: *Гиренок Ф.И.* Фигуры и складки. — М.: Академический проект, 2013. — 244 с.

по философии, она является таким учебником для студентов, преподавателей и всех желающих. Перечень фигур, упомянутых в книге, также является результатом такого прочтения.

На презентации собрались не равнодушные к философии и автору книги люди, в том числе несколько современных писателей, студенты, аспиранты и преподаватели МГУ имени М.В. Ломоносова и других вузов Москвы. В речи, обращенной к аудитории, Федор Гиренок отметил специфику своей книги, охарактеризовав ее как пространство действия секущих плоскостей. Теория секущих плоскостей предполагает отсечение прозрачного и выявление непрозрачного в философских текстах. К прозрачному Гиренок относит языковые феномены, к непрозрачному — моменты встречи мысли и чувства, в которых они представлены неразрывно. Например, открывая главу о Платоне, бессмысленно искать в ней анализ первого, второго и третьего периодов творчества Платона, а также пересказы его знаменитых диалогов. Для Гиренка существом всей философии Платона оказывается миф о человеке-кукле, изложенный в диалоге «Законы», которому, надо сказать, несправедливо в философии никто не уделяет внимания. Гиренок комментирует миф, отыскивая в нем сказанное и сверхсказанное и договаривая недосказанное самим Платоном. В итоге получается весьма интересная философская модель, напрямую касающаяся антропологии. В ней речь идет о том, как Платон пытается защитить свободу человека от природы. Или, например, Гегель. В Гегеле обычно видят логика и великого систематизатора, и лишь Жорж Батай однажды обратил внимание на его сравнительно ранние лекции, в которых Гегель говорит о человеке как ночи мира. Батай лишь пересказал текст и написал к нему малопродуманный комментарий, Гиренок же берет за его концептуализацию, представляя антропологическую стихию как бездну, рождающую образы.

Публика, собравшаяся на презентации, оживилась заявленным методом философствования и попросила продемонстрировать его действие. Федор Гиренок в качестве примера взял известную всем сказку «Красная шапочка» и вопреки ожиданиям начитанной в психоаналитической литературе аудитории предложил совершенно иное прочтение. Если попытаться «вырезать» в сказке фрагмент, в котором содержится все ее существо, т. е. встреча мысли и чувства, то это будет самая последняя сцена, в которой приходят охотники, разрезают брюхо волка и из него появляются невредимые бабушка и Красная Шапочка. Кстати, именно это место в сказке кажется самым завораживающим для детей.

Профессор эстетики Александр Мигунов отметил, что давно знаком с методом работы Федора Гиренка. Когда им довелось вместе готовить книгу о наивном искусстве, перед ними встала ключевая задача — определить слово «наивность». Не заглядывая в словари, Федор Гиренок сконцентрировал смысл понятия, исходя из следующего умозаключения: тот, кто умен, и знает, что он умен, тот ненаивен; наивен тот, кто умен, но не знает о своем уме. Это тоже своего рода «смысловой срез» понятия. Писатель Андрей Бычков заметил, что рассуждения и книги Гиренка примечательны тем, что всегда звучат от своего имени. Приходя на выставку Фрэнсиса Бэкона, он предлагает смотреть на его работы не как на них смотрят эстет и культуролог и даже не так, как на них смотрит Жиль Делез, но так как смотрит Федор Гиренок, чему, по всей видимости, будет посвящена следующая книга Гиренка, т. е. искусству.

Преподаватель философии Вячеслав Данилов снизил пафос звучащих речей, сказав о том, что сегодня Федор Гиренок — это тот, кто окружен пустотой. Школ и последователей у него нет. Один студент это трактовал так, что высказывания Гиренка настолько насыщены смыслом, что условие понимания двух написанных им строчек — это знание, как минимум, двух книг. Современному читателю, усваивающему знания урывками и по частям, сложно удовлетворять таким требованиям. Поэтому образуется пустота как непонимание.

В дискуссии дошло дело и до личных тем. Преподаватель философии Татьяна Постникова спросила о смысле жизни. Федор Гиренок сказал, что смысл жизни — это собеседование с самим собой. Но помимо тебя еще есть мир, а потому необходимо выполнить два условия: ты должен принять мир, а мир должен принять тебя, вы должны договориться, и тогда возникнет смысл жизни.

Е.С. КЕШИШЕВА

Письмо к Василию Васильевичу Розанову*

Аннотация. Письмо, обращение — через время, — В.В. Розанову, навеянное его книгой «Уединенное».

Ключевые слова: Розанов, письмо, опавшие листья, уединенное.

Abstract. The letter-address through time to V.V. Rozanov cast by his work «Lonely».

Keywords: Vasily Rozanov, Fallen leaves, letter.

И с первой же строчки у меня возникают трудности. Как обратиться к Вам? Дорогой, уважаемый? Тяжело соблюдать формальность, когда кажется, что все формальности уже нарушены. Вы их сами нарушили, когда разрешили нам читать Ваше «Уединенное». И вот мы стоим, как будто выглядываем из-за Вашего плеча и подсматриваем, что Вы там пишете. Подсматриваем Вашу жизнь. Подслушиваем Ваши мысли.

Вы думали, что все бессмертно. И пели песни. А теперь Ваша песня умолкла. Но отзвучья ее еще почему-то слышны. Станно приходит на этот Свет, когда Вас уже здесь нет. Мы пришли, а от Вас, Василий Васильевич, в сухом остатке осталось два короба опавших листьев. До чего чудесный образ Вы придумали! Перебираем мы Ваши опавшие листья один за другим и рассматриваем их прожилки под дневным светом. А в каждом из них текла Ваша кровь когда-то. Поэтому гербария из них не составить. Они живые.

Вот Вы уже выяснили свои отношения с Вечностью. А нам только предстоит. Страшно подумать, что жизнь Ваша закончилась воплощением самого большого Вашего страха. Мы Вас читаем медленно, вслух, но негромко. Тревожить Вас не хотим. Тем более слова Ваши звучат так, будто написаны шепотом. То ли колыбельная, то ли молитва. Шорох листьев.

Потому что писали Вы так, будто нас нет. Есть Бог, Бесконечность, Истина, Вы с ними вели беседу. И семеро Ваших замечательных детей,

* В этом году исполняется 100 лет первому коробу «Опавших листьев» Василия Васильевича Розанова. Об этом сочинении, как и о самом его авторе, как-то неловко писать. Кажется, совершенно невозможно до конца отжить диалог с писателем, в который уверенно вступаешь с первых страниц этой книги. Коль скоро всякое комментирование есть отстранение, этого вероломства я себе не позволить не смогла. А дерзнула написать личное письмо и обратиться в нем непосредственно к В.В. Розанову.

и мама, их слова срывал с Вашей души ветер, а Вы их обращали к Богу. Никого не осталось, но перед нашими глазами почему-то вполне живая картина: сидите вы за столом, а вокруг ваша семья. Как будто этому и вправду было суждено никогда не закончиться.

А знаете что значит закончиться? Стать литературой. Вы же со мной согласны, собственно, это — Ваша мысль. То, что Вы делали, никак нельзя назвать литературой. Вы жили нелитературно, не творили шедевра из свой жизни. И тем более нелитературно то, что Вы писали. Это скорее театр, которому Вы адресовали многие свои вопросы. И все, что относится к сцене, искусству, Вам, Василий Васильевич, не чуждо. Переживание, живой процесс, образ в конце концов. Слов так немного, а образ предстает во всех подробностях. Вершина мастерства.

В колыбели Ваших мыслей спокойно юному человеку. Вы ее качиваете, и он начинает смотреть под немного другим углом, но неизменно — на звездное небо.

Ничему Вы нас не научили. Мы с Вами прошли по самому берегу жизни, такой короткий отрезочек, оглянулись, а Вас уже нет. Ничему не научили, но сделали гораздо больше. Успокоили, утешили. О многом предупредили.

И все-таки странно осознавать, что мы пришли сюда, когда Вас уже не было. И разговаривать с Вашим эхо.

С любовью, Л. К.

Ф.И. ГИРЕНОК

Эстетика фильма «Ты и я»

Аннотация. В статье анализируется новый фильм Бертолуччи «Ты и я». Автор полагает, что философия экзистенциализма, лежащая в основании фильма, устарела, и человек теперь — это не бытие в мире, а бытие вне мира.

Ключевые слова: Бертолуччи, человек, экзистенциализм, Другой, Достоевский, коммуникация.

Abstract. In article Bertolucci's new film «You and I» is analyzed. The author believes that the philosophy of existentialism lying in the basis of the film, obsolete, and the person is now not life in the world, and life out of the world.

Keywords: Bertolucci, person, existentialism, Another, Dostoevsky, communication.

В кинотеатрах Москвы появился новый фильм итальянского режиссера Бертолуччи «Ты и я». О чем он?

Сюжет

Этот фильм о прыщавом юноше Лоренцо. Ему 14 лет, и он учится в школе. Лоренцо хотят отправить на неделю вместе с классом покататься на лыжах в горы, а он, обманывая родителей, спускается в подвал своего дома и всю неделю живет в нем.

Лоренцо обыкновенный современный мальчик с наушниками. Ему хорошо наедине с собой. Музыка и книги о войне между вампирами становятся для него тем забором, который его отделяет от внешнего мира. Но «я», говорит Бертолуччи, это все-таки наше «я», а Другой — это всегда «он» или «она». А поскольку мир — это множество поименованных Других, постольку Лоренцо прячется от мира, отделяясь от него непониманием, затыкая уши и закрывая глаза. Родители этим, конечно, обеспокоены и отправляют его к психологу.

Психолог

Врач беседует с Лоренцо и пытается ему внушить мысль о существовании границы между нормой и девиацией. Нормально бытие с другими. Ненормально быть анахоретом. Но Лоренцо удивлен: то, что доктор считает ненормальным, давно уже стало нормой. Мы можем спросить: означает ли это, что мир болен? Бертолуччи полагает, что этот наш вопрос интересен, но он вне компетенции психологии и даже психоанализа.

Ненормальное

Затем следует сцена в кафе. Мать беседует с сыном. Они говорят об отце. Режиссер нам показывает, что мать молода, отца нет, а сын взрослый. Бертолуччи знает, что сын должен стремиться занять место отца. Так устроено после Фрейда европейское сознание. И Бертолуччи идет навстречу ожиданиям этого сознания. Диалог завершается вопросом Лоренцо: мама, если бы ты родила от меня мальчика, как бы ты его назвала? Мать испугана. Зрители замирают в ожидании инцеста. Но вместо инцеста Бертолуччи отправляет своего героя в подвал.

Подвал

Подвал Бертолуччи — это не подполье Достоевского, но это и не бессознательное Фрейда. Он слишком комфортен для того, чтобы быть

подпольем. В нем нет места для крыс и мышей, для угрызений совести шизофренического сознания.

В подвале семья Лоренцо хранит вещи умершей графини, бывшей хозяйки дома. Лоренцо не мера вещей. Он прост и даже примитивен. Это идеально чистая поверхность, на которой учителя пытаются писать свои письма. В нем нет никаких изгибов и складок. У него, видимо, еще не сформировалось даже его бессознательное. Но клин вышибается клином, и Бертолуччи направляет в подвал наркоманку.

Оливия

Наркоманку зовут Оливия. Она уже испытала жизнь своей экзистенцией и получила первые символические шрамы. Оливия погрубела и ожесточилась, но встреча с собой у нее все же еще не состоялась. Оливия еще только собирается покинуть город и уехать жить на ферму в деревню, где пасутся лошади, которых она, в свою очередь, еще никогда не видела.

История Оливии, рассказанная Бертолуччи, банальна. Ей 20 лет. Она художница, т. е. фотограф, получивший признание. Богемная жизнь приучила ее к наркотикам, и она упростилась. Оливия проста, хотя Бертолуччи и попытался сделать из нее некое подобие ленты Мебиуса. Во-первых, она по воле режиссера оказалась по отцу сестрой Лоренцо. Во-вторых, она же была замечена в попытке убить мать Лоренцо за то, что последняя разрушила ее семью. Правда, об этом Лоренцо ничего не знал.

В подвале вновь забрезжила возможность для инцеста как способа взросления недоросля. И вновь Бертолуччи обманул ожидания зрителей. Вместо инцеста в подвале Бертолуччи устроил показ моды и примеривание старинных шляпок.

Складка

В конце концов, Оливия, по мысли режиссера, стала для Лоренцо тем изгибом, той складкой, в которой у людей образуется внутреннее, видимое изнутри и невидимое извне. За семь дней, проведенных в подвале, подросток стал взрослым. Он впервые узнал, что в жизни есть «ломка», боль и страдание. Что в ней есть состояния, в которых исчезает различие между жизнью и смертью. Монологи Оливии напоминают монологи Кириллова из «Бесов» Достоевского.

«Теперь человек еще не тот человек, — говорил Кириллов. — Будет новый человек, и ему будет все равно: жить ему или не жить». И это человек будет богом. Бертолуччи назвал этого нового человека Оливией и сделал ее наркоманкой.

Танец в подвале

Одна из самых красивых сцен фильма — танец в подвале. Конечно, это не «Танго в Париже». В ней нет изысканной самодостаточности, но даже черствая душа зрителя способна развернуться в момент танца, чтобы потом опять, очистившись, свернуться.

Лоренцо и Оливия, брат и сестра, нежно обнимают друг друга и танцуют. В этом танце исчезает отчужденность, выражаемая в словах «он» и «она», и возникает притягательное «я и ты». Лоренцо и Оливия за неделю прошли бесконечное расстояние, отделявшее их друг от друга. И мир стал на мгновение другим, лучше. Танцуйте, говорил Платон, и «лучше» будет длиться вечно.

Экзистенциальные штампы

Бертолуччи — экзистенциалист. Он еще не знает, что философия экзистенциализма устарела, что человек теперь — это не бытие в мире, а бытие вне мира. И тебе нужно искать путь к себе, а не к Другому. Что ад — это не Другие, но ты сам можешь быть адом. Герои Бертолуччи все еще пытаются заключить союз с миром. Они не обращаются к себе с вопросом: кто я? Они обращаются к миру и говорят: возьми нас, дай нам место, и мы откажемся от наркотиков, мы перестанем устраивать тебе фронду. Из героев Бертолуччи получатся хорошие менеджеры власти.

Эстетика фильма

Бертолуччи эстет. Его фильмы можно смотреть много раз. Его «я и ты» исполнено в духе эстетики минимализма. Этот фильм, конечно, надо посмотреть, но второй раз я его смотреть не буду.

Н.Н. РОСТОВА

Мы, стоящие вверх ногами. Заметки о фильме Александра Столярова

Аннотация. В статье анализируется содержание и эстетика нового фильма Александра Столярова «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами». По мнению автора, успех фильма связан с тоном повествования, который избрал режиссер.

Ключевые слова: А. Столяров, истина, православие, Паисий Святогорец.

Abstract. In article the contents and an esthetics of the new movie of Alexander Stolyarov «Aged man Paisy and I who is standing head over heels» is analyzed. According to the author, the success of the movie is connected with tone of a narration which was chosen by the director.

Keywords: A. Stolyarov, truth, Orthodoxy, Paisy Svyatogorets.

Недавно на российские экраны вышел новый фильм режиссера Александра Столярова «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами». Этот фильм резко выделяется на фоне современного искусства. В первую очередь тем, что являет собой высказывание, а не всеядную оболочку, готовую вместить любые концептуализации зрителей. Этот фильм не форма, но дерзость содержания.

Содержание

Фильм рассказывает о юном послушнике и его духовном наставнике старце Паисии. Оба — лица невыдуманные, у каждого героя есть прототип. Паисий Святогорец — известный афонский подвижник, прославившийся в XX в. и скончавшийся в конце 1990-х г. в Греции. Иеромонах Христодул Агиорит собрал и записал истории, связанные с жизнью и высказываниями старца. По мотивам этих записей и создан фильм Столярова. Режиссер, как он сам объясняет, будучи не способным приблизиться к старцу, приблизил его к нам. То есть поместил в родные для нас условия — в Спасо-Преображенский монастырь под Киевом. Конечно, Паисий и послушник, изображенные в фильме, образы скорее собирательные и не претендуют на документальную точность, ибо фильм — это не визуализация жития, но художественное размышление. О чем же это размышление?

Это размышление о нас самих. О том, какие мы есть, и о том, какими мы можем быть. Юный послушник Петр задается вопросами: что есть смирение? что есть праведность? в чем тайна подвижничества старца и творимых им чудес? Он покорно исполняет послушание, но признается, что смирение недоступная для него добродетель. «Я, — говорит он, — могу вымыть полы во всех храмах мира и не смириться». Петр, словно герой книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», воплощает собой образец ничего — незнания. Ему вперился в голову главный вопрос: что есть смирение? И этим вопросом он ощупывает мир. Он очистил себя от знаний мира сего и глядит на старца чистым вопрошанием, которому только и может открыться ответ.

Успех фильма связан с тоном, который избрал автор.

Тон

Сегодня мир переживает девальвацию слов. Необеспеченность слов ведет к тому, что вербальную культуру начинает теснить культура визуальная. Но проблема заключается еще и в том, что сегодня нет тех, кому позволено говорить. Возможны эксперименты, и даже эксперименты с «истинами», т. е. концептами, но не позволено говорить Истину. Сегодня почти нет тех, кто может ее осилить. Когда-то создавались великие книги, в которых каждое слово тяжело, как камень, как в Библии. Когда-то можно было проповедовать, как проповедовали наши русские писатели. Сегодня мы легковесны, и слова наши легковесны. А потому нам остается искать другой путь. Александр Столяров его нашел. Он не проповедует. Его фильм не назидание, а потому упрекнуть его в стилизации православия невозможно. Его фильм исповедален. Главным героем он делает не Паисия, не воплощенную праведность, не определенность истин, но ищущего Петра. Автор не претендует на то, чтобы занять место авторитета, место Церкви и говорить о вере и православии. Он не говорит о том, что такое вера, любовь, святость. Он, как и его герой Петр, вопрошает, и этим вопрошанием нас обращает к видению мира иначе, отчего-то называя такой способ повествования комедией.

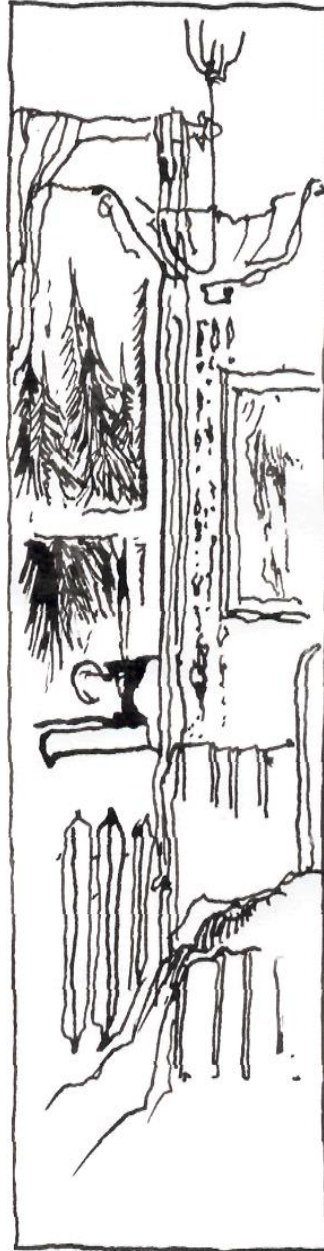
Режиссер, словно друг Симеона Эмесского Иоанн, рассказывает нам о том, что может быть другой мир и мы можем быть другими. Как сказано в житии Симеона, Иоанн обратил внимание своего приятеля на монастыри, мимо которых они проходили по возвращении из Иерусалима домой. Он спросил Симеона: «Знаешь, кто живет в этих домах, что напротив?». Симеон не знал и сказал: «Живут какие-нибудь люди». Иоанн поправил: «Ангелы Божии». Симеон заинтересовался: «А их можно увидеть?». Иоанн ответил ему: «Только если станем одними из них». Симеон не пошел домой, и стал одним из них. Подобно этому, режиссер рассказывает нам о том, что есть другая жизнь, пленительная, со смыслами и молитвами, дышащая, как земля после летнего дождя. И мы вдруг понимаем, что чудо — это не нечто сверхъестественное, но, напротив, как полагал Сергей Булгаков, естественное, должное в противовес недолжному, больному. Что мы стоим на голове, а можем встать на ноги. Старец Паисий в фильме рассказывает о том, что бывают два типа людей. Одни люди, как пчелы, они выбирают лучшее, живут в цветах и питаются пыльцой. А другие — как мухи. Столяров попытался нарисовать этот мир пчел, и этот нарисованный им мир получился очень соблазнительным — с ржаными полями и цветущими лугами, с утопающими в белом тумане долинами и летними ливнями. С видениями, отчаянием, искушениями

и смыслами. С жизнью и смертью, со смертью как жизнью, т. е. не с физической животной смертью, а с мистериальной. Фильм не драматичный и не комичный, как это может на первый взгляд показаться. Фильм, как сладкий мед. Он о свежести души и о мире, который вдруг останавливается и раскрывает себя для твоих вопросов. «Мир прозрачен для тех, кто ушел из него», — говорит герой. Столяров ведет нас к этой прозрачности, по ту сторону наших знаний, нашего «я», нечеловеческого ритма нашей жизни. Мы приучаемся жить в мире ситуативных смыслов, т. е. в мире хаоса. Столяров приглашает нас в мир, открывающий себя как порядок.

Форма

И все же эстетика фильма, как сказали бы эксперты, весьма эклектичная. Режиссер экспериментирует с разными стилями и упаковывает их в одну ленту. В ней есть и немое кино, и звуковое кино, и цитаты из других фильмов. Сам фильм является историей о том, как герой снимает кино, т. е. мы видим и то, как снимается кино, и сам фильм. Раздражает ли это зрителя? Есть ли это игра с формами? Игра с формами возникает тогда, когда форма становится первичной. Фильм Столярова, напротив, является речью, с которой соотнобразовываются слова, едва поспевая выстроиться за речением, а потому фильм смотрится на одном дыхании.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

В апреле 2013 г. в Свято-Сергиевском православном богословском институте (Париж, Франция), прошел II российско-французский симпозиум «Русская мысль в Париже: Н.А. Бердяев», организованный ЦОН при МГУ. С российской стороны в симпозиуме приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, В.Т. Рязанов (СПб.), кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), И.П. Смирнов, Е.С. Зотова, научный сотрудник Т.С. Сухина, экономист В.М. Пономаренко (Краснодар).

Участники симпозиума посетили мемориальную квартиру Н.А. Бердяева в Кламаре, поклонились его могиле. В рамках симпозиума состоялись содержательные дискуссии о состоянии философско-хозяйственной мысли во Франции и России на Серафимовском подворье у профессора о. Николая (Чернокрака) и в издательстве УМКА-Пресс у доцента Сорбонны Д.Н. Струве.

Публикуем краткое изложение вступительного доклада профессора Ю.М. Осипова.

* * *

Ю.М. ОСИПОВ

Актуальный Бердяев

Еще совсем недавно о Н.А. Бердяеве можно было говорить как о религиозном мракобесе, изменнике науке и марксизму, антисоциалисте и антисоветчике. Сегодня же, после мирного и чуть ли не добровольного краха СССР вместе с его «реальным социализмом» и во время неуклонного возрождения Православия и Церкви, как и «идеалистической», а точнее бы сказать — метафизической, софийной, боговдохновенной, — философии, приходится лишь восхищаться прозорливости великого русского мыслителя, но не только его историсофской прозорливости, но и методологической, обусловленной обращением русского философа к идеальности, метафизике, трансцендентности, к Софии, Христу, Богу. Еще совсем недавно можно было читать Бердяева и, мало что в нем понимая, а точнее — совсем его и не понимая, относиться к Бердяеву как к заблудшему грешнику от философии, социологии, историсофии — талантливому, конечно, литератору, мастеру слова, беллетристу, но безнадежно запутавшемуся мыслителю. Однако сегодня каждая строка

Бердяева дышит размыслительной вечностью, наполненная большими смыслами (метасмыслами), пронизательными догадками, а во многом и разгадками. Нет никакой необходимости догматизировать Бердяева, тем более, что сам он был явным противником всякой философской догматики, как и нет никакого резона соглашаться с каждым бердяевским утверждением, но не признавать комплексный бердяевский подход к исторической реальности никак уже нельзя.

Между философией Бердяева и исповедуемой нами постнаучной метафизической философией гораздо больше общего, чем различий. И ежели мы творим на рубеже XX—XXI вв., то Н.А. Бердяев, как и С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, В.И. Ильин, П.А. Флоренский и другие русские, вполне уже и звездные, мыслители творили в начале XX в., став во многом «архаическими»-де первопроходцами, а в главном — противниками господствовавшего тогда и все еще доминирующего сегодня атеистического сциентизма, а соответственно как либерализма с монетаризмом, так и того же марксизма. Они не только что-то важное тогда осознали — как мыслители, но и приняли на себя беспощадные удары критики, издевательств и гонений — уже как человеки-творцы, взойдя в конце концов каждый по-своему на услужливо подготовленную «прогрессистами» Голгофу!

И что примечательно: будучи в принципе идейно и исторически правыми, они почти ничего так и не добились — ни в социальной практике, ни в умонастроениях интеллектуалов, ни на общем мировоззренческом фронте. Выходит, что быть правым, вовсе не значит быть понятым, а оказаться понятым — не значит стать принятым! Ни впавший на рубеже XIX—XX вв. в острейший апокалиптический кризис Модерн, ни наступивший на рубеже XX—XXI вв. изначально и органично кризисный Постмодерн, никак не пошли и, судя по всему, никогда не пойдут навстречу русской софийной философии, для них не просто чуждой и потому неприемлемой, но и разрушительно опасной, а потому постараются, как водится, либо продолжать расправляться с ней, как это случилось с победой того же большевизма, либо обречь на забвение, либо поднимать на смех, как это особенно легко дается авторитарному, беспринципному и пошлому Постмодерну.

И тут очень важен эсхатологический мотив в сочинениях Бердяева и во всей русской софийной философии, хорошо сознававших вслед за Христом, что история, питаемая проективно предисторией (или протоисторией), обязательно закончится, разумеется, вполне драматично, если не трагично, и на ее место придет постистория,

наверное, куда более благосклонная к прозрениям и утверждениями великой русской познавательно-размыслительной традиции, деятельным участником, вершителем и вестником которой и был *Николай Александрович Бердяев*.

* * *

18 апреля 2013 г. в рамках VI международной конференции «Инновационное развитие экономики России: региональное своеобразие» (Ломоносовские чтения — 2013) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства «Неоиндустриализация как проективно регулируемый процесс», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.А. Гордеев (Ярославль), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, П.В. Павлов, Г.А. Родина (Ярославль), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), Н.И. Усик (СПб.), А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Г. Шевченко, кандидаты наук О.В. Андреева (Ростов н/Д), И.Б. Бондырева (Ярославль), О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, С.В. Кайманаков, Е.В. Косов, С.Ю. Синельников, Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец, научные сотрудники А.А. Антропов, И.В. Матюш (Минск, Белоруссия), преподаватель Н.А. Сибирский (Ливны), соискатель И.И. Рудяк.

* * *

Ю.М. ОСИПОВ

Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации

Аннотация. Рассматриваются сущность неоиндустриализации, ее значение для человека и социума, а также неоидирижистский и неолиберальный механизмы ее реализации в России.

Ключевые слова: неоиндустриализация, неоиндустриализм, неоиндустриальная революция, неоидирижизм, неолиберализм, хозяйство, экономика, философия хозяйства, философия истории.

Abstract. The article concerns the essence of neoindustrialization, its value for the person and society and also the neodirigism and neoliberal mechanism of realization in Russia.

Keywords: neoindustrialization, neoindustrialism, neoindustrial revolution, neodirigism, neoliberalism, economy, economic system, philosophy of economy, philosophy of history.

Индустриализация XIX—XX вв., которую пережили все развитые индустриальные страны (даже, как совсем недавно говорили — высокоразвитые страны), явление более или менее понятное: внечеловеческая и внеживотная энергия (уголь с паром, нефть с внутренним сгоранием, электричество с бегущим по проводам током); металл, машины, станки, агрегаты, неземные двигатели; механизированные фабрики, заводы, шахты; частичный работник, он же и придаток машины, станка, линии, конвейера; машинист, механик, техник, инженер; самодвижущийся наземный, водный и воздушный транспорт; железные дороги, автобаны, аэропорты, подземное и надземное метро; проводная и беспроводная связь; большие индустриальные, или же с индустрией, или же попросту индустриально оснащенные города; индустриализированное сельское хозяйство. Индустриализации соответствовали индустриально обустроенное жизненное пространство, индустриально-обусловленный образ жизни и индустриальные пейзажи. Славная и всеми приветствуемая индустриальная революция с индустриальным переворотом всего земного бытия: от природы к неприроде, от естества к искусству, от натуральщины к искусственности!

Сложнее с неоиндустриализацией, ибо это, с одной стороны, продолжение индустриализации, а с другой — ее отрицание. Полагание с отрицанием вместе, причем не только в плане сохранения всего, или почти всего, или просто многого из индустриального — как базиса (полагание), но и в плане дополнения уже старого индустриального качественно новым индустриальным, которое уже и не совсем индустриальное — не металлическое, не машинное, не тяжелое, не весомое, не видимое, а именно — химическое, биологическое, микромирное, счетно-информационное, автоматическое, вневременно□е, внепространственное, неземное (космическое), мегамирное, во многом уже внечеловеческое (вместочеловеческое). Этакая неоиндустриальная индустрия, а может, хотя бы в части своей — и попросту неиндустрия, а скорее — «техничия», технологизм, техниум.

И вышло так, что в последней четверти XX в. высокоразвитые индустриальные страны стали определенно переходить к неоиндустриализму, который прозорливо был назван даже

постиндустриализмом, что, в общем-то, правильно, но в связке с реальностью все-таки не совсем, ибо и индустрия осталась, и в самом постиндустриализме хватает индустриализма — общего для всей индустриальной эпохи, а не только «железно» индустриальной. А в начале XXI в. уже стало совершенно ясно, что высокоразвитые страны стали странами неоиндустриальными с мощным постиндустриальным моментом.

Свою масштабную неоиндустриализацию СССР в свое последнее время явно проморгал. Кое-что, конечно, было, но не широко, не объемно, не последовательно. Индустрию можно было еще планировать, а вот неоиндустрию, ее создание — уже нет. Не тот это мир, не *плано-мерный*, ибо очень уж он закрыт, неизвестен, неопределен, самостоятелен, своеволен, капризен, даже и коварен. Проектировать его можно было, хотя бы ради целеположенного финансирования и стимулирования, но не было для кого это делать, ибо плановые агенты — не агенты вовсе, а всего лишь исполнители, а тут требовались большие инициаторы, то бишь не так уже подотчетно служивые, как самостоятельно действующие агенты, а их-то и не было, как не было вообще эффективной самоорганизации внизу вкупе с инновационной инициативой снизу, ибо тотальной плановой системе все это было чуждо, а перестроиться на стимуляционное проектирование она не смогла и... не могла. Догма «плана — планирования — планомерности» победила реальность, требовавшую лишь ориентационно-вспомоществовательного проектирования — это сверху, и большой творческой активности возможных агентов неоиндустриализма, которые вроде бы были технически, но зато не были хозяйственно — это снизу.

В итоге страна осталась без необходимого ей самостоятельного неоиндустриализма, а потом, уже в результате «реформы» 1990-х, и без многого индустриализма — как умершего по «указивке» сверху, так и не выдержавшего конкуренции извне — из-за рубежа.

И что сегодня? А сегодня как раз перед страной стоит проблема самостоятельного (своего) неоиндустриализма, возможно, что и с некоторым восстановлением индустриализма, хотя бы ради безопасности страны.

Нельзя сказать, что своего неоиндустриализма в сегодняшней России нет, что весь он заимствованный, но зато можно с уверенностью сказать, что его явно не хватает, причем не так для воспроизводства текущего бытия, как для его всестороннего развития, однако не вширь, не количественно, как это было при индустриализме,

а вглубь и качественно — как это положено при неоиндустриализме. Сейчас важно не так оснащение общества индустриальной базой, хотя ее качественное совершенствование и предполагается, как оснащение общества новой техно-технологической системой, качественно изменяющей весь образ бытия не только в сторону его интеллектуально-операционального усложнения, но и в сторону его экономии относительно природы и самого человека. Не безграничное расходование природы и человека, а их всестороннее сбережение — с параллельным преданием бытию экзистенциальной ответственности, поведенческой скромности и витальной меры.

Неоиндустриализм — не одно лишь материально-техническое обновление хозяйства, как и не только обновление материально-технических оснований бытия, это еще и обновление человека, его сознания; социума, его организации; культуры, ее формального выражения; цивилизации, ее механизма. Неоиндустриализм — существенные (и даже сущностные) перемены в мировоззрении, в категориальном оснащении познающего, размышляющего, отображающего и проектирующего разума, в дискурсах, в языках, в коммуникациях, в социальности (сетевая структура, сетевое сообщество), как и, естественно, в самом человеке как субъекте бытия (человек-компьютер вместо просто человека; компьютер-человек вместо просто компьютера). Отсюда неперемные новины в воспитании, образовании, просвещении, формировании человека и его личного мира, уже менее всего социально-устойчивого — ячейкового, семейного, коллективного, а более всего индивидуального, автономного, атомарного, но при этом и весьма подвижного. Так или иначе, но неоиндустриализм — другая часть бытия, дополнительная, надстроечная, но и передовая, ведущая, влиятельная, если не господствующая.

Особое место в неоиндустриальном социуме-сетевом сообществе принадлежит чистому интеллекту со свободным интеллектуализмом. Жизнь, хозяйство, организация, обновление — это теперь большая интеллектуальная игра, в которой главным призом служит... сама эта игра! Нечто вроде современного космополитического футбола, разве лишь без жутких безразмерных гонораров. Все равно кто, все равно где, все равно для чего — лишь бы процесс-игра, — непрерывные и занимательные!

Неоиндустриализм против не только традиции, но и любого постоянства. Он против любых фундаментов, оснований, корней, привязанностей. Все равно каких — отеческих, «родненьких», территориальных, страновых, народных, национальных, континентальных, даже и земных. Нравится это кому-нибудь или нет,

но неоиндустриализм — этакая не только высшая подсистема, но и... высокая антисистема — разъедающая, облегчающая и опустошающая любое стабильное бытие, хотя и в нем паразитарно нуждающееся. Неоиндустриализм несколько созидателен в виртуально-интеллектуальной сфере, настолько и разрушителен в сфере реально-жизненной. Неоиндустриальная революция — хоть и необходимая и неизбежная мера, но в то же время и достаточно опасная игра — не на жизнь, а на смерть! В неоиндустриализме больше смерти, чем жизни! Вот почему здесь требуются понимание, различение и беспокойство, ведущие к контролю над неоиндустриализмом и его обузданию: неоиндустриализм ведет к окончательной переделке человека в постчеловека, а социума в постчеловеческую массу. Неоиндустриализм — сам того, может, и не ведая — взывает невольно к инстинкту общечеловеческой безопасности, способному реализовываться в разумной неоиндустриальной политике.

Неоиндустриальная политика не может не включать в себя не только стимулирование неоиндустриализма, но и контроль над ним. В общем — всесторонне целостное регулирование со стороны ответственного за выживание человека регулирующего центра. Неоиндустриальный империализм, не говоря уже о фашизме — не виртуальная лишь, а вполне и реальная возможность! Вот почему выплывает необходимость как тактически развивающего неоиндустриализма, так и его стратегически упорядочивающего, даже и ограничивающего, централизованного дирижизма, а в данном конкретном случае — неодирижизма.

Неодирижизм — дирижизм эпохи неоиндустриализма: гибкий, дискретный, побудительный, игровой (что-то вроде судьи на футбольном поле). Это дирижизм, сочетающийся с неолиберализмом, который, в отличие от индустриального либерализма, не чужд кое-каких самоограничений и не отвергает лимитов и ориентиров, задаваемых дирижизмом.

Россия вступает в период развития неоиндустриализма, активизации этого развития. И вступает, заметим, как уже неодирижистская страна, хотя еще и не со сложившимся полностью неодирижизмом, но достаточно уже обозначившимся. Россия в самом начале неоиндустриального и неодирижистского перестроения — уже и постреформенного. И неважно тут, какие у кого обо всем этом представления, как и кто за, а кто против нового подхода в будущее. Жизнь не может довольствоваться развалом, распадом и разорением, продемонстрированными под лозунгом «либеральной маркетизации» в

1990-е гг., она, хочет этого кто-то или нет, непременно разворачивается к самой себе, ища и в условиях произвольного административно-финансового деспотизма возможность самореализации, разумеется, не только через приспособление к этому последнему, но и через его преодоление. И не имеет никакого значения, замечают это круто образованные и вовсю онаученные интеллектуалы или нет, ибо метафизическая реальность — а это как раз та самая реальность, которую интеллектуалы обычно не видят и не признают, — непременно берет свое, ибо она не придумана человеком и человеку изволят не подчиняться.

Россия на подъеме! В ужасном адовом котле, вновь вдруг возникшем в стране за только один XX в., вываривается Новая Россия — не западно-капиталистическая, хотя этого и хотелось бы видеть многим заинтересованным инициаторам-свидетелям, и не восточно-социалистическая, как того хотелось бы зарегистрировать все еще бытующим поклонникам сталинско-ордынских устроений, — нет — ни то, ни другое, а... свое, российское, хоть еще и не русское, как раз, может быть, то, что хотя бы не связано тесно и неотвратно ни с одной образцовой научно-философической догмой, ибо... *неоиндустриальность!*

* * *

19 апреля 2013 г. в рамках конференции состоялся круглый стол «Российские университеты: что происходит?», в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук С.В. Кайманаков, М.С. Тимофеева (Ростов н/Д), научный сотрудник И.В. Матюш (Минск, Белоруссия), соискатель И.И. Рудяк.

* * *

В апреле 2013 г. дипломы действительных членов Академии философии хозяйства были вручены В.И. Гурову, Я.И. Нисанову, членов-корреспондентов — О.В. Андреевой (Ростов н/Д), С.С. Нипе.

* * *

Выставка, посвященная 100-летию со дня выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова

В 2012—2013 гг. в стенах экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в библиотеке, проходила выставка, посвященная жизни и творчеству Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944).

Цель выставки — рассказ о судьбе и творчестве русского мыслителя С.Н. Булгакова в связи с выходом в свет его фундаментального труда «Философия хозяйства» (1912), а также о современном развитии философии хозяйства как особой области мысли в обществоведческой науке, в частности, в философии и экономике.

Выставка состояла из трех частей.

Первая — давала представление о биографии и творческом пути С.Н. Булгакова. В этом разделе была представлена биография русского мыслителя и его основные труды — «Философия хозяйства», «Свет Невечерний», «Два града», а также произведения, посвященные С.Н. Булгакову, изданные в России и на Украине. На выставке экспонировались сканированные копии избранных страниц из книг С.Н. Булгакова, хранящихся в научной библиотеке Государственных архивов (ГА).

Вторая — была посвящена сегодняшней судьбе наследия русского мыслителя, особенно его *философии хозяйства*, в современной научной мысли. В этом разделе выставки была представлена деятельность ученых лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Академии философии хозяйства, Центра общественных наук при МГУ, а также Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Центр общественных наук (ЦОН) при МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с *лабораторией философии хозяйства* экономического факультета МГУ с самого начала определили своей главной задачей концентрировать усилия ученых разных наук на разработке фундаментальных проблем обществоведческого и гуманитарного знания, отражающих существенные перемены, переживаемые в настоящее время мировым сообществом и Россией, а также самой обществоведческой гуманитарной наукой.

За 20 лет существования Центр и лаборатория философии хозяйства обрели свое творческое и деловое лицо, обзавелись

серьезными партнерами, сотрудниками и друзьями, превратившись в авторитетный и по-своему уникальный центр науки и просвещения, широко известный в России и за рубежом.

Под эгидой Центра с 1997 г. возникло и действует *Философско-экономическое собрание*, в состав которого входят около 400 ученых России и зарубежья, а с 1999 г. стал выходить журнал «*Философия хозяйства*», включенный в перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий и пользующийся неизменной популярностью.

Центр общественных наук не мог бы достичь столь серьезных результатов без поддержки ректората МГУ и лично ректора академика РАН В.А. Садовниченко, а также эффективного сотрудничества с факультетами МГУ и прежде всего экономическим, с институтами РАН, Академией гуманитарных наук, Российской академией естественных наук, Санкт-Петербургским университетом и другими учреждениями и вузами.

В сентябре 2009 г. по инициативе ЦОН и ряда ученых России была создана межрегиональная общественная организация *Академия философии хозяйства*. Академия возникла не случайно. Сначала сложилось действенное ученое сообщество, сформировались научные основы школы философии хозяйства, была проведена значительная по объему и разнообразию работа, в рамки которой вошли многочисленные форумы, личные и коллективные публикации, 14-летнее издание оригинального журнала и выход в свет содержательной антологии, не имеющей аналогов в мире.

С образованием и признанием Академии философии хозяйства последняя стала воистину обобществленным течением гуманитарной мысли. Размыслительное поле философии хозяйства оказалось под сенью и опекой организации, думающей и заботящейся о ней. В настоящее время межрегиональная общественная организация Академия философии хозяйства насчитывает более 150 действительных и почетных членов, членов-корреспондентов и членов-попечителей.

Третья часть выставки иллюстрировала ранний период творческой деятельности С. Н. Булгакова.

Монография «Философия хозяйства» явилась своеобразным итогом всей предыдущей научной деятельности С.Н. Булгакова, поэтому выставку логично дополняли архивные документы, характеризующие ее ранние периоды.

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. Сергей Николаевич преподавал политэкономии в Киевском политехническом институте, был членом

литературно-художественного общества. Его лекции на экономические и философские темы пользовались огромным успехом у студентов и представителей прогрессивной интеллигенции, что нашло свое отражение в документах Департамента полиции (Ф.102 Государственного Архива (ГА) РФ), представленных на выставке.

После переезда в Москву уже местное охранное отделение завело дело на приват-доцента Московского университета, преподавателя Московского технического училища С.Н. Булгакова, страницы которого также имеются на выставке (Ф.63 ГА РФ).

Пражский период после высылки С.Н. Булгакова из России в 1922 г. представлен тремя документами, отражающими довольно важные составляющие жизни экономиста в первые годы эмиграции. Это — письмо Н. Бердяева П. Савицкому об издании сборника «Путь» с участием С.Н. Булгакова (Ф.5783 ГА РФ) и документы личного дела профессора Русского юридического факультета в Праге С.Н. Булгакова: его жизнеописание и разрешение на въезд в Чехословакию его старшему сыну (Ф.5765 ГА РФ).

Материал подготовили В.Н. Рогожникова, Т.А. Савинова

* * *

4 апреля в ИНИОНе РАН прошла Пятая всероссийская научная конференция «Россия 2030 глазами молодых ученых», организованная при активном участии Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (вр.и.о. директора действительный член АФХ С.Г. Кара-Мурза).

С.Г. Кара-Мурза в своем пленарном докладе отметил апокалиптический характер истории и указал на актуальность С.Н. Булгакова.

«Создать образ России 2030 — это не праздное. Актуальные проблемы нашей страны возникли не сегодня утром, они стали следствием ошибок, неверного выбора в прошлом. Представить, что наше настоящее — это прошлое для россиян 2030 г., увидеть совершаемые сегодня ошибки и подумать над тем, как их избежать или исправить, это сложная и необходимая работа». Он подчеркнул важность прогностической функции науки и ее собирательной силы.

«Апокалиптическая схема висит над всей историей», — убежден С.Г. Кара-Мурза, имея в виду, что проектирование будущего, пророчество с древних времен играет существенную роль в обществе,

задавая траекторию развития целых народов. Оно задает матрицу норм для строительства культуры, политических схем, нравственных устоев.

Пророчество не утратило значения и сейчас: «Маркс во многом пророк, — приводит пример докладчик. — Не все сбылось, но даже своим языком, пророческим, а не вполне рациональным, он очаровал на столетие огромную часть человечества». Еще один пример — Махатма Ганди. Но есть и «негативные пророки»: Гитлер сумел «соблазнить такой рассудительный народ», увлек его своим пророчеством тысячелетнего рейха, и многие тогда находились под гипнозом этого проекта.

Участникам конференции обществовед порекомендовал работу С.Н. Булгакова «Апокалиптика и социализм». Появление пророков и пророчеств можно уподобить научным революциям, когда меняется парадигма: в период стабильности работают коллективы, которые разрабатывают то, о чем туманно сказали пророки.

Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, однако «необоснованные» предвидения тоже нужны, полагает ученый: нужно видеть то, что не можешь даже доказать. Вера же в то, что путь указан, дает силы на жертвы ради достижения этого будущего.

Подготовил С.П. Шевчук

* * *

Анонсы

V МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ
**«Философия финансовой цивилизации: человек
в мире денег»**

КРУГЛЫЙ СТОЛ

**Учение о ноосфере через призму философии хозяйства
и финансоведения
(к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)**

Ноосфера — сфера сознания, как человеческого — индивидуального и общественного, так и — в предположении — космического, а также — для религиозного сознания — божественного. Сфера слова, языков, понятий, чисел, счета, смыслов, мудрости. Сфера духо-идеальной организации человеческого, — надо полагать, и божественного тоже, бытия. Сфера Софии и Логоса, как и антиСофии и антиЛогоса. Сфера хозяйства, но и сфера экономики, денег и финансов, экономического счета и расчета. Современный кризис ноосферы со стороны человечества. Патаноосфера и нарастающая апокалиптика. Движение по пути очищения и преобразования. Мечты В.И. Вернадского.

16 мая 2013 г.

Львов, Львовский институт банковского дела

* * *

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

***Украина и Россия, Россия и Украина:
особость, общность и совместность.
Экзистенциальная историческая драма***

Две родственные страны, два братских народа, одна цивилизация, общая история, народнохозяйственное переплетение, но наряду со взаимным тяготением — невзаимное отталкивание. Развод с неприязнью или же приязнь без развода? Искусство компромисса и практика взаимоприемлемой совместности. Не слияние, а единение — на основе и в рамках союзнической солидарности. Новые времена, новые реалии, обновленное сознание, обновленное взаимопонимание. Совместная будущность. Не в Европе и не в Евразии, а в Евро-Азии. Текущая мировая апокалиптика и острая проблематика совместного выживания. Преодоление исторической коллизии — конец затянувшейся экзистенциальной драмы!

20 мая 2013 г.

Ирпень, Национальный университет налоговой службы
Украины

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Своеобразие отечественной хозяйственной мысли
в контексте мировой экономической науки
и современный поиск новых парадигмальных решений***

Считается, что самое большее, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособливать к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обу-

словенным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубоко-мысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделил внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостроительства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в со-

ветское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития.

20—21 июня 2013 г.

**МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус
(пр. Вернадского)**

*** * ***

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тугова и Н.Б. Шулевского**

на тему:

***Философия хозяйства как антикризисное
мировоззренческое учение***

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской империльности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризис-

ному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

**Октябрь 2013 г.
МГУ, экономический факультет**

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Кризис в угоду человечеству:
потери, перемены, обретения***

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всю апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

**19 ноября 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Международное воспроизводственное обустройство
евразийского (постсоветского) пространства:
экономика и политика***

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство.

Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, разрешения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

СЕМЕРНИК СНЕЖАНА ЗДИСЛАВОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Белоруссия) (*snezha05@mail.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия (*Orient-express@rambler.ru*).

КОЖУРИН ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ,

к.т.н., генеральный менеджер-директор, Инвестиционная компания «Связь» (г. Днепрпетровск) (*kozhurin.sviaz@mail.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by; caftiec@bsu.by*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,
д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ
(viqta@migmil.ru).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,
к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ; заместитель руководи-
теля, Центр экономики знаний (1tm@mail.ru).

ДОМБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ,
к.э.н., заместитель директора, Институт мировой экономики и меж-
дународных отношений НАН Украины (г. Киев) (ilin_vv@ukr.net).

ЧЕРНИКОВ ТИМУР СТАНИСЛАВОВИЧ,
аспирант, Московская академия экономики и права
(timur_chernikov@mail.ru).

ДЕМАКОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
к.т.н., доцент, кафедра товароведения и экспертизы товаров, Торго-
во-экономический институт Сибирского федерального университета
(г. Красноярск) (evdemakova@ya.ru).

СЛОНОВА ЛИДИЯ АДЛЬФОВНА,
к.ф.-м.н., доцент, кафедра математических методов и информаци-
онных технологий, Торгово-экономический институт Сибирского фе-
дерального университета (г. Красноярск) (evdemakova@ya.ru).

ШИШКИНА ИРИНА ВАДИМОВНА,
к.х.н., доцент, кафедра товароведения и экспертизы товаров, Торго-
во-экономический институт Сибирского федерального университета
(г. Красноярск) (tei_nauka@mail.ru).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н.,
профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изу-
чения человека, философский факультет МГУ (girenok@list.ru).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антрополо-
гии и проблем комплексного изучения человека, философский факуль-
тет МГУ (girenok@list.ru).

КАМАЛОВ ЭМИЛЬ АЛЬФРЕДОВИЧ,
аспирант, кафедра философии и социологии, филиал Казанского
федерального университета в г. Елабуга (emil.pianist@mail.ru).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*v.rjazanov@mail.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Новороссийская государственная морская академия им. Ф.Ф. Ушакова (*kash_vic@mail.ru*).

ПАСЕЧНЫ ЯЦЕК,

д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет (*dstolarek@mail.wz.uw.edu.pl*).

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

академик-секретарь АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела Национального банка Украины (*kgd@lbi.wubn.net*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

КЕШИШЕВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА,

студентка 2-го курса, Высшая школа телевидения МГУ (*elizavetakesh@mail.ru*).

РОГОЖНИКОВА ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., научный сотрудник, заведующая читальным залом экономического факультета МГУ (*rogozhnikova@econ.msu.ru*).

САВИНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА,

к.э.н., директор, Музей истории экономического факультета МГУ (*rogozhnikova@econ.msu.ru*).

ШЕВЧУКОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ,

координатор проектов, Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» (*shevchukov@wpfdc.org*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

